

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

5
2015
Часть VII

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 5 (85) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен Сеймур Пейперт (род. 1928) — выдающийся математик, программист, психолог и педагог. Один из основоположников теории искусственного интеллекта, создатель языка Logo.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Вдовина М. В.,**
Образовательный и воспитательный потенциал программ Animal Planet 603
- Вдовина Е. В.,**
Влияние античной мифологии на современную гендерную культуру..... 605
- Жмурина К. В.,**
Городской двор как источник гуманитарной энергии 607
- Иванникова А. Г.,**
Терминологическая составляющая чая «пуэр» в китайском языке..... 610
- Иванникова А. Г., Казарян А. А., Хоречко У. В.**
Сравнительный анализ устойчивых сочетаний лексемы «чай» русского и китайского языков..... 613
- Исматуллаева Г. Э.**
Традиции и ценности в узбекских семьях 616
- Кошкина И. Д.**
Культура художественной симуляции (на примере фильма Э. Никола «Симона») 617
- Кузьма Т. И.**
Человек как текст в современной культуре удовольствия..... 620
- Лещёва Е. А.**
Бодибилдинг как универсальная метафора современного общества 622
- Матвеева Е. А.**
Образ женщины в живописи прерафаэлитов: сквозь призму культурологии 624
- Писаревская А. А.**
Память как творческий процесс формирования личности и культуры..... 627
- Чивилёв А. А.**
Диалог в межличностной коммуникации 629

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Во Ван Лак**
Изображение молодых женщин в живописи Вьетнама периода обновления (1986–2010 гг.) 632
- Замятина Е. В.**
Формирование садово-парковой эстетики на страницах путеводителей первой трети XIX века 636

ФИЛОЛОГИЯ

- Абдурахмонова Н. П.**
Some features of anatomical terms of motion... 639
- Алексеева В. В.**
Поток сознания как черта импрессионистической литературы». Поток сознания в творчестве Вирджинии Вулф 641
- Будков С. В., Сенцов А. Э.**
Выражение концепта «народ» во французском языке 645
- Говейлер Т. Ж., Лукошкова Т. С.**
Стилистическая роль риторических фигур в сборнике «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева..... 647
- Ипатова С. Н.**
Развитие духовной словесности в первой половине XIX века 649
- Леонов Д. К., Сенцов А. Э.**
К вопросу об анализе политического дискурса в партийных программах..... 652
- Матназаров Т. У., Хоречко У. В.**
Концепт «Дом» в русской и китайской языковых картинах мира 654
- Муминов В. И., Муминова Н. Ф.**
Типы и функции новообразований Я. П. Полонского 657

Плотников Е. Е., Сенцов А. Э.
К вопросу лингвистических парадигмах и методах исследования языка 661

Рустамов Д. А.
Единство языка и культуры..... 663

Рустамова Д. А.
О факторах эвфемизации 666

Сулаймонов Б. Н.
Семантическая деривация номинативных единиц 668

Таджиева Г. Н., Ортикова Э. Ш.
Микросистемы номинативных единиц, выражающих понятия национальной идеи в узбекском языке (лексемы центра и периферии) 670

Туллюлюк Е. В.
Статистические исследования распределения компонентов ЛСП «Чувственное восприятие» в романах авторов-мужчин..... 672

Цой Е. В.
Соотношение терминов «конверсия» — «морфолого-синтаксический способ деривации» — «категориальный переход (переход единицы из одной части речи в другую) 675

ФИЛОСОФИЯ

Багнюк В. А., Сенцов А. Э.
К проблеме философского осмысления феномена будущего 680

Исаков А. А., Кузьмина А. И.
Л. Фейербах о диалектике религии и атеизма..... 683

Радчук Я. В.
Особенности проявления и становления феномена общего дела в период античности 685

ПРОЧЕЕ

Гусев Д. А., Илясов Ф. С., Саяпин В. В.
Исследование пассажиропотоков на участках дорожной сети г. Волгограда на примере «Аэропорт — Центральный район» 691

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Образовательный и воспитательный потенциал программ Animal Planet

Вдовина Мария Владимировна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Человек взаимодействует с человеком — в этом суть процесса образования, в котором рождается гуманитарная энергия, включающей в себя информацию, коммуникацию, речь, изобразительность, нравственность и т.д. «Речь сейчас идет о том, что гуманитарная энергия нуждается в обновлении, в подпитке, в очищении своих источников, а это, в свою очередь, ведет к обновлению гуманитарных технологий, которыми должен быть вооружен любой участник воспитательного и образовательного процесса. Человек (основа гуманистики) не просто поглощает поступающую энергию, но и продуцирует ее на дальнейшее развитие, что позволяет говорить об обновлении образовательного пространства» [6, с.18]. Современные программы «Animal planet» дают примеры гуманитарных технологий, обладающих большим образовательным и воспитательным потенциалом.

Дело в том, что человек неразрывно связан с природой. Очевидно, что ещё с древних времён составляющим элементом культуры выступала именно природа. Различные животные олицетворяли те или иные качества человека, например, такие, как гордость, сила, бесстрашие и другие. Так древние люди подчёркивали свою связь с миром животных и растений.

Различные учёные Древнего и Нового мира изучали мир природы, поведение животных. На сегодняшний день накопилось более чем достаточно подробных знаний о мире природы, написано много книг и снято множество фильмов. Теперь мир природы плотно вошёл в информационное пространство человека и стал элементом не только литературной, но и телевизионной культуры. В статье речь пойдёт о том, как научные и познавательные программы влияют на современного зрителя.

Популярные научные программы про мир природы начали появляться на телевизионных экранах в больших объёмах в начале 2000-х годов. Это связано с тем, что зрители этого времени были более ориентированы на развлекательную тематику, нежели на научную. Многие фильмы делались в развлекательном формате (например «Собаки-полицейские», «Дикие и опасные», «SOSДикой

природе и др). Программы канала «Animal Planet» построены таким образом, что ученые-натуралисты, которые рассказывают о мире природы, ведут себя не столько как ведущие обычной телевизионной программы, сколько как сторонние наблюдатели. Они становятся частью общей панорамы программы.

На «Animal Planet» с помощью голоса природы выражены различные группы, что иногда может быть непонятно простому обывателю по ту сторону экрана. Поэтому недостаточность выражения компенсируется с помощью фрагментов жизни человека, что служит неким «переводом» «языка природы» на язык человеческой социализации, человеческих отношений, правил и законов. Ярким примером является сериал «Поместье сурикатов», который рассказывал о жизни клана сурикаитов, обитающих в пустыне. Его специфика в том, что это не просто научный сериал, где показана жизнь животных, а целый почти художественный сериал, в котором уже сняты несколько сезонов из жизни одной семьи животных. Во-первых, «героям» даны человеческие имена. Во-вторых, продемонстрирована иерархия, процесс рождения, взросления, старения животных, их социализации и конфликтные ситуации. В-третьих, в сериале показаны как драматические, так и комические моменты, поддерживающие постоянную сюжетную интригу, которая заставляет зрителя ждать новую серию, чтобы получить ответ на поставленный в предыдущей серии вопрос. В-четвертых, представлены взаимоотношения в клане, например, как мать заботится о потомстве, как старшие «дети» принимают участие в воспитании младших, заботятся о них, пока родители добывают пропитание и т.д. [3, с. 158–169]

Сурикаты и сама их жизнь — не просто научное исследование, а исследование культурологическое, некая универсальная метафора современной человеческой жизни. В современной культуре типичные образы и метафоры все чаще заменяются универсальными. «Универсальные метафоры, которые «рождает» культура и литература/, то есть метафоры на все случаи жизни... позволяют, во-первых вычленив интересующий ... фрагмент реаль-

ности; во-вторых, расставить акценты, позволяющие определить ценностные ориентиры читателя; в-третьих, создать определенное художественное впечатление» [2, с. 83].

Конфликты, неудачи, «социализация» — всё это показано на примере животных. Миру природы порой не чужды человеческие законы, так же как и человеку не чужды законы природы. Сериал представляет и группы внутри клана (семьи), в которые объединяются зверьки — «социальные буржуа», «демократы» «либералы», «независимые» и т.д. Одни кланы ассоциируются с жителями больших городов, которые имеют свои особые проблемы, заботы и которые нуждаются в определенной помощи. Другие же, наоборот, показаны свободными обитателями сельских равнин (например, иной ороел обитания), которым присущи свои потребности.

Природа часто интерпретируется с позиции рационализма западного человека, который относится ко всему новому с некоторым недоверием. Невольно, это недоверие и критическая оценка переносятся на животный мир других стран и фаун. Животный мир открывает и проблемы коммуникации, свойственные современному человеку. «Коммуникация трактуется как система ограничений для личности. Человек вынужден подчиняться диктату коммуникативных систем. Возникает феномен «коллективного одиночества» [4].

Образовательный и воспитательный потенциал программ «Animal Planet» заключается в том, что человек не должен забывать о том, что он является частью этого мира. «В этой связи возникает весьма важная проблема исследования тех утрат, которые сопровождали процесс развития человека за последние пять-шесть десятилетий, чтобы понять характер и логику обратимости этих процессов. Уже не войны, а вполне мирные онтологические практики, такие как воспитание и образование, становятся источниками разрушительных тенденций, ведущих к деструктивным изменениям человека» [7, с. 54]. Формирование людей утратило гуманитарную компоненту, что, отчасти, компенсируется передачами о животных такого формата. Поэтому, просматривая данные программы, нужно отбросить гордость от того, что взрослый является высшим существом и занять позицию ученика, то есть встать на путь диалога [5].

Натуралисты «Animal Planet» нередко снимают фильмы, используя сложные технологии, которые применяют для съемок сцен, где животные добывают пищу или строят норы и т.д. Например, одной из программ было наглядно продемонстрирован механизм передвижения обезьян по деревьям, чтобы зрители могли увидеть, что обезьяны — это уникальные животные, имеющие особый образ жизни и среду обитания. Возможности наблюдателей многократно увеличены с помощью современных средств медиа и телевизионных коммуникаций. Камера, компьютерная графика и текст ведущих стирают грань реальности, что позволяет зрителю ощутить себя не просто наблюдателем, но и непосредственным участником действия.

Программы «Animal Planet» дают зрителям новую информацию о том или ином животном, однако построение передачи отличается как и от научного, так и от развлекательного формата. Важная позиция этого канала — мысль о необходимости расширения знаний о мире природы. Знания синтезируются в форме, которая преобладала ещё в начале XVIII века в Британии, когда многие аристократы позволяли себе заниматься коллекционированием различных экспонатов и их примитивному описанию. Именно тогда появилось научное направление «Естественная история», включающая в себя знания биологии, зоологии, геологии. Но уже в конце столетия данное направление исчезло, хотя и сохранила многие полезные знания о мире природы.

Сегодня в программах «Animal Planet» показана не только научная, но эмоциональная сторона жизни животных, которая призвана вызвать в зрителе не только научный интерес, но и интерес к другим глобальным проблемам, например проблеме жестокого обращения с животными. «Loveanimals» — это ещё один цикл программ, который посвящен защите животных. Различные сюжеты о спасении животных, наказание их владельцев за жестокое обращение, направлено на широкую публику. В-первых, идёт активная пропаганда того, что жестокое обращение с животными — это одна из проблем современного социума. Вид измученных и истерзанных животных вызывает у зрителя целый спектр эмоций: от отвращения до жалости.

Если учитывать людей с повышенной эмоциональной возбудимостью, то их психологическое состояние после просмотра таких фильмов будет близко к депрессии, поскольку неосознанное чувство вины за поступки других людей будет мучать их. В итоге, после показа таких передач, в обществе строится новая модель отношения к братьям нашим меньшим, которое заключается в том, что животные имеют право на защиту.

Не стоит забывать о том, что среди зрителей, которые смотрят эти программы, присутствуют дети. Поэтому все передачи должны нести в себе не только познавательную, но и воспитательную функцию. На сегодняшний день многие педагоги и психологи отмечают тенденцию отрицательного влияния телевидения на школьников, поскольку большой объём информации, которые получают подростки с экранов телевизора, чаще всего бесполезна и не несёт никакой ценности. Чтобы информация воспринималась зрителями младшего возраста более легко, в программах канала транслируются не только документальные и художественные, но и мультипликационные фильмы. Обращение к жанровым разновидностям позволяют не только рассказывать различные истории, но и перенести новые художественный приёмы в просветительскую и образовательную программу современного воспитания. Их отличие от художественных фильмов состоит в том, что они построены в игровой форме. Примером таких фильмов может служить программа «Симпатичные котята и щенки», где рассказывается о различных породах кошек и собак. В ка-

ждой программе есть свой герой, о котором рассказаны различные истории, представлены его взаимоотношения с окружающим миром и окружающими людьми.

Интересно то, что программы о детёнышах животных можно сравнить с пособием по воспитанию детей. Такие фильмы рекомендуется просматривать всей семьёй и процессе просмотра рассказывать ребёнку о том, как животные родители воспитывают своих «детей», их взаимоотношения. Здесь делается упор на то, что ребёнок может в доступной для него форме посмотреть на отношения ро-

дителей к нему со стороны. Можно говорить о том, что просмотр таких фильмов и сами фильмы являются средствами первичной социализации ребёнка. Также ярким примером может служить фильм «Поместье сурикатов», о котором говорилось выше (показ семейных отношений через призму природы).

«Animal Planet» использует в своем арсенале культурологическое мультиплексирование, являющееся одновременно и метафорой и образовательной технологией, которая требует внутреннего усилия человека [1].

Литература:

1. Валеева, Е. В. Культурологическое мультиплексирование как образовательный ресурс в преподавании гуманитарных дисциплин // Вопросы культурологии. 2014. № 11. с. 54–58
2. Валеева, Е. В. Универсализация метафоры в современном социокультурном пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 1. с. 191–193.
3. Зверева, В. В. «Настоящая жизнь» в телевизоре: Исследования современной медиакультуры. — М.: РГГУ, 2012. — 224 с.
4. Фортунатов, А. Н. Коммуникация и одиночество: опыт диалектического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского 2014. № 1–2. с. 464–467.
5. Фортунатов, Н. М. Эстетика слова как научная проблема // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4–2. с. 982–985.
6. Фортунатова, В. А., Валеева Е. В. Гуманитарная энергия современного образовательного процесса // Вопросы культурологии 2013. № 11. с. 15–19
7. Фортунатова, В. А., Валеева Е. В. Одномерный человек в многомерной гуманитаристике (проблемы и пути их решения в современном образовании) // Вопросы культурологии 2–14. № 8. — с. 53–57

Влияние античной мифологии на современную гендерную культуру

Вдовина Елена Вадимовна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Мировая история культуры характеризуется разной степенью внимания к женщине в обществе. Существовали эпохи матриархата, активного подъема женской самостоятельности, которые сменялись патриархатом, подчиненным и угнетенным положением женщины. XX век прошел под знаком женской эмансипации, результаты которой плачевным образом сказались на развитии культуры, на состоянии семьи, на духовном облике современницы, которая, к сожалению, забыла о своем назначении — дарить жизнь [4, с. 252–259].

Основной задачей данной статьи не является доскональное изучение отдельных персонажей мифологии различных стран, мы рассмотрим особенности строения мифологии на примере Греции, общие гендерные стереотипы и изменяющиеся гендерные роли, закрепленные за женскими и мужскими образами в мифологических, этнических и социальных системах различных культур, а также выявим причины перехода отдельных ролей от персонажа к персонажу по половому признаку в зависимости от уровня развития общества во временном континууме [1, с. 195–197].

В первую очередь, нужно рассмотреть культ Великих Матерей, поскольку данное явление наиболее четко отображает изменение гендерных позиций в различных структурах — от полного почитания женского начала в мифологиях различных стран до перехода женской власти на вторые и третьи позиции по отношению к мужскому началу, а часто и вовсе сведение женского главенства к нулю и передача всех функций мужским божествам. Важно отметить, что под матриархатом мы понимаем не женское всевластие, а влияние женского начала на социум в родоплеменном и других обществах. Примером может служить наследование по материнской линии, при этом большое влияние имеют женские жреческие сообщества.

Рассмотрим мифологию Древней Греции в качестве примера распределение ролей между мужскими и женскими персонажами. (Ученые много спорили по временным рамкам происхождения религиозной основы Греции. В итоге, на данный момент считается, что религия Древней Греции формировалась до 2000 года до

нашей эры, так как позднее уже начинали строиться города в честь некоторых богинь и богов). Как во многих мифологических сказаниях, в древнегреческой мифологии ЖИЗНЬ начинает свое существование из хаоса, но хаос порожден мглой (женский персонаж).

Что появляется первым после хаоса? — Нюкта (ночь), Эреб (мрак) и Эрос (любовь) — это так называемое первое поколение богов. Далее идет второе поколение богов: Эфир (воздух), Гемера (день), близнецы Гипнос (тяжелый сон) и Танатос (смерть), Керы (несчастья), Мойры (женские образы, определяющие судьбу всех существ, включая богов) и другие персонажи — дети Эреба и Нюкты. Далее появляется земля — Гея (олицетворение женского начала, дочь Эфира и Гемеры), которая символизирует Богиню-Мать и является прародительницей всего живого, началом всех начал. У Геи нет равного ей мужского персонажа, так сказать прародителя, что свидетельствует об особом почитании женщин.

Небо — Уран (порождённый Геей, по некоторым источникам он является братом Геи) — становится супругом своей «матери», они рожают на свет титанов, но это не дает Урану (мужскому персонажу) равной власти, так как его же ребенок (Крон) свергает его. А так же в сюжете первого сказания о происхождении мира можно увидеть, что не только створяющая функция отдана женскому образу, но и уничтожающая. Вспомним Богиню ночь, именно, она порождает богиню Танату — смерть, Эриду — раздор, Апату — обман, бога уничтожение Кера, Гипнос — мрачный и ужасающий сон, Немесиду — отмщение за преступления — и множество других.

Далее идет отчетливая дискриминация по половому признаку: страх Крона, что и его может свергнуть кто-то из детей, поэтому он поглощает их, дабы оставаться властителем. Однако это продолжается недолго. История повторяется и тогда, когда к власти приходит Зевс — один из самых могущественных богов в мифологии Древней Греции, являющийся верховным богом Олимпа (боги Олимпа отличаются особым могуществом и бессмертием). Здесь можно подумать, что вот он переход власти от женщины к мужчине, но нет. Зевс имеет равных себе по значению богов — своих освобождённых братьев и сестер. Нужно ли говорить о том, что хотя Зевс и считался царем богов, он не в праве был управлять своей судьбой. Судьбой Зевса управляют три Мойры (женский образ). Первая — Лахесис — определяет судьбу до рождения. Вторая — Клото — прядет нить человеческой жизни. Третья мойра — Атропос — предписывает смерть. Издавна определение судьбы является исключительно женской ролью, эту особенность можно назвать гендерным стереотипом. Но такая функция не приносила счастья женщинам, так как считалось, что женщины, предсказывающие судьбы, — ведьмы (они могли знать больше, чем обычный человек-это пугало людей, существует небезызвестный список примерного описания ведьмы «Молот ведьм». Были и такие времена, когда женщины сжигались, изгонялись и пр. только из-за злых языков).

Итак, Олимп считался «домом» главных божеств, их было двенадцать:

Зевс — громовержец, бог молнии и грозы (покровитель воинов, главный из богов, так как могущество и смелость — самые ценные качества для мужчин древности, это объясняется постоянной опасностью нападения, непрерывные завоевания, в которых побеждает сильнейший).

Аполлон (или Феб) — бог света и солнца, олицетворение гармонии (мирное время очень ценилось греками, поэтому данное божество входило в список наиболее почитаемых).

Артемиды — изначально богиня охоты, с развитием общества ее функции менялись, она стала богиней луны и покровительницей рожениц, Артемиды являлась сестрой-близнецом Аполлона, что говорит об одинаково важном значении этих божеств (функции Артемиды менялись не случайно. Богиня охоты — это огромное значение при родоплеменном строе, так как охота являлась одним из главных источников пищи, а так же умение охотиться сопоставлялось с умением защитить себя и свое племя, что тоже немало важно в беспокойные времена. Затем функции ее меняются: покровительство роженицам — главной функцией женщин всегда считалось рождение на свет детей. А что бы роды прошли хорошо, ребенок родился здоровым, необходимо божество, которому приносились бы жертвы. К тому же роды часто сопровождалась кровотечениям, а потеря крови считалась утратой энергии божества, которую нужно пополнить, принеся жертву, которая дала бы новую кровь богине, что бы та и впредь помогала при родах).

Арес — бог войны (военные действия часто приносили выгоду, новые земли, ценные вещи, но забирали жизни людей, Арес же должен был помочь сохранить воину жизнь и одержать победу).

Афина — богиня военной мудрости, покровитель знаний и ремесел (интересно появление Афины на свет, она выходит из головы Зевса в полном военном облачении. Э эта богиня является одной из наиболее почитаемых, считается любимой дочерью Зевса, обладательницей мудрости, которой так часто не хватало людям).

Афродита — богиня любви и красоты, ее атрибутом считается пояс (любовь — наиболее сильное и важное чувства в жизни людей, считалось, что любовь приходит и уходит по воле Афродиты, так же девушки обращались к данной богине для сохранения красоты и молодости, эта богиня так же входила в список наиболее почитаемых).

Гера — жена и сестра Зевса, главная из богинь Олимпа, считалась хранительницей Олимпа (отвечала за домашний уют, покровительница брака и семьи).

Гермес — изначально бог скотоводства и покровитель пастухов, но с течением времени, когда скотоводство перестает играть одну из важнейших ролей, Гермес становится вестником олимпийских богов, покровителем путешественников. Так же он считается проводником умерших душ до царства Аида, а с развитием торговли

приобретает функцию покровительства купцам (в данном случае явно прослеживается изменение функции божества с развитием общества).

Гестия — богиня домашнего очага, покровительница вечного огня (огонь, очаг, тепло и дом — это сфера Гестии, которая была сестрой Зевса и покровительствовала женщинам-домохозяйкам).

Гефест — бог-кузнец, муж вечно молодой и прекрасной Афродиты (бог огня и кузнечного дела, которое считалось наиболее важным ремеслом для мужчин, сразу после военного дела так, как только благодаря хорошей работе кузнецов, воин мог пользоваться качественным оружием).

Деметра — богиня земледелия и плодородия (с развитием общества земледелие не уходит из жизни людей, оно всегда остается источником пищи, это говорит о важности функции Деметры).

На 12-е место среди Олимпийских богов претендовали: Посейдон — бог морей, источников и различных вод, брат Зевса; Аид — бог царства мёртвых, брат Зевса; Дионис (или Вакх) — бог растительности, виноградарства, виноделия, плодородия земли, самый веселый из богов, ко-

торый покровительствовал виноделам (любимец народа, в честь этого божества устраивались особые праздники после сбора урожая — дионисии, когда все пили винные напитки и веселились) [2].

К наиболее почитаемым богам так же относят: Эрос (или Эрот) — бог любви. Сын Афродиты и Гермеса (Артемиды и Гермеса), крылатый, хитроумный, надменный и жестокий малыш. Геба — богиня юности, дочь Зевса. Персефона — богиня растительного мира, дочь Деметры.

Мифология античной Греции показывает, что в понимание женственности, кроме красоты и внешнего обаяния, человечество включило материнство и воспитание детей, творчество домашнего очага, помощь мужчине. Богоподобной женщину делает любовь. Когда женщина берет на себя функции мужчины, то есть стремиться быть «мужественно», это чревато драматическими последствиями для нее самой и для окружающих [3, с. 464–467].

Антагонизм женского и мужского начала в современной культуре — это показатель его неблагополучия. Культурологическое воспитание, посвященное вопросам пола, должно быть связано с возрождением проверенных временем нравственных аспектов [5., с.100–102].

Литература:

1. Валеева, Е. В. Взаимодействие духовного и чувственного в сознании современного человека // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4–2. с. 195–197.
2. Наговицын, А. Е. Трансформация гендерных ролей в мифологических системах. — М.: МПСИ: Флинта, 2005—440 с.
3. Фортунатов, А. Н. Коммуникация и одиночество: опыт диалектического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1–2. с. 464–467.
4. Фортунатова, В. А. Философия современной культуры: между ростом и истощением // Приволжский научный журнал. 2009. № 3. с. 252–259.
5. Фортунатова, В. А., Валеева Е. В. Гуманитарная синергетика в системе образовательных технологий // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 7–5 (14). с. 100–102.

Городской двор как источник гуманитарной энергии

Жмурина Ксения Владимировна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Современное образование, как и современная культура, характеризуется общей анемией и снижением энергии знания, крайней неопределенностью и противоречивостью. «Проблема в том, что сегодня мы имеем дело с тем, что гуманитарное образование оказывается перегруженным и уводит человека от главного — от понимания собственной природы и смысла своего существования, то есть перестает быть онтологичным» [5, с. 16]. Понятию «энергия» имеет давнюю традицию. Достаточно вспомнить его аристотелевское толкование. «... гуманитарная энергия возникает в ходе двустороннего движения от человека и к человеку, при этом по-

является синтезирующий продукт, который не может явиться в процессе общей кумуляции, то есть механического сложения частей образовательного процесса» [5, с. 16]. Одним из источников гуманитарной энергии нам представляется городской дворик. Городской двор рождает не только информационную энергию, но и образную, поскольку в нем сконцентрирован ступень человеческого переживания, которое облагорожено человеком, его художественным видением происходящего [3].

Двор — центр социальной жизни и городской среды. Если большие площади столицы демонстрировали ве-

личие города и проходивших в нём мероприятий, то укромные уголки внутренних кварталов небольших городков отражали прозрачную повседневность и социальную жизнь низших слоёв населения. Ярким проявлением этого является Арзамас [1, с. 7–54]. Дворы и маленькие дворики придают этому городу особый облик, и не менее интересны и уникальны, чем богатые архитектурные ансамбли столицы.

Во времена Советского Союза происходило уничтожение дворов. Арзамас не был исключением. Была развёрнута компания по сносу заборов, ограждающих дворы. Строились дома без дворов. Однако даже там возводились прямоугольные башни или коробки, которые располагались вдоль одной линии параллельно друг другу. Между ними находилась миниатюрная улица, а дворы организовывались зелёными насаждениями у подъезда, подъездами, песочницами, клумбами.

Формирование городского двора происходило на протяжении длительного периода. Элементы его существовали раздельно. До середины 18 века в России самой многочисленной формой населения была слобода. Это обособленное поселение людей, у которых имелись личные управления, размещавшиеся в особых избах, их-то и называли дворами.

Иначе функционировали гостинные и монастырские дворы, которых в Арзамасе особенно много и сегодня. Гостинные дворы имели высокие каменные стены и проездные ворота. На стенах по углам располагались башни, иногда со скульптурой и часами. Внутри двора внизу находились лавки, а наверху располагались нижние комнаты, входившие в галерею. Гостинный двор имел богатое убранство на внутренних стенах, что придавало праздничный вид двору. И устройство монастырского двора было схожим: высокие крепостные стены, богатое оформление внутреннего двора. Здесь сочетались изолированность помещения с общим использованием территорий двора. Купеческая и боярская усадьба состояла из 3-х частей: переднего, заднего дворов и огорода с садиком. Дома строились внутри усадьбы, проводя границу между передним и задним дворами, где вынуждены были экономить место.

Под влиянием европейского барокко в 17 веке городские усадьбы делились на две зоны: парадную и хозяйственную, что способствовало формированию двух планированных типа. В первом случае дома располагались вдоль улицы задним фасадом, который был лишён декора. При этом внутренний двор украшался, а с улицей соединялся подъездом: арочным или боковым. Здесь и находился парадный вход (красное крыльцо). Хозяйственные постройки располагались на «заднем дворе». Изолированность существования сочеталась здесь с использованием дворовой территории всеми жильцами коллективно. Во втором случае дом располагался в глубине участка: «задний двор» и сад отделялись от «переднего», который отделялся от улицы забором с парадными воротами.

При Петре I появилось понятие петербургский двор. К сожалению, ничего подобного в Арзамасе не было.

Участки под застройку нарезались прямоугольниками и застраивались по периметру участка. Лицевой флигель строился вдоль улицы по ширине участка, который составлял примерно 21 метр для именитых, 10 метров — для других. Глубина участка — приблизительно 65 метров. Служебные постройки, размещающиеся во дворе, плотно примыкали к границам участка. Двор располагался за дом, проход к которому был с задней стороны участка. Отделялся двор от улицы преимущественно деревянным забором из досок, зачастую старых с дырками от гвоздей. Для входа во двор устраивались в заборе ворота и калитки. В советское время почти все заборы были сняты и дворы стали открытыми. В первые годы основания в Петербурге, который занимал небольшую территорию, между рекой Мойкой и Адмиралтейством возникла слобода, в ней жили простые мастеровые и служащие. Усадьбы же Петербургской знати располагались вдоль реки. Южнее реки Мойки в 18 веке появились постройки, и границу пришлось перенести на Фонтанку, вдоль берегов которой по обеим сторонам стали строиться барские усадьбы. Дома были расположены в конце участка. К одной стороне здания примыкал парадный двор, сад же был с другой стороны. [2, с.202–208].

Парадные дворы — курдонеры — стали украшать город в 30-е годы 18 века, но они не могли быть коммунабельными дворами, т.к. принадлежали одному человеку и были скрыты от глаз посторонних. От улицы курдонеры отделяются сквозной оградкой из чугуна. В отличие от боярских дворов они получают новую общественную функцию.

Первые доходные дома имели две функции: функцию жилого дома и функцию гостинного двора. Лавки располагались на нижнем этаже и выходили не на двор, а на улицу. Они сдавались как жилые комнаты. Жилые домовладения находились выше, а комнаты для служащих и комнаты, которые сдавались, располагались на последних этажах. Вход в дом был со двора, в котором располагались сарай для дров, кухни, конюшни. Лицом города в конце первой половины 19-ого века стало доходное строительство. Фасады домов становятся более простыми, исчезают курдонеры, и дома не представляют эстетической ценности, они становятся деталью улицы. Внутриквартальное пространство, которое занимало во второй половине 19 века большую часть города, выполняют функцию «задних дворов», т.е. Лицевые фасады принимают на себя общегородскую территорию.

В конце 19 — начало 20 века появляется стиль модерн. Курдонеры снова возвращаются. Меняется представление об идеальном жилище, предполагающее удобную планировку, наличие коммунальных удобств, детских площадок, мест отдыха и т.д. Двор теперь приобретает социальную значимость. Он становится бытовой средой дома и представляет собой парадный ансамбль: подъезды, тротуары, разбитые газоны и цветники. В другом случае двор активно включается в структуру города. На первых этажах фасадов, которые выводят во двор, находятся

магазины и конторские помещения. Двор уже не пространство жильцов, а часть оживлённой улицы. В конце 20-х — начале 30-х годов жилые здания строят в глубине квартала, торцами к улице. Кризис двора становится глубже. Периметральная система застройки квартала даёт возможность появлению неравнозначных городских территорий: парадных и непарадных. А в новообразованных дворах наравне с постройками, необходимыми для быта двора, оставались элементы старой застройки. Переулки и разные уголки были отделены многоэтажными домами от городских магистралей и превратились во внутриквартальные проезды. Городское строительство в конце 50-х начале 60-х годов поделило город на старый и новый. Функции городского двора в новом Арзамасе должна была принять организация микрорайона. Этого не произошло.

Долгие века коммунальный двор существовал как часть владения. Здесь взаимодействовала планировочная структура и система социальных связей: жилище защищало каждого от внешних воздействий, а коммунальный двор изолировал всех жильцов от воздействия городской среды. Двор приобрёл многофункциональность: он и защищает жилище и противостоит городу. Повышение роли города в развитии общества обостряет эти две функции. Человек чувствует себя свободным в городской среде, с одной стороны. С другой — быстрее хочется оказаться в своём дворе, в своём жилище, окунуться в привычную атмосферу. Он выполняет ещё и психологическую роль. Двор — это промежуточное звено между городом и домом, и двор — это объём, который образован около дома, находящегося в обособленности от города. Двор играет вторичную роль по сравнению с домом.

Дворовое пространство используется по-разному, но обычно — это цветники у подъезда, сушилка для белья, песочница, а чуть подальше — сараи. Но хозяйственно-бытовая деятельность перемещается внутрь квартиры, и пространство двора остаётся не использованным.

Старые дворы многолики. Арзамасские дворы обычно изолированы от внешнего мира, это интерьеры под открытым небом. Они имеют архитектурную ценность, т.к. построены в разные эпохи. Они не имеют связи с природой, хотя и в ходе капитального ремонта дворы — колдцы были разряжены большими дворами с зелёными

насаждениями. И они имеют глубоко социальный смысл: они принадлежат многоквартирным зданиям.

Фасад здания традиционно обращён в сторону улицы, а двор выполняет социально — бытовые функции. При этом происходит эстетическая переоценка архитектурных форм: чёрный ход становится главным, территория двора превращается в главную действующую сценическую площадку, где есть свои герои. Двор становится моделью мира, а дворовой социум — моделью общества. Для детей двор — это место, где ребёнок встречается с разными детьми, чей жизненный опыт богаче, это место, где он учится самостоятельности.

В нашей стране существует особая специфика дворов, связанная с переселением в города крестьян и жителей рабочих окраин, принесших с собой традиции соседского общения. Наиболее быстро в жизнь двора включились дети, не имеющие опыта дворового общения. Двор для них оставался единственным источником общения. Война изменила жизнь двора. Главной фигурой во дворе становится подросток. Рост преступности в условиях послевоенной разрухи придаёт двору негативную окраску. После 40-х годов двор престал способствовать соседскому общению. Так как повышались образовательный уровень, благосостояние, духовные потребности, то жители тяготели к общению по интересам. А во дворе по-прежнему остаются дети и пенсионеры. В 50-е годы началось массовое жилищное строительство, люди стали менять место жительства и перестали тяготеть к городскому двору. Это был главный удар. В современном городе человек не нуждается в соседском общении, как правило, мало знает своих соседей в лицо. Однако остались ещё такие соседские общности, как дети, пенсионеры, автомобилисты, владельцы собак. В настоящее время появляются иные типы сосуществования: это и кварталы коттеджной или элитной застройки, и «мир-дом», то есть башни с полным набором услуг, которые удовлетворяют многие человеческие потребности. Двор выполняет и важную социальную роль. Сегодня городской двор получает бесспорный приоритет в обеспечении комфортного проживания, поскольку логически продолжает жилое помещение. Гуманитарная энергия городского двора порождает ту внутреннюю энергию, которая помогает человеку найти необходимое ему тепло, поскольку основана на особом теплообмене поколений. Все это рождает многомерного человека [4].

Литература:

1. Валеева, Е. В. Психологические основы художественного образа: монография. — Саров, Нижегородская обл: ИП Кораблев А. Е., 2009—219 с.
2. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности. — СПб.: Алетейя, 2009. — 232 с.
3. Фортунатов, А. Н. Коммуникация и одиночество: опыт диалектического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1—2. с. 464—467.
4. Фортунатова, В. А. Гуманитарные основы предпринимательской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2013. № 4—2. — с. 246—249
5. Фортунатова, В. А., Валеева Е. В. Гуманитарная энергия современного образовательного процесса // Вопросы культурологии 2013. № 11 с. 15—18.

Терминологическая составляющая чая «пуэр» в китайском языке

Иванникова Алена Геннадьевна, магистрант
Томский государственный университет

Казарян Арегназ Арсеновна, студент;
Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой
Томский политехнический университет

Культура «чая» в Китае на сегодняшний день занимает весомое место в мировой культуре в целом, и способствует популяризации китайской культуры, в частности. Чай «пуэр» является неотъемлемой частью китайской чайной культуры, поэтому он стал своеобразным «вводным курсом» для тех, кто изучает культуру чая сегодня. В настоящее время всё большее число учёных приезжает в Китай исследовать чай «пуэр», где они получают знания не только о культуре чая, но и о китайском языке. Китай, в свою очередь, предоставляет иностранным гражданам базу для таких исследований.

Чай «пуэр» является древнейшим сортом китайского чая, который оставался популярным на протяжении веков и широко употребляется сейчас. Именно с этим чаем свя-

зано зарождение чайного производства, начало «Древнего чайного пути», именно поэтому данный чай характеризуется наличием большого количества специальных терминов и устойчивых сочетаний, которые являются важной составляющей чайной культуры Китая и заслуживают отдельного рассмотрения.

В связи с тем, что на сегодняшний день многие чайные термины так и не переведены с китайского языка на русский, мы можем привести только их описательный перевод. Нижеперечисленные термины были почерпнуты нами в ходе непосредственного общения с людьми, профессионально занимающимися разведением чая в Китае.

В следующей таблице приведены термины чая «пуэр» и их значения:

Термин	Транскрипция	Значение	Словарь
Различия по способу прессования:			
1. 龙团凤饼	Long tuan feng bing	«Лун туань фэн бин» (чай круглой формы с изображением дракона и феникса): в эпохи правления династий Тан и Сун люди любили чрезвычайно искусно приготовленный прессованный в форме блина чай, на его внешней стороне были изображения дракона и феникса, поэтому он и получил своё название. Он также является прародителем прессованных чаёв.	
2. 沱茶	Tuo cha	Точа (прессованный чай в форме чаши): существует множество версий относительно происхождения данного названия. Некоторые утверждают, что название произошло от древнего места продажи чая в районе Тоцзян провинции Сычуань. Согласно другой гипотезе, в 1902 г. в городе Сягуань провинции Юньнань чаоторговцы заменили плиточный чай на чай в форме чаши, и, так как он производился в г. Сягуань, то получил название «Сягуаньский чай в форме чаши». Существует точа весом 125, 100 и 250 граммов.	
3. 七子饼茶	Qi zi bing cha	Пуэр «Цици бинча» (семь блинов чая): семь — это счастливое число в Китае, семь — это символ большого потомства и счастья. Такая форма чая напоминала полную луну. Этот тип чая продавался из провинции Юньнань в Гонконг, Макао, южно-восточные районы Азии, его отправляли как подарок китайским эмигрантам и иностранным друзьям, поэтому он также называется «чай круглой формы для продажи эмигрантам», «пуэр Цици бинча для продажи эмигрантам». «Цици» означает большое потомство и большое счастье. В каждой упаковке из семи блинов каждый блин весит 357 граммов.	
4. 紧茶	Jin cha	Прессованный чай: имеет одинаковое происхождение с чаем «Точа», произошёл от плиточного чая. Так как плиточный чай толстый и спрессованный в центре, и вначале он продавался в Тибет, то из-за длинной дороги он мог стать токсичным. Чайный завод Фохай на протяжении 6 лет с 1912 до 1917 года выпускал чай формы сердца вместо плиточного. В упаковке было 7 штук такого спрессованного чая, каждый весом 238 граммов. В 1986 году чайный завод Сягуань возобновил выпуск чая формы сердца весом 250 граммов и продолжает выпускать его до сих пор. На рынке он имеет такие наименования, как «Чай дочери», «Головка гриба», «Ароматный гриб», «Коровье сердце».	

5. 砖茶	Zhuan cha	Кирпичный чай: вид прессованного чая, в 1967 году прессованный чай формы сердца был изменён на прямоугольную форму, или форму кирпича. Его прессовали автоматически, каждая форма размером 14x9x2.5 весила 250 граммов.
6. 四喜方茶	Si xi fang cha	«Сы си фан ча» (прямоугольный прессованный чай «Четыре радости»): после образования КНР компания провинции Юньнань по импорту и экспорту чая стала выпускать кирпичный чая, на лицевой стороне которого были напечатаны иероглифы «китайский чай», а на обратной стороне — «прямоугольный чай пуэр». Однако такого чая уже нет на рынке. Сейчас на рынке можно увидеть чай весом 250 и 500 граммов с изображениями четырёх иероглифов: счастье, экологичность, долголетие, радость.
Свойства чая пуэр:		
1. 边境茶	Bian jing cha	Приграничный чай: на рынке также имеет название «чай северного Вьетнама», выращивается на границе между провинцией Юньнань Китая и Вьетнамом.
2. 春茶	Chun cha	Весенний чай: чай, собранный в провинции Цзяннань с февраля по апрель. Климат провинции Юньнань не имеет четырех сезонов, а имеет только сезон засухи и сезон дождей. Так называемый весенний чай провинции Юньнань собирается в промежуток времени между празднованием Нового года по китайскому календарю и до наступления сезона дождей. Таким образом, чай, собранный в период между февралём и мартом, называется «весенним чаем».
3. 谷花茶	Gu hua cha	Чай «Гу хуа» — это чай, собираемый третий раз в году в осенний период, когда зацветают зерновые культуры. Поэтому он и получил такое название, дословно означающее «цветы зерна».
4. 雨前茶	Yu qian cha	«Чай перед дождём»: ежегодный климат провинции Юньнань подразделяется на сезон засухи и сезон дождей. С октября по конец мая наблюдается сезон засухи. В начале апреля обычно идут дожди, «чаем перед дождём» называют чай, собранный до этого периода.
5. 雨水茶	Yu shui cha	«Чай дождевой воды»: чай, собранный в период с конца мая по конец сентября в сезон дождей.
Вид листа чая пуэр после заваривания:		
1. 柔韧		«Мягкий и эластичный» лист, обычно это является признаком чая естественной формации.
2. 干硬	Gan ying	«Сухой и твёрдый»: имеет преимущественно красно-коричневый цвет, неэластичный. Такой чайный лист у искусственно состаренного чая, прошедшего лёгкую ферментацию, а также у чая естественной формации при хранении во влажном хранилище.
3. 黑硬	Hei ying	«Черный и твёрдый»: такой чайный лист у искусственно состаренного чая, прошедшего повторную ферментацию, или у чая естественной ферментации, хранимого на складе, имеет чёрный цвет, неэластичный.
4. 糜烂		«Гнилой»: таким чай может стать вследствие химических удобрений, подверженности сырости искусственно состаренного чая, ненадлежащей естественной ферментации чая и т.д.
Ферментация чая «пуэр»:		
1. 茶叶发酵	Cha ye fa jiao	С давних времён люди считали, что процесс ферментации проходит благодаря действию микроорганизмов, однако в конце 19го — начале 20го вв учёные обнаружили, что изменения в чайном листе проходят и при отсутствии кислорода, поэтому было предположено, что частично процесс ферментации проходит без участия кислорода и микроорганизмов. Так как чай «пуэр» не подвергается сушке при высокой температуре, то в чайном листе по-прежнему поддерживают жизнедеятельность окисляющие вещества и бактерии, которые и оказывают ферментирующее действие на лист.
2. 热发酵	Re fa jiao	горячая ферментация: в 70-ые года прошлого века быстрое развитие технологий ферментации чая, увеличение температуры и влажности ферментации было направлено на снижение содержания кофеина и других содержащих фенол компонентов и на смягчение вкуса чая, придание сладости. Горячая ферментация проходит при температуре 60–65 С, в результате получается искусственно состаренный чай «пуэр».

3.冷发酵	Leng fa jiao	Холодная ферментация: перед сушкой проводят ферментацию чая под воздействием низких температур, в результате которой усиливается действие микроорганизмов, окисление, тем самым убыстряется сама ферментация.
4.后发酵	Hou fa jiao	Повторная ферментация: особенность повторной ферментации состоит в том, что ферменты не прекращают своей активности из-за воздействия высокой температуры. В уже готовом спрессованном или рассыпном чае может продолжаться процесс ферментации, который и за многие года не приведёт к порче чая.
Способы упаковки чая «пуэр»:		
1.件	jian	«Цзень»: традиционная мера веса чая «пуэр», также ещё имеет наименование «чжи». За последние годы чай «пуэр» стал очень популярным, существует очень много его типов упаковок и весовых стандартов, поэтому и мера веса «цзень» также претерпевала изменения.
2.筒	tong	«Тун»: традиционная мера веса чая «пуэр», в одном «туне» весом 2.5 кг содержалось 7 блинов чая. В 2000 году начался выпуск чая весом 400 граммов/блин, что стало новым стандартом выпуска чая.
3.竹壳包装	Zhu ke bao zhuang	Твёрдая бамбуковая упаковка: бамбуковая упаковка провинции Юньнань использовалась вплоть до 1960 года. За последние годы производство чая в Китае сильно увеличилось, поэтому бамбукового материала стало не хватать, и другие виды упаковок постепенно пришли на замену этой.
Другие термины:		
1.烟熏味	Yan xun wei	«Запах гари»: по технологии изготовления чая национальными меньшинствами Китая недоработанный чайный лист в процессе сушки приобретает особый запах, полученный в результате воздействия горения древесного угля.
2.白霜	Bai shuang	«Белый налёт»: такое наименование имеют микроорганизмы белого цвета на поверхности листа.
3.仓味	Cang wei	«Запах склада»: такой специфический запах приобретает чай в результате прохождения процесса складирования. Например, в старых чайных складах Гонконга время хранения чая довольно большое, поэтому, чай приобретает особый запах. В материковом Китае хранение чая производится в закрытых сухих помещениях при низких температурах, поэтому чай приобретает особый земляной запах.

В приведенной выше таблице присутствуют термины, описывающие процесс переработки чая, в частности, различные способы прессования (6): 沱茶 tuo cha — прессованный чай в форме чаши, **ферментации** чайного листа (4): 后发酵 hou fa jiao — повторная ферментация, что влияет на характеристики завариваемого чая. Также в таблице представлены определённые **свойства чая** (5): 春茶 chun cha — весенний чай, который он приобретает в зависимости от места произрастания и времени сбора, **типы упаковок** (3): 筒 tong — тун (2.5 кг), **вид чайного листа после заваривания** (4): 干硬 gan ying — сухой

и твёрдый. Вся терминология, приведённая в таблице, не встречается в русском языке, поэтому при переводе нам было необходимо использовать описательный перевод.

Анализ терминологического толкования лексемы чая «пуэр» также, как и ряд исследований до этого [1], [2], [3], [4] даёт нам право утверждать, что концепт «чай» в целом имеет гораздо более обширное и многоаспектное содержание в лингвокультурном пространстве Китая, чем в России, и, прежде всего, это связано с более чем тысячелетней историей развития культуры чая, что проявилось в богатом словарном фонде концепта «чай».

Литература:

1. Иванникова, А. Г. Сравнительный анализ пословиц, поговорок и фразеологизмов русского и китайского языков [Текст] / А. Г. Иванникова, А. А. Казарян, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 4. — с. 729–734.
2. Иванникова, А. Г. Сравнительный анализ производных лексем «чай» русского и китайского языков [Текст] / А. Г. Иванникова, А. А. Казарян, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 3. — с. 915–919.
3. Иванникова, А. Г. Сравнительный анализ толкований слова «чай», представленных в словарях русского и китайского языков [Текст] / А. Г. Иванникова, А. А. Казарян, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 3. — с. 919–923.
4. Иванникова, А. Г. Концепт «чай» в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков) [Текст] / А. Г. Иванникова, А. А. Казарян, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2014. — № 20. — с. 698–701.

5. 字大典. [Электронный вариант]. URL: <http://zd.eywedu.com/>
6. 新字典. [Электронный вариант]. URL: <http://xh.5156edu.com/>
7. 康熙字典. [Электронный вариант]. URL: <http://tool.httpcn.com/KangXi/>
8. 文解字. [Электронный вариант]. URL: <http://www.cidianwang.com/shuowenjiezi/>
9. 成典. [Электронный вариант]. URL: <http://www.cidianwang.com/cy/>
10. 构字典. [Электронный вариант]. URL: <http://cy.5156edu.com>

Сравнительный анализ устойчивых сочетаний лексики «чай» русского и китайского языков

Иванникова Алена Геннадьевна, магистрант
Томский государственный университет

Казарян Арегназ Арсеновна, студент;
Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой
Томский политехнический университет

Культура чая в России и Китае имеет многовековую историю. В течение длительного времени концепт «чай» был сформирован и закреплён в языковых картинах мира и культурах России и Китая. Подтверждение этому мы можем найти в лексическом фонде языков, в котором содержится большое количество языковых репрезентантов концепта «чай». А наличие устойчивых сочетаний говорит о том, что данный концепт существует не только в словарных и литературных источниках, но также вошёл в каждодневное употребление.

Для начала рассмотрим примеры устойчивых сочетаний в русском языке, которые были взяты из Толкового словаря русского языка Д. В. Дмитриева, 2003 г. [1], где приводится их следующее деление:

Выращивание чая:

1. Плантация чая
2. Куст чая
3. Разводить, выращивать чай
4. Сбирать чай
5. Производство чая

Сорт чая:

1. Черный (сухие измельчённые листья, которые имеют после обработки чёрный цвет с оттенком (красноватым, синеватым, блестящим, оранжеватым и т.п.)
2. Цветочный
3. Зеленый (сухие измельчённые листья чая, которые после обработки имеют зелёный цвет, а сам чай — оздоравливающий эффект)
4. Байховый (чай, который после механической обработки листа становится рассыпным. Название «байховый» происходит от китайского слова «бай — хоа», что означает «белая ресничка»)
5. Элитные сорта чая
6. Китайский чай
7. Индийский чай
8. Русский чай

9. Грузинский чай

Чай как напиток, настой:

1. Грудной чай
2. Травяной чай
3. Заварить чай
4. Крепкий чай
5. Вечерний чай
6. Чайный прибор
7. Сладкий чай
8. Разливать чай
9. Пить чай
10. стакан чая
11. Чай с молоком, с мёдом, с сахаром

Упаковка, фасовка чая:

1. Гранулированный чай (особым образом обработанные чайные листья, которые имеют вид гранул)
2. Прессованный чай
3. Кирпичный чай (низший сорт чая, который спрессован в форме кирпичей)
4. Чай в пакетиках

Чайные добавки:

1. Ароматизированный чай (чай с добавлением приятно пахнущих веществ, например масел растительного происхождения)
2. Витаминный чай (чай с добавлением измельчённых сухих плодов (черники, шиповника и т.д.), содержащих большое количество витаминов)
3. Суррогатный чай (заменитель чая, который готовят из растительного продукта (травы, зерна, корня дерева и т.п.) и который по вкусу или по цвету похож на листовый чай)

Как мы видим из приведённых примеров, основная доля устойчивых словосочетаний приходится на обозначение чая, как **напитка** (11) и на выделение **сортов чая** (9). Незначительная часть сочетаний приходится на аспект **выращивания чая** (5), **упаковку чая** (4) и **чайные добавки**

(3). Из этого мы можем заключить, что чайная терминология со значением «напитка» является основной составляющей частью чайной культуры в России. Это связано с тем, что Россия — страна, непроизводящая, но активно потребляющая чайную продукцию. Таким образом, в нашем языке не может появиться много слов и выражений, обозначающих специфику выращивания чая и переработки чайного листа, а количество и разнообразие чайных сортов, различные упаковки и способы фасовки чая — фактор, зависящий от внешних поставок чая на российский рынок. Однако, нельзя отрицать, что в России успела образоваться характерная культура чаепития, которая нашла отражение в устойчивых сочетаниях. Так, русские обычно пьют чай вприкуску с чем-либо, например, вместе с пирожными или другими сладостями или добавляют в чай сахар или мёд («сладкий чай», «чай с са-

харом, медом»). Также русское чаепитие характеризуется питьём чая с лимоном или молоком.

В китайском языке

Для сравнения обратимся к устойчивым сочетаниям китайского языка: их намного больше, чем в русском языке, так как китайская чайная традиция глубоко уходит корнями в прошлое. Китай на протяжении столетий является лидирующей страной по производству и потреблению всевозможных видов чая, поэтому в китайском языке существует целый пласт терминологической «чайной» лексики. Терминология, приведенная ниже, была почерпнута нами в ходе непосредственного общения с людьми, профессионально занимающимися разведением чая в Китае, толкования были взяты из специализированных словарей [2–7].

Термин	Транскрипция	Перевод
1. 不发酵茶 (即绿茶)	bù fājiào chá	Отсутствие ферментации (характерна для зелёного чая)
2. 部分发酵茶 (白茶、黄茶)	bùfen fājiào chá	Частичная ферментация (белый и жёлтый чай)
3. 半发酵茶 (即乌龙茶)	bàn fājiào chá	Полуферментация (чай улун)
4. 全发酵茶 (即红茶)	quán fājiào chá	Полная ферментация (красный чай)
5. 后发酵茶 (即普洱茶等)	hòu fājiào chá	Пост-ферментация (чай «пуэр» и т.д.)
Виды зелёного чая:		
1. 蒸青绿茶	zhēng qīng lúchá	Пропаренный зелёный чай
2. 银针绿茶	yínzhēn lúchá	Чай «серебряная игла»
3. 松卷绿茶	sōng juǎn lúchá	Скрученный чай
4. 粉末绿茶	fěnmò lúchá	Порошковый чай
5. 原形绿茶	yuánxíng lúchá	Зелёный чай первоначальной формы
6. 剑片绿茶	jiàn piàn lúchá	Зелёный чай формы меча
7. 圆珠绿茶	yuán zhū lúchá	Зелёный чай формы жемчужины
Виды чая «пуэр»:		
1. 生茶	shēng chá	Чай естественной формации
2. 熟茶	shú chá	Искусственно состаренный чай
3. 紧压茶	jǐn yā chá	Прессованный чай (кирпичный, плиточный, фигурный)
4. 散茶	sǎn chá	Чай на развес
Виды чая «улун»:		
1. 白茶乌龙	bái chá wūlóng	Белый улун
2. 球形乌龙	qíúxíng wūlóng	Гранулированный улун
3. 白毫乌龙	bái háo wūlóng	Байховый улун
4. 熟火乌龙	shú huǒ wūlóng	Обжаренный улун
Виды красного чая:		
1. 功夫红茶	gōngfu hóngchá	Недроблёный чай
2. 碎形红茶	suì xíng hóngchá	Дроблёный чай
Процесс изготовления чая:		
1. 采青	cǎi qīng	Сбор чая
2. 萎凋	wēi diào	Завяливание
3. 日光萎凋	rìguāng wēidiào	Завяливание под солнцем
4. 室内萎凋	shìnèi wēidiào	Завяливание в помещении
5. 静置	jìng zhì	Вылеживание
6. 搅拌 (浪青)	jiǎobàn (làng qīng)	Перемешивание
7. 发酵	fājiào	Ферментация
8. 氧化	yǎnghuà	Окисление
9. 杀青	shāqīng	Остановка окисления для сохранения зелёного цвета
10. 蒸青	zhēng qīng	Распаривание

11.炒青	chǎoqīng	Обжарка
12.烘青	hōng qīng	Автоматическая сушка
13.晒青	shài qīng	Сушка на солнце
14.揉	róu	Протираание
15.轻揉	qīng róu	Лёгкое протираание
16.重揉	zhòng róu	Сильное протираание
17.干燥	gānzào	Высушивание
18.炒干	chǎo gàn	Высушивание путём обжаривания
19.烘干	hōnggān	Высушивание в автомате
20.晒干	shài gàn	Высушивание на солнце
21.精制	jīngzhì	Рафинирование
22.筛分	shāifēn	Просеивание и сортировка
23.剪切	jiǎnqiē	Обрезание
24.整形	Zhěngxíng	Придание формы
25.紧压	Jǐn yā	Прессование
26.覆火	Fù huǒ	Повторная сушка
27.陈放	chénfàng	Старение
1.包装	Bāozhuāng	Упаковка
2.真空包装	zhēnkōngbāozhuāng	Вакуумная упаковка
3.充氮包装	chōng dàn bāozhuāng	Упаковка, наполненная азотом
4.碎形小袋茶	suì xíng xiǎo dài chá	Маленькие пакетики для дроблёного чая

Итак, как мы видим, в китайском языке присутствует большое разнообразие специализированной чайной терминологии. Так, большое число терминов характеризует особенности **процесса изготовления чая** (27): 蒸青 zheng qīng — распаривание, куда также могут быть включены составляющие, обозначающие виды чайных **упаковок** (4): 真空包装 zhen kong bao zhuang — вакуумная упаковка, и **процесс ферментации** (5): 热发酵 re fa jiao — горячая ферментация. Помимо этого, виды китайского чая, присутствующие на российском рынке и знакомые российскому потребителю, в Китае имеют ещё и **деление внутри вида**. К примеру, в данной таблице мы наблюдаем подвиды **зелёного чая** (7): 蒸青绿茶 zheng qīng lu cha — пропаренный зелёный чай, **красного чая** (2): 碎形红茶 sui xíng hong cha — дроблёный чай, **чая «пуэр»** (4): 生普洱 sheng pu er «пуэр» естественной формации, **чая «улун»** (4): 白茶五龙 bai cha wu long — белый чай «улун». Разнообразие приведенных сочетаний подтверждает богатство китайской чайной культуры, что находит своё отражение в языке, где зафиксированы термины, относящиеся к каждой сфере концепта «чай».

Таким образом, можно констатировать, что количество устойчивых сочетаний, относящихся к концепту «чай», в китайском языке (53) значительно больше, чем в рус-

ском (32). Это, с одной стороны, символизирует то, что история чая в Китае занимает несравненно больший промежуток, чем в России, в связи с чем, концепт «чай» получил значительное развитие в китайской культуре и, соответственно, языковой картине мира. С другой стороны, приведённые примеры говорят о том, что сфера использования чайной терминологии в Китае шире по сравнению с Россией. К примеру, в русском языке отсутствуют устойчивые словосочетания, обозначающие **процесс изготовления** чая (晒青 — сушка на солнце), а также **ферментацию** чая (冷发酵 — холодная ферментация). К тому же, видовое разнообразие чая в России обусловлено лишь поступлением определённых его сортов в качестве экспортного товара, поэтому чай имеет лишь **родовое название** (чёрный, зелёный чай), в то время как в Китае существует ещё и **подвидовое деление видов чая** (蒸青绿茶 — пропаренный зелёный чай, 碎形红茶 — дроблёный красный чай).

Однако, в русском языке есть устойчивые выражения со значением «**добавки к чаю**»: ароматизированный чай, витаминный чай. Такие выражения отсутствуют в китайской языковой картине мира, так как китайцы всегда пьют, как сказали бы русские, «пустой» чай, без каких-либо добавок и не вприкуску со сладостями.

Литература:

1. Дмитриев, Д. В. (ред.) Толковый словарь русского языка. [Электронный вариант]. URL: <http://www.enc-dic.com/dmytriev>
2. 字大典. [Электронный вариант]. URL: <http://zd.eywedu.com/>
3. 新字典. [Электронный вариант]. URL: <http://xh.5156edu.com/>
4. 康熙字典. [Электронный вариант]. URL: <http://tool.httpe.cn.com/KangXi/>
5. 文解字. [Электронный вариант]. URL: <http://www.cidianwang.com/shuowenjiezi/>

6. 成典. [Электронный вариант]. URL: <http://www.cidianwang.com/cy/>
7. 构字典. [Электронный вариант]. URL: <http://cy.5156edu.com>

Традиции и ценности в узбекских семьях

Исматуллаева Гульшода Эргашевна, преподаватель

Ферганский областной институт переподготовки и повышения квалификации работников народного образования (Узбекистан)

Политика Республики Узбекистан на пути построения гражданского общества и укрепления в этом процессе семьи, стабилизация в ней духовной среды имеет большое историческое значение в реформе социальной сферы. Ибо, роль семьи — маленькой святой обители, считающейся маленькой Родиной для каждого человека — огромна в развитии страны, в достижении ею больших высот в любой сфере.

Узбекская семья является такой средой, где формируются испокон веков духовные ценности и укрепление данного социального института — важные являются важным фактором развития общества. Роль семьи неопределима в совершенствовании личности. Духовная среда, взаимоотношения ее членов являются решающим фактором, обеспечивающим формирование личности. Как отмечает Президент Ислам Каримов в своей книге «Высокая духовность — непобедимая сила» «нетрудно понять, что под воздействием духовной среды и воспитания в семье ребенок вырастет или добрым и милосердным, или эгоистичным и жестоким».

Никакая перспектива развития общества не представляется отдельно от интересов семьи, так как семья для каждого человека — это начало всех начал. Любой человек связывает свое счастье и благосостояние со своей семьей, т.е. человек чувствует себя полностью счастливым лишь тогда, когда благополучна семья.

Семья, прежде всего, является развивающейся системой и ей присущи возрастные закономерности. Как члены семьи с годами развиваются, стареют, так и семья постоянно изменяется и развивается.

Какие бы условия и психологическая среда не главенствовали в семье, женщины зачастую играют главную роль в формировании здорового образа жизни. Здоровый образ жизни — это развитие духовных, интеллектуальных, психических и физических стремлений каждого человека. Как известно, наше будущее в руках молодого поколения. Следовательно, здоровые, сильные, умные, нравственно воспитанные дети являются не только национальным достоинством, но еще они создают основу прочного государства. Семья ячейка общества, огромная социальная сила государства. В ней отражаются наследие наших предков, настоящие и будущие надежды. Семейное воспитание создает прочную основу будущего мировоззрения, отношения к традициям и укладу общества, вместе с тем формирует психологические предпосылки

будущих родителей, т.е. ребенок, воспитанный в семье на подсознательном уровне воспринимает отношение взрослых, анализирует их поведение. Став родителем он подсознательно отражает поведение своих родителей, поэтому здоровый образ жизни, психологический климат в семье будет отражаться на многих поколениях.

Семейные ценности, традиции, обычаи укрепляют нравственную основу ребенка. Необходимо подчеркнуть, что именно через семейную призму воспитания ребенок осознает нормы общества. Если же в семье царит мир, покой и уют, то ребенок, воспитывающийся в данной среде, верит в великое процветание своего государства.

Рождение и воспитание здорового ребенка во многом зависит от женщины. В своей книге под названием «Оила» Ризоуддин Фахриддин обращает наше внимание, что «если женщина воспитана — то и народ будет воспитан, если же она распушена — то и народ будет таким же; если женщины предприимчивы, имеют стремления и волю — народ не будет бедствовать, но если женщина ленива, беззаботна, расточительна народу грозит бедность и нищета».

В первоначальных рукописях «Авесто» особое внимание уделено проблемам семьи, репродуктивному поведению в семье. В «Авесто» освещены 5 типов поведения женщин-домохозяек, а также типы создания семьи.

1. Падишах-хотин, т.е. женщина-повелитель. Это означает, что парень и девушка создают семью, только с согласия родителей. При этом, семья бывает очень благополучной, статус семьи устойчив.

2. Аюкхотин, т.е. «единственная». Если парень женится на единственной дочери, он должен обещать, что не оставит её родителей без наследника. Жених должен своего первенца оформить на имя бабушки или дедушки, в этом случае он обеспечит им старость с наследником. Надо признать, что такие случаи встречаются, и по сей день.

3. Чоккар хотин. Разведенный мужчина или женщина ищет себе спутницу или спутника жизни. По принципам зардуштизма, для вдовы или вдовца первый брак считается священным. Следовательно, второй брак считается для них «чокари». Также, если муж с согласия жены, которая не может забеременеть, женится на другой, с целью иметь ребенка, то и в этом случае вторая жена для первой считается — «чокар хотин».

4. Узбошимча хотин, т.е. женщина-самоволка. По принципам зардуштизма, парни и девушки не достигшие

21 года, не должны выбирать самолично спутника или спутницу жизни. Если влюбленные без согласия родителей решили пожениться, общественность справляла их свадьбу, но во время свадебного обряда мубад учитывая, что согласия родителей на свадьбу не имеется, предупреждал пару о том, что они лишены наследства. А невеста при этом признавалась «самоволкой», т.е. не признающей нормы общественности.

5. Ситтар хотин. Если муж с женой долго прожили, но при этом не имеют детей, или, же усыновили чужого ребенка, женщина считалась “ситтар хотин”.

Необходимо учесть, что в “Авесто” также особое внимание уделялось генетическим особенностям. В первую очередь требовалась физическая и психологическая подготовленность жениха и невесты для создания семьи. Так как, именно психологическая и физическая подготовленность создает основу здорового поколения.

С давних времен по сей день проблема семейного воспитания, здорового образа жизни интересует людей разного поколения. В наших семьях чувствуется связь разных поколений, так как, они объединены общей целью — создать прочную семью, вырастить здоровых детей. В хадисах описывая отношение к женщинам, подчеркивается, что женщина с детства подчиняется отцу, после замуже-

ства — мужу, в старости — сыну. Этот пример наглядно демонстрирует, что женщина даже после совершеннолетия своих детей не должна оставаться одна. Вообще, в узбекских семьях родители даже после совершеннолетия своих детей, живут проблемами своих детей, опекают, оберегают.

В народе всегда подчеркивается, что дети превыше всего, родители, вырастив своих детей, принимают внуков, правнуков. Внедряя семейные традиции и ценности в воспитательный процесс своих потомков, каждое взрослое поколение исходит от своих этнических принадлежностей.

В качестве заключения, хотелось бы отметить следующее, семейное воспитание залог будущего государства. Семья и брак, являясь неотъемлемой частью общества, выступают постоянным объектом исследования. Важно подчеркнуть, что особенностями гармоничных отношений в семье могут быть равенство сторон в правах и обязанностях, взаимное уважение и любовь, ответственность за партнера, создание, в дальнейшем крепкой семьи, рождение и воспитание детей. Необходимо помнить, что взаимоотношения между мужчиной и женщиной носят особенный характер, достойный данного общества и данной эпохи.

Литература:

1. Каримов, И. А. Юксак маънавият — энгилмас куч. — Т.: Маънавият, 2008—54с.
2. Дружинин, В. Н. Психология семьи: 3-е изд./В. Н. Дружинин. — СПб: Питер, 2008. — 176с.
3. Имом ал-Бухорий. Эр ва аёл бурчи. Сайланма хадислар. Оила. Никох.
4. Хомидий Х. “Авесто”дан “Шохнома”га /Хомиджон Хомидий; Масъул мухаррир Н. Комилов. — Т.: “Шарк”, 2007. — 320 б.

Культура художественной симуляции (на примере фильма Э. Никола «Симона»)

Кошкина Ирина Дмитриевна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Культура в настоящее время выступает в облике знаковой совокупности, которая заменяет и дублирует мир. Зарождается проблема симуляционной действительности, гиперреальности, где реализуется эталон непостоянности, плюрализма. В данный момент кинематограф на исчезновение прежней ауры искусства дает ответ творением искусственного происхождения культа звезд, заключающего в себе товарный характер, в основе которого процессы тиражирования [1, с. 301—304]. Особое значение в современном кинематографе приобретает виртуальная действительность, благодаря которой человек окунается в ненастоящий мир. Программа, которая создает виртуальную действительность, различается от классической машинной графики, воздействует на органы чувств; данная система взаимодействует с человеком; средства

виртуальной действительности становятся нестандартными генераторами чувств. По определению Н. Б. Маньковской, «виртуальная реальность в искусстве — созданная компьютерными средствами искусственная среда, в которую можно проникать, меняя ее изнутри и испытывая при этом реальные ощущения» [8, с. 56—57]. Наличие такого рода реальности формирует новый тип чувственности и эстетического сознания.

Именно процесс порождения симулякра, тотальная симуляция становится предметом изображения в знаковом кинофильме Эндрю Никкола «Симона» («SIMONA»), вышедшего на экраны в 2002 году. Существование симулякров в современной культуре в осуществляется по принципу гиперхудожественной системы. Во-первых, данные пластические составляющие симулякра воздействуют на

полижанровость современных кинопроизведений, которые сочетают и историю, и детектив, и триллер, и мелодраму, что мы и находим в кинофильме Никколса. Во-вторых, симулякр обнажает мир скрытых желаний, тем самым указывая ориентиры. В-третьих, симулякр объединяет в себе определенный тип героя, в который входят некоторые фундаментальные качества нашего современника. Так, «персонаж — симулякр» не раскрывается психологически, поскольку остается неизменным. Современный кинематограф использует цифровые технологии, что Эндрю Никкол уже демонстрировал в своих фильмах.

Сценарий фильма «Симона» только на первый взгляд весьма прост. Режиссёр Виктор Тарански, уставший от бесконечных каприз «звезд», их требований гонорара, получает от некоего Алена Хэнка компьютерную программу, симулирующую живую актрису Симону (Simone). Внешность Симоны — это смесь Одри Хепберн, Грейс Келли, Софи Лорен и некоторых других. Она должна была выглядеть современной, но не настолько модной, чтобы быстро устареть. Для того, чтобы актерская игра Симоны была правдоподобной, нужно было добиться того же и от остальных исполнителей. По сюжету актеры никогда не видят Симону, которая, в свою очередь, никогда не пересекается с ними. «Очень скоро мы придем к тому, что включив телевизор или компьютер и увидев какого-нибудь актера или диктора, не сможем однозначно заявить, живые ли это люди, — утверждает Эндрю Никкол. — А самое главное — нам будет абсолютно всё равно». Несмотря на неожиданно большой успех, кинофильм приносит его создателю очень много проблем. Виртуальная актриса по имени Симона имеет оглушительный успех и у зрителей, и у режиссера. Кристал Дауд, продюсер кинофильма по визуальным эффектам, заявляет, что сцены, в которых впервые появляется объемный образ Симоны, «были сняты при помощи двух устройств по контролю движения, использование которых и привело к созданию необыкновенного зрительного результата» [4, с. 185–197].

Все персонажи так или иначе зависят от Симоны, хотя, не считая Виктора Тарански, никто собственно ее не видел. Драматичность режиссера в том, будто все без исключения веруют в ее существование, стремятся добиться ее расположения, ждут ее одобрения и оценки. В том числе и сам Виктор оказывается нужным своей «не первой бывшей жене» (слова самого героя, сказанные им с явной драматичностью) лишь после того, как Симона объявила о собственной благодарности к нему, произнесла речь о его таланте. Такое ощущение, как будто прожив долгие годы совместно, супруги так и не узнали друг друга. Даже если Виктор и был неудачником, то его замена на нового супруга (молодого Кента) не наилучший выбор. Особенного интереса заслуживает и тот факт, будто все декорации кинофильма строятся по схеме виртуального компьютерного пространства. Совсем трудно определить время и место действия в кинофильме. Никкол преднамеренно объединяет в пределах одного кадра предметы

и вещи, относящиеся к разным временным отрезкам, например, модели автомобилей. Чаще всего в качестве интерьюера выступает экран. Симону зрители видят постоянно с экрана. В том числе и свою супругу и дочь Тарански видит в экране телевизора.

Эндрю Никкол соединяет элементы восточной архитектуры с американской архитектурой небоскребов; берег моря с полным отсутствием растительности перед домом Виктора, хотя внутри дома через окно (окно как еще один «экран») мы видим просто зеленые джунгли. Такая архитектурная и стилевая эклектика призвана сбить зрителя с толку, заставить перестать сравнивать место действия с реальным городом и перестать находить приметы определенного времени. Искренней забавой со зрителем представляется эпизод, когда герой, демонстрируя свою связь с Симоной, снимает для них номер в отеле и регистрирует свою спутницу под именем «Аномис», что при прочтении наоборот означает «Симона». Так герой маскирует и демаскирует сразу собственные планы.

Вся картина — это игра со зрителем, его провокация. Знаковыми в этом смысле звучат слова журналистов, которые пришли к Виктору после телемоста с участием Симоны: «Все фикция!». В этих словах и ключ к интерпретации кинофильма. Заслуживает внимание цветовое оформление кинофильма, в котором преобладают два цвета: синий и желтый (синее море и небо, желтые стены домов и песок). Иногда экран горизонтально разделен на две цветовые плоскости: синюю и желтую. Перед нами не место действия — это абстракционизм в живописи [3].

Немало дискуссий вызвал финал кинофильма, в котором герой оказывается победителем: он избежал тюремного заключения, получил возможность заниматься творчеством и вернулся к супруге и или, если быть точнее, «они стали жить втроем, вместе с Симоной». Многие зрители и кинокритики обвиняют Никкола в том, что подобным финалом он убрал трагизм из фильма, превратил драму в комедию. Однако такого рода заключение фильма, на наш взгляд, несколько не уничтожает его глубинного смысла, его философии. Никкол снова сыграл со зрителем злую шутку, не оправдал ожидания. Такой, на первый взгляд, счастливый конец оказывается своей противоположностью при более внимательном просмотре, ибо означает победу не неудачливого режиссера, а победу Симоны, то есть абсолютное господство симуляции, ее неистребимость. Пророчески начинает в финале кинофильма звучать названия фильмов Тарански «Вечное бессмертие» и «Дорога в никуда».

Идея симулякра восходит к идее «порождающей среды», которая в свое время была разработана Платоном. Философ считал, что среда наполнена «видимостями», «подобиями», «симулякрами», то есть эйдосами (первообразами) всех объектов на земле, «теньями», которые, проецируясь на материю, приводят к оформлению всего, что наполняет земное пространство. В философских воззрениях Платона симуляция — процесс создания

подобий, а симулякр — копия с копии, что искажает прототип. В теории симулякров Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра понятие «симулякр» получает новое толкование. Так, с точки зрения Делеза, симуляция — это иллюзия, некий наружный результат [7, с. 93]. Ж. Бодрийяр полагал, что симулякр соотносится только со своей собственной реальностью. Симулякр — это к знак, который получает свою собственную жизнь, творит свою реальность и перестает быть знаком в традиционном его понимании [6, с. 45].

«Современная эволюция многообразных симулякров в различных видах и жанрах искусства и, шире, культуры в целом примечательна в том отношении, что проникновение симулякров не только в искусство, но и в жизнь, обретает легитимность, осознается в качестве факта... Западные симулякры в целом эволюционируют в историко-научном контексте, бурно компьютеризируются, прорывают художественную оболочку, становясь приметам повседневности» [3, с. 56–57].

Идея о призрачности настоящей реальности, о иллюзорности человеческого бытия считается важной в культуре XXI века. Симулякр — это иллюзия, мираж, овладеть которым нереально, потому что он порождение третьей действительности, неправильного либо искаженного представления. Базируясь на внешнем подобию, он стремится к новым горизонтам смысла. Однако его пустотелость способна оттолкнуть от создаваемого им эффекта. Глобализация увеличивает процесс симуляции СМИ «создает» «людей-подобий» [5]. Следствием со вмещения действительности и ее варианта, представ-

ленного в симуляционном формате, становится обратно пропорциональная зависимость между увеличением информации и возрастанием смысла. В качестве предпосылки данных действий Бодрийяр наблюдает или опережение действий утрачивания значения над процессами его инъекирования, или безусловную несоотнесенность информации и сигнификации, где сфера информации предстает как кристально техническое лекарство, подобное коду. Имеется и другое мнение, что значение информации — это разрушение, компенсация, деструкция смысла, подмена действительности симулятивными ее символами, создание некоей гиперреальности.

Таким образом, можно утверждать, что симулякр считается трудным и многоаспектным явлением передового кино и культуры в целом:

— во-первых, симулякр и процесс симуляции имеет философское объяснение, однако сейчас он укоренен в действительности, в личном и публичном сознании, в политической сфере и в области идеологии, в кинематографе, в психологии и др. [2, с. 252–259];

— во-вторых, симулякр порождает образный и зрительный контекст либо, точнее, его схожесть;

— в-третьих, симулякр выступает и предметом изображения, и технологией олицетворения художественных мыслей;

— в-четвертых, восприятие симулякра требует конкретного значения зрительской информированности;

— в-пятых, симулякр в зрительном контексте киноискусства рождает особенный вид образной системы, более правильно воплощающей наше время.

Литература:

1. Валеева, Е. В. Психофизические основы художественного образа: монография — Саров, Нижегородская обл., 2009
2. Валеева, Е. В. Художественно-семантические свойства образа-симулякра в фильме Эндрю Никкола «Симона» // Семиотика визуальности: коллективная монография / под общей редакцией Е. В. Валеевой; Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара», Муниципальное учреждение «Арзамасский детский специализированный кинотеатр «Искра», Молодежный центр изучения культуры. Арзамас, 2010.
3. Виртуализация как художественный прием (на материале англо-американской прозы): [учебное пособие] / [Е. В. Александровская и др.; под ред. В. А. Фортунатовой и др.]; Федеральное агентство по образованию, Нижегородский гос. пед. ун-т. Нижний Новгород, 2008.
4. Гараджа, А. В. Бодрийяр Современная западная философия. — М., 1991.
5. Делез, Ж. Различие и повторение. — СПб.: 1998.
6. Маньковская, Н. Эстетика постмодернизма. — СПб., 2000.
7. Фортунатов, А. Н. Телевизионное насилие как фактор трансформации картины мира у зрителей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 2. с. 301–304
8. Фортунатова, В. А. Философия современной культуры: между ростом и истощением // Приволжский научный журнал. 2009. № 3. с. 252–259.

Человек как текст в современной культуре удовольствия

Кузьма Татьяна Ивановна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Если представить образование как «универсальный текст формирования человека, состоящий из античности, Средневековья, Просвещения, XIX, XX века и современности» [2, с. 96], то можно предположить, что человек сегодня — это тоже текст, отражающий культуру удовольствия. «Иными словами, это текст, имеющий в качестве знаковой системы естественный язык, на котором он создан и которым должен быть прочитан» [7, с. 65–70.]. «Интерпретация» человека начинается с осознания его как мужчины или женщины, с понимания их взаимоотношений.

С давних времен идет доминирование мужского начала над женским. Фактом того, что женщина второстепенна по сравнению с мужчиной, называется то, что она была создана из ребра Адама. Как говорил А. П. Шопенгауэр: «Уже сам вид женской фигуры показывает, что она не предназначена для слишком большого труда ни духовного, ни телесного. Она отбывает обязанность жизни не действительным, а страдательным образом: муками родов, заботами о детях, подчиненностью мужу» [9]. Но сложившиеся в традиционной культуре различия полов, не ставят сегодня мужчину на более выигрышную позицию по сравнению с женщиной.

Всю жизнь современного мужчину преследуют страхи быть слабым, проиграть соперникам. Мужчины не говорят о себе, не пишут о своих страданиях, считая это слабостью, присущей исключительно женщине. Однако они много говорят о женщине, о ее женственности. Поисками вечной женственности был озабочен и Фауст в трагедии И. В. Гете. Создается впечатление, что женщина предстает как основное жизненное составляющее мужчины, который только корректирует и дополняет его по своему усмотрению. Но боясь, что женщина может стать главнее, он держал ее в своей власти: еще со времен первобытности не раскрывал секреты разжигания огня, не давал ей употреблять в пищу мясо, боялся, что она станет сильнее; не допускал ее к религиозным праздникам, а наиболее красивых и соблазнительных женщин мужчины-инквизиторы сжигали на кострах, считая ведьмами.

Сегодня женщина выступает одним из главных конкурентов мужчины, который все чаще пытается представить ее как несостоятельное, ущербное в плане психики, физиологии, биологии существо, но доставляющее удовольствие и наслаждение. Между тем, мужчина рожден женщиной и вскормлен ею [3, с. 142–146].

Мужчины совершенно по-разному воспринимают женщин — матерей и женщин, которые влекут его в плане сексуальности, получения удовольствия. Чаще матерей окружают заботой, уважением, почетом. По мнению Карен Хорни, «минутная причастность мужчины

к сотворению новой жизни становится для него сильнейшим стимулом к созданию тоже чего-нибудь нового, еще небывалого. И он создает то, чем мог бы гордиться: религия, государство, наука. В сущности, его творения, да и вся наша культура носит отпечаток маскулинности» [8, с. 83]. Все это создание нового ничем не компенсируется, поэтому мужчина пренебрежительно, а иногда агрессивно и уничижительно относится к женщине, утверждая двойную мораль.

Чтобы поддерживать свою мужественность и стойкость, мужская культура создала некие стандарты. Во-первых, это статус: работа, положение в социуме, заработок, власть. Во-вторых, это твердость: эмоциональная устойчивость, физическая сила, биологическая активность. В-третьих, поведенческая антиженственность.

В разные историко-культурные периоды мужчины часто повторяют свое поведение с женщинами, имея возможность близких отношений с ней. Женщина является предметом сексуальных желаний, но эти самые желания и пугают мужчин. Так, Ева предложила Адаму вкушать запретный плод, и Адам, увлеченный ею, поддался, хотя у него был выбор, с этого времени и пошло, что женщины выступают в роли искусительницы, ведущей к несчастьям. Так же в Библии говорилось об Аврааме, который боясь, что потеряет жизнь, назвал свою жену — Сару сестрой, говоря «дабы мне было хорошо ради тебя, и дабы жива была душа моя через тебя» [1], но фараон, не зная данного обмана, увлекся Сарой, за что Бог поразил его дом несчастьями и, возвращая ее, дал много богатств Аврааму. Важно, что все это случилось из-за Сары. Все библейские события чаще всего происходят с мужчинами и из-за женщин.

Мужчины всегда стремятся улучшить свое положение, сделать его максимально комфортным, при этом ведя неправильный образ жизни, поскольку больше, чем женщина, они нацелены на получение удовольствия. Наслаждениям мужчины посвящают: деньги, силы, время, ради них жертвуют работой, отношениями, безопасностью, иногда даже жизнью. Так, можно привести такие «предметы» удовольствия, как: алкоголь, пассивный отдых, игры, компьютерные и не только, спорт, случайные сексуальные связи, активная агрессия. Тема алкоголя представлена в современных текстах песен, былин, мифов, кино, телепрограмм. Ни одна вечеринка не проходит без алкоголя. Бутылка с алкоголем является символом, который объединяет всех. С помощью алкоголя решаются проблемы, находится компромиссное решение проблемы, отмечаются праздники и т.д. В пьяном разговоре мужчина высказывает все, что не мог сказать, когда был трезв, и, если он говорит что-то лишнее, то он опрометчиво пере-

носит это на алкогольное опьянение и считает это приемлемым и не к чему его не обязывающим. Алкоголь давно является проблемой всех, в частности, мужчин,

Так же одним из более предпочтительных удовольствий у мужчин являются компьютерные игры. Уходя в виртуальный мир от реальных проблем, они выплескивают свою агрессию на виртуальных соперниках. Они готовы сидеть за компьютером целыми сутками, и в этот момент все реальные проблемы уходят на второй план, теряют свою актуальность: их затмевает игровой мир, в котором мужчины могут добиться более высоких результатов, чем в реальной жизни. Но чаще всего подобный «уход» заканчивается плохо. Они перестают общаться с окружающими, не выходят на работу, портят отношения со своей парой, иногда даже забывают принимать пищу. Многие ученые считают видеоигры зависимостью наравне с наркотиками и алкоголем. Известно несколько случаев, когда игры доводили до летального исхода, так в 2012 году китайская девочка умерла от истощения во время игры, а до этого, в 2010 году корейский мальчик скончался по той же причине. В наше время для зависимых от видеоигр оборудуют клиники, одна из них находится в Англии. Их программа включает 12 пошаговых инструкций, рассчитана как на взрослых, так и на детей. Еще одна есть в Южной Корее, их программа состоит из того, что зависимым отключают доступ к видеоиграм на 6 часов в сутки, а по другой программе, зависимым от онлайн-игр, снижают скорость Интернета, делая невозможным игровой процесс. В итоге, пытаясь расслабиться и получить удовольствие, мужчины обретают проблемы. Еще одним способом получения удовольствия является спорт, ведь это залог красоты, крепкого здоровья и постоянного тонуса. Чтобы заниматься спортом особых усилий не требуется, главное желание, мотивация и немного свободного времени. Многие люди, ставят себе цель: заполучить узкую талию, кубики, мышцы, но это не должно быть на первом месте. Поэтому от каждой тренировки нужно получать удовольствие, а именно от: растяжки и расслабления мышц, либо от их напряжения, от не сравнимой с обычной болью, боль от нескольких часов тренировки, предвкушение от приобретения желаемых результатов и т.д. Но не все из перечисленных «предметов» могут доставить удовольствие. И к сожалению мужчины не оставляют себе шансов выбора другого удовольствия, они сразу придумывают себе причины, по которым удовлетворенности они не получают, а женщины ищут все новые и новые способы ре-

ализации своих желаний. Женщина чаще всего не обращает внимания на препятствия, а обходит их, а мужчина агрессивно отнесется к этому и забудет про свои желания, обидевшись на весь мир.

Мужчина по своей природе неспособен выбирать удовольствие, он поддерживает тактику предыдущих поколений, считая, что лучшего не существует.

В общем, в понимании удовольствия можно выделить три категории:

1. Физиологические, которые ориентированы на витальными потребностями, проявляющиеся посредством органов чувств (вкус, зрение, слух и т.д.) — это жажда, голод, потребность в общении, половое влечение.

2. Удовольствия, связанные с физиологией, но не воспринимающиеся органами чувств, — это предвкушение, томление, истома и т.д.

3. Удовольствие духовного, ментального, характера — это удовлетворение любопытства, предвкушение риска, наслаждение местью и т.д.

Современный мужчина не способен выбирать удовольствие. Как субъект удовольствия, он нелогичен и деструктивен, нерационален, чего не скажешь о современной женщине. Однако, женщина, маскирующая себя под маску мужчины, что демонстрирует, например, современный кинематограф, — явление нередкое. «Мимикрируя под образчик доминантной маскулинности, женщина получала, таким образом, статус легитимности в патриархальной структуре и доступ к властным ресурсам» [4, с. 151]. Женщина смогла получить удовольствие там, где всегда до этого была второй: на войне и в любви.

Культура удовольствия ставит перед образованием новые задачи. «Сегодня очевидно, что воспитание и образование становятся источниками разрушительных тенденций, ведущих к деструктивным изменениям человека» [6, с. 98]. Представление о культуре как процессе подавления природных инстинктов сегодня глубоко ошибочно, как ошибочны суждения о темных влияниях инстинктов на человека [5]. Проблема контроля и самоорганизации столь сверхсложной системы, какой является человек, особенно обострилась в условиях современной культуры удовольствия, которая заметно меняет экзистенциалы человека. Неоэкзистенциализм, рожденный кризисом конца XX — начала XXI веков, обозначает круг новых проблем, на которые отреагировала современная культура, создав иную систему своих деструктивных экзистенциалов.

Литература:

1. Библия, Книга Бытия, 12 глава, стих 13
2. Валеева, Е. В. Аналоговая модель современного образования // Обсерватория культуры 2014. № 1. с. 96 всего с. 96–101
3. Орлова, Н. А. Мужчина как субъект удовольствия // Феномен удовольствия в культуре. Материалы международного научного форума 6–9 апреля 2004 года. — СПб.: ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ. 2004. — с. 142–146.
4. Рыгина Визуальные практики легитимации не-нормативных удовольствий: анализ японской анимации Феномен удовольствия в культуре. Материалы международного научного форума 6–9 апреля 2004 года. — СПб.: ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ. 2004. — с. 150–152.

5. Фандо, Р. А., Валеева Е. В. Формирование личности на стыке ее художественно-антропологических и биологических свойств // Вопросы культурологии. 2014. № 3. — С.98–102.
6. Фортунатова, В. А. Культура и образование: монография. — Н. Новгород: НГПУ, 2010. — 411 с.
7. Фортунатова, В. А., Фортунатов Н. М. Текст и текстология в пространстве русской классической литературы // Вопросы развития филологии и литературы в России и мире. Современная литература и культурные традиции Материалы II Всероссийской научной Интернет-конференции с международным участием. Сервис виртуальных конференций Рах Grid; ИП Синяев Д. Н.. Казань, 2014. — с. 65–70.
8. Хорни, К. Женская психология. СПб., 1993. — с. 83.
9. Шопенгауэр, А. Афоризмы и максимы — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. — 288 с.

Бодибилдинг как универсальная метафора современного общества

Лещёва Екатерина Александровна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

В современной культуре типичные образы и метафоры все чаще заменяются универсальными. «Универсальные метафоры, которые «рождает» культура и литература/, то есть метафоры на все случаи жизни... позволяют, во-первых вычленив интересующий читателя фрагмент реальности; во-вторых, расставить акценты, позволяющие определить ценностные ориентиры читателя; в-третьих, создать определенное художественное впечатление» [1, с. 83]. В современном мире существует великое множество видов спорта. Есть такие, которые возникли еще в Древней Греции и лишь немного были усовершенствованы в настоящем — подогнаны под современные рамки. К сравнительно новым видам спорта можно отнести бодибилдинг.

Первые соревнования по бодибилдингу стали проводиться в Америке на рубеже 19–20 вв. Тогда это были любительские состязания на уровне города или региона. Сейчас же появились международные соревнования. Самый главный и важный — это «Олимпия», мужской и женский турнир для элиты бодибилдинга. Но в отдельных странах проводятся и собственные игры, выпускаются тематические журналы, программы на телевидении и существуют объединения профессионалов и так называемых любителей.

Спорт — это большоеместилище всех культурных мифов. Он служит прекрасной метафорой для описания современного общества. Поэтому для всего мира, а тем более для профессионалов, так важна «химическая» и моральная красота и чистота спорта. Это находит отражение в известных слоганах: «в здоровом теле здоровый дух», «быстрее, выше, сильнее» и др., призывающие к совершенствованию себя.

Смысл спорта довольно консервативен, например, в нем позиционируется мужчина и женщина, которые включают в себя телесное и духовное здоровье, гармоничную красоту, мужество, волю к победе, благородство, силу воли, равенство наций и стран.

Все виды спорта зависят от физической формы спортсмена. Вы редко можете увидеть успешного высокого жокея или худого борца сумо. Бодибилдеры наиболее за-

висимы от своей физической формы и потому могут послужить ярким примером «специализированных», усовершенствованных тел. Культурологи «строят» свое тело, мышца за мышцей. Они сидят на ужасающих протейных диетах, тренируются по специально разработанному комплексу упражнений по несколько часов в день. Но даже это не дает гарантий, что твое тело начнет расти именно там, где нужно и с большой скоростью. «В XXI веке человек все дальше уходит от природы в искусственный, им самим созданный мир, в мир виртуальных объектов и симулякров, что ведет к его отчуждению от самого себя. Обезличиванию, расщеплению существования на подлинное и неподлинное. Не являясь органической частью сконструированной им предметной среды, человек в конечном итоге отторгается от нее, и от самого себя» [2, с. 100]. Так, бодибилдер — это симуляция идеального природного человека, с одной стороны. А с другой, — это проявление одномерности современного человека, о которой заговорил еще Герберт Маркузе в 1964 году [3]. «Целостному, равновесному представлению о человеке как двуедином существе, в котором примат отдается мыслям и чувствам, а не зову плоти, был нанесен сокрушительный урон. Человек словно встал «вверх тормашками», что не могло не сказаться на восприятии гуманитарного опыта, накопленного за всю мировую историю его развития» [4, с. 54] Система образования должна учитывать и этот культурный опыт.

Как и любого другого профессионального спорта, у бодибилдинга есть темная «химическая» сторона. В наше время часто ведутся споры и высказываются предположения о том, что профессиональный спорт сейчас — это война фармацевтов. Постоянно разрабатываются новые формулы допинга для того, чтобы их не могли вычислить. В развитых странах существуют целые отрасли, которые занимаются созданием новых сильнейших препаратов, добавок, маскирующих веществ. Список найденных и запрещенных препаратов не перестает расти.

Бодибилдинг преподносит себя именно как спорт, в котором на 100% используется тело человека. Спортсмены

развивают свое тело настолько, насколько это вообще возможно для человеческого организма. Перед нами своеобразные сверхлюди. Бодибилдинг демонстрирует то, чего человек может добиться сам, посредством изнуряющих тренировок и правильного использования врожденных ресурсов. При этом одна из наиболее ценностных категорий в бодибилдинге — это естественность, соответствие матери-природе, однако даже здесь используются запрещенные препараты. Многие культуристы в погоне за идеальным телом начинают принимать стероиды. Они быстро увеличивают рост массы тела, но так же и губят его, потому что спортсмен попадает в своеобразную фармакологическую ловушку. Никто до сих пор не может с точностью предсказать влияние этих веществ на индивидуальный человеческий организм. Стероиды оказывают большую нагрузку на печень, у некоторых спортсменов начинаются внутренние кровоизлияния и прогрессирует онкология. Конечно, таких серьезных последствий можно избежать, принимая стероиды в адекватных количествах. Но большинство нечестных культуристов так стремятся к победе, что злоупотребляют данными анаболиками. А ведь стероиды не гарантируют победу и даже не всегда можно предсказать, как изменится твое тело.

Стоит так же отметить, что когда культурист прекращает принимать добавки, масса его тела стремительно снижается, что сводит на нет все тренировки. Поэтому стероиды иногда приравнивают к наркотическим веществам. Перед соревнованиями спортсменам приходится принимать средства, которые скроют присутствие в организме гормонов, стероидов или других химических добавок [5, с. 188–206].

Во всех видах спорта от спортсменов требуется тело определенного строения и формы. Тело гимнастки не может выглядеть так, как тело сумоиста. Оно строится абсолютно по-другому и служит для иных целей. В бодибилдинге тело нужно для наращивания слоя мускулатуры и способностью им управлять. В культуризме не важен цвет кожи, волос, гибкость тела. Человек превращается в мышечную массу своеобразный анатомический образец мускулов и человеческих возможностей. Все группы мышц должны иметь внушительный объем, быть физически развитыми, обладать рельефом, держать форму и выделяться среди не менее развитых других групп мышц. Однако бодибилдинг не обращает никакого внимания на интеллектуальную и духовную составляющую человека. Сосредотачиваясь исключительно на телесном.

Все тело культуриста представляется разделенным на разные области, сегменты имеющие свое название. Отсюда и рождается особенная риторика бодибилдинга. Когда комментатор на шоу оперирует различными понятиями из области строения человеческого организма, тогда зритель понимает определенные смыслы данного спорта. Медицинский язык словно гарантирует правдивость и честность происходящего на сцене, делает все объективным и интересным. И речи комментатора подтверждаются визуализацией происходящего, ведь тело

не может врать: каждая мышца, каждый мускул говорит о титанических усилиях спортсмена. Все группа мышц обсуждаются отдельно друг от друга. Часто можно заметить, что одни мышцы более развиты, между ними идет некая конкуренция. Некоторые мускулы развиваются в ущерб другим, что не утаится от взора судей и комментатора.

У спортсменов в первую очередь оценивается общая развитость мускулатуры, ее качество, упругость и внешний облик, то, насколько она пропорциональна и симметрична относительно всего тела. Побеждает тот, кто больше подходит и соответствует воображаемому канону, который каждый год меняется, то есть увеличивается в массе. Бодибилдерам приходится угадывать, какому телу в этом году судьи отдадут предпочтение, что будет больше соответствовать современной моде. Но спортсменов всегда призывают к тому, чтобы они не отходили от гармоничной красоты, следовали нормам классической эстетики. Но эти предписания редко соблюдаются как судьями, так и спортсменами.

Соревнования бодибилдеров сначала поражают своей статичностью и однообразностью. Спортсмены должны стоять на помосте в определенных, фиксированных позах и напрягать по очереди группы мышц. Произвольная программа позволяет спортсмену медленно двигаться под музыку, демонстрируя наиболее удачные ракурсы. Целью является показ во всей красе своих физических «достоинств».

Бодибилдерам не нужно ничего уметь. Им не надо поднимать тяжести, бегать быстрее среднестатистического человека или прыгать выше олимпийских чемпионов. Из-за этой статичности и простого позирования на сцене создается впечатление, что такие огромные размеры тела избыточны и нефункциональны. Тело едва двигается, принимая ту или иную позу и застывая в ней. Но нередко бывали случаи, когда культуристы падали на сцене, теряя равновесие из-за ужасного напряжения мышц. У спортсмена уходят титанические усилия на то, чтобы поменять позу и остаться статичным, напрягая определенные группы мышц. Так, за одно выступление бодибилдер теряет килограммы веса. Но все усилия должны остаться незамеченными. На лице спортсмена должна быть открытая улыбка.

Улыбка и большая мышечная масса — это не единственное внешнее требование от культуристов. Их тела покрывают автозагаром и маслом, которое помогает телу выглядеть более презентабельным, а мышцам выделяться на общем фоне. Но когда тело спортсмена покрыто маслом, его голова становится простым дополнением к телу. Тело как костюм, скрывающий часто внутреннюю пустоту спортсмена. Оно пропорционально не подходит к голове.

Говоря о семантике тела, можно сказать, что масло нужно для создания впечатления не обнаженного тела, а словно обернутого в вакуумную глянцевую оболочку. Оно защищено и его блеск означает здоровую культурную красоту. А загар, как это ни иронично, искусственный, оз-

начает открытость тела природным силам — солнцу, све- жему воздуху, здоровому образу жизни. Это стилизация под природного человека. Перед женщинами в бодибил- динге стоит проблема, поскольку почти всем из них при- ходится использовать грудные имплантанты, так как нор- мальная женская грудь теряется на фоне рельефных мышц.

В бодибилдинге особенно четко прослеживаются ген- дерные стереотипы. С мужчинами все просто, они выби- рают и усиливают роль, уже придуманную ранее, например, супермена или большого чудовища. Мужчины должны со- ответствовать уже созданному гипертрофированному об- лику мужественности, окрашенному эмоциональной и ха- рактерной составляющей. У женщин ситуация сложнее. Для них ролей никто не придумывал. Поэтому женщи- на-культурист часто играет роль старого преданного това- рища мужчины. Она заслуживает уважения и похвал уже потому, что смогла выбраться из пассивности и стандарт- ности отношения к женскому телу. Женщина в этом виде спорта — это своеобразный боец за право развития тела по собственному желанию. Но даже у судей часто стирается гендерная грань. Женщина становится мужчиной в легком весе. Конечно, природная нехватка веса и роста — это не- достаток, но вполне простительный.

Культуризм «без химии» — это прекрасный образец для общества, в котором хотел бы жить человек. Боди- билдерам приходится тратить почти все свое время на наращивание мышц. Но все это не так просто как ка-

жется на первый взгляд. Они так же обязаны следить за своим рационом, который должен помогать им в жутких по своей тяжести тренировках. Не все спортсмены могут психологически настроить себя на достижение своих вы- соких целей по усовершенствованию себя. В современной культуре для решения этой проблемы существует множе- ство мотивирующих роликов, книг и фильмов с участием знаменитых бодибилдеров. Все это словно говорит спор- тсмену, что раз они смогли, то и ему это по плечу. Это еще раз подтверждает, что культуристу необходима большая сила воли и стремление к своим целям, победе, однако без интеллектуальных усилий [6].

Современный человек сегодня обеспокоен, прежде всего, своей современностью, то есть соответствием неким стандартам, образцам моды, поведения, разговора, мышления, которые объявляются созвучными нашему времени. Но при этом без внимания останется духовное развитие [7, с. 16–17]. Бодибилдинг — пример такого стереотипного мышления и поведения. Тела этих «хими- ческих сверхлюдей» дают понять, что мир меняется. Ме- няются вкусы и предпочтения людей, представления об идеальной красоте прошлого расщепляются и создаются новые. Это влияет на отношение к традиционной куль- туре, которая стремится к созданию гармонии внутри че- ловека, его внутреннего и внешнего мира. В будущем это может привести к модификации спортивной, культурной и общественной мифологии.

Литература:

1. Валеева, Е. В. Универсализация метафоры в современном социокультурном пространстве // Мир науки, куль- туры, образования. 2011. № 1. с. 191–193.
2. Фандо, Р. А., Валеева Е. В. Формирование личности на стыке ее художественно-антропологических и биологи- ческих свойств // Вопросы культурологи. 2014. № 3. с. 98–102.
3. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер с англ. — М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002.
4. Фортунатова, В. А., Валеева Е. В. Одномерный человек в многомерной гуманитаристике (проблемы и пути их решения в современном образовании) // Вопросы культурологи. 2014. № 8. с. 53–57.
5. Зверева, В. В. «Настоящая жизнь» в телевизоре. Исследования современной медиакультуры. — М.: РГГУ, 2012. — 224 с.
6. Фортунатов, н. М. Эстетика слова как научная проблема // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4–2. с. 982–985.
7. Фортунатова, В. А. Культура и образование: монография. — Н. Новгород: НГПУ, 2010. — 411.

Образ женщины в живописи прерафаэлитов: сквозь призму культурологии

Матвеева Екатерина Александровна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал)

Культурология — новая научная дисциплина, которая направлена на открытие новых смыслов в культурном багаже прошлого. Такие смыслы появляются на основе дополнительной глубины известных фактов, появляю-

щейся благодаря новому уровню смыслов, на сопостав- лении характеров, эпох и мнений, на погружении совре- менника в мир прошлой культуры. [1]. Культура — это диалог поколений, нашедший свое отражение в искус-

стве прерафаэлитов. Иллюстрацией этой мысли выступает живопись прерафаэлитов, в механизме восприятия которой есть стремление снять у зрителя традиционную установку, заставить увидеть и принять не только «свое», но и противоположное себе, иное. Смещение акцентов восприятия и интерпретации делает контекст интерпретации полифоничным. Прерафаэлиты своим творчеством расшатывали «несомненность» истины, в частности отношение к женщине и ее понимание.

В «Братство прерафаэлитов» входили смелые, харизматичные и своенравные личности, которые иначе посмотрели на женскую природу. Основными представителями братства были: Дж. Эверетт Милле, Холман Хант и Данте Габриэль Россетти. Их история началась со знакомства Холмана Ханта и Габриэля Россетти на одной из академических выставок. Россетти восхищался работами Ханта и разделял его мировоззренческие взгляды. После того, как Хант помог Россетти закончить его картину «Юность Девы Марии», они заключили договор об их творческом союзе. Дальше был союз с юным гением Джоном Эвереттом Милле, который уже в 11 лет поступил в академию. У них успешно получилось создать крепкую дружбу, а позже и братство, целью которого было возродить аутентичность Высокого Возрождения. Юноши разделяли взгляды друг друга, видели смысл в объединении в том, чтобы в каком-то роде восстать против бездумного копирования классических образов. Они называли себя прерафаэлитами, чтобы обозначить их родство с представителями эпохи Возрождения. Буквально, они назвали себя «До Рафаэля», имея в виду великого итальянского живописца Рафаэля Санти.

Их век, XIX век викторианской эпохи — это время, когда типы изображения в живописи канонизировались. Большую роль играли традиции академии, а форма, тематика и содержание искусства были под строжайшим контролем церкви. Братство талантливых молодых людей боролись против устоев и хотели «раскрепостить» искусство. Они были за дешевизну красоты и яркость красок, за прямоту и серьезность. Цели, декларированные молодыми художниками, были наивны и искренни: «Иметь оригинальные идеи. Внимательно изучать природу, чтобы уметь ее выразить. Любить в искусстве прошлого все серьезное, прямое и искреннее и, наоборот, отбрасывать все банальное, самодовольное и рутинное» [2, с. 73–83]. Уильям Хант подвел тому итог: «Короче говоря, нам было нужно новое и более смелое английское искусство, которое заставило бы людей размышлять» [3].

Прерафаэлиты провозглашают культ женщины, женского начала. Однако женский образ строится на «диссонансе». Художники часто вскрывают в женщине варварское, звериное, ночное. Как считал Ницше, женщина дает мужчине то, что он больше всего хочет — опасности и игры («... в самой сладкой женщине есть еще горькое», — говорил Ницше. «Хотеть любви — это значит хотеть смерти» [4, с. 55]). Рембо в женщине акцентирует ее «природное начало», отсюда — эротизм, почти

«экстатическая чувственность». Ницше считал больными тех, кто презирал тело и землю и оставил только небо. Отсюда противопоставление небесного и земного — новый аспект романтического двоемирия, открытого в женском образе прерафаэлитами. Можно заметить, что у братства существовало двойственное понятие об идеальности женского начала. Первый лик был ангелический, хрупкий, асексуальный, в то же время существовал второй лик — наполненная сексуальной энергией женщина, о которой писали Бердяев [5, с. 168] и Шопенгауэр [6].

Прекрасный пол изображался на холсте детально и часто, их музами и натурщицами были любовницы, жены, наложницы, подруги, даже проститутки. В силу того, что художники были романтическими натурами, их отношения с женщинами были нестабильными, что в то время называлось распутством. Художники отличались особыми художественными предпочтениями, которые они и искали в натурщицах. Однако можно заметить некую стилевую одинаковость изображений, потому что они скорее рисовали нереальную женщину, а некий идеализированный образ, которого не видели в жизни.

Женщина у прерафаэлитов меланхолична, вдумчива, спокойна; с глубокой таинственной красотой и аристократической бледностью, рыжими волосами, страдальческим взглядом. Кроме того, их женщина страстная и роковая, чувственная и порочная. Жан Пьеро [7], создает роковую женщину, образ которой сходится с видением прерафаэлитов. Они любили писать натурщиц с невероятно пышными прическами, или же наоборот прямыми длинными волосами с пробором посередине.

Воплощением идеала красоты прерафаэлитов одно время была жена художника Уильяма Морриса — Джейн Бёрден. Это была любимая женщина Россетти, который впервые и заметил её, так она одна из первых вошла в круг прерафаэлитов. Джейн имела специфичную красоту, для того времени: худая и высокая, у неё были полные губы и бледная кожа, черные густые волосы. Её жизнь проходила в простоте и бедности, но после того, как она вышла замуж, она нашла себе хобби, как например, игра на пианино, выучилась высоким манерам и правилам этикета. Таким образом, со временем она пробилась в высшее английское общество. Прерафаэлиты слепили свой идеал, который они боготворили и лелеяли.

В картинах прерафаэлитов часто использовались мифологические, библейские и мистические сюжеты. Их покоряла трагичность любви и существования. Они рисовали измену, смерть, иногда даже покойниц, примером чего является «Офелия» Милле. Натурщицей художника была его любовница, она позировала ему лежа в ванной, чтобы он передал нужную позу. На картине Офелия на половину погруженная в воду, на фоне яркой цветущей природы. Её поза нередко интерпретировалась, как эротическая. На её лице нет ни паники, ни отчаяния, скорее читается безмятежность, а пальцы рук находятся в мудре «знания» (джняна мудра), которая буквально переводится как «возрождающая заново» (при этом она снимает

напряжение, тревогу, беспокойство, меланхолию печаль, тоску; улучшает мышление, активизирует память). На картине время как будто замерло, Милле удалось мастерски запечатлеть мгновение, которое проходит между жизнью и смертью.

Темы картин, типичные для прерафаэлитов: женские фигуры, итальянские пейзажи, мифологические и литературные сюжеты, библейские сцены, а так же сцены из Шекспира, Петрарки, Данте, Боккаччо — писателей, открывших сложный мир человеческого чувства. Цветовая палитра картин была очень насыщенной и высветленной, они отказались от смешивания красок, для того, чтобы создать чистый цвет. Для них было свойственно изображать андрогинную внешность — некоторые модели на картинах больше похожи на юношей, чем на девушек. Это лишний раз подтверждает, что интерес к андрогинной внешности — не открытие наших дней, впрочем, как и гомосексуальность.

Один из прерафаэлитов, Джон Кольер, писал «Леди Годиву» — это известная легенда о доброй леди, которая, чтобы спасти земляков от непомерных налогов, согласилась проехать обнаженной по улицам города. Об этом прерафаэлитском образе измученной нагой женщины писал Александр Грин. «По безлюдной улице ехала на коне, шагом, измученная, нагая женщина, — прекрасная, со слезами в глазах, стараясь скрыть наготу плащом длинных волос, хотя наглухо были закрыты ставни окон, существовал один человек, видевший леди Годиву, — сам зритель картины».. [8].

Британские критики (Дж. Розенфельд) [9] хоть и по сей день говорят о Братстве Прерафаэлитов с некоторым смущением, но при этом понимают, что вычеркнуть их из мировой культуры невозможно. Ведь идеи этих творцов

положили основу в утверждении стиля «модерн» в изобразительном искусстве, и включили символизм в литературу. Прерафаэлиты самозабвенно устремили сознание к «вечным вопросам», и показали полет творческой мысли в самых смелых интерпретациях.

Женские образы прерафаэлитов наполнены антропологическим содержанием, поскольку Другой (женщина) для них всегда выступал культурным энергоносителем. «Культура суть сотворенный человеком мир, пересоздаваемый каждым поколением заново. Моделью творчества для него может служить осмысленный и освоенный образ, уходящий своими корнями в устойчивый слой культуры, меняющий лишь свои формы, но сохраняющий свой вечный нравственно-антропологический смысл». [10, с.357].

Надо сказать, что идеи прерафаэлитов могут быть актуализированы в современном образовательном процессе [11] путем культурологического мультиплексирования, которое «позволяет актуализировать гуманитарное наследие, связать его с современностью, то есть передать человеку весь опыт человечества, содержащийся в культуре. Это форма образовательного диалога, пониманию которого учит учитель» [12, с.228].

Воспитательное «как» в культурологии строится прежде всего на эмпатии, то есть на адекватном восприятии Другого, чему учит живопись прерафаэлитов. Так, культурология открывает новые возможности воздействия на личность. Интегрируя опыт разных знаний, она объединяет собой прошлое и настоящее, устраняя собой необходимость историко-эволюционного подхода к фактам и явлениям, создает особый вид проблемно-интеллектуальной истории, в которой все приближено к современнику.

Литература:

1. Фортунатова, В. А. Антропология образных состояний как нравственно-дидактическая проблема // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4 (1). с. 355–358.
2. Visual Art. Прерафаэлиты. Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru> (дата обращения: 18.05.14)
3. Человек без границ, Эл. издание № ФС 77–20081, 2004. Режим доступа: <http://www.manwb.ru>
4. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. М.: Интербук, 1990–2.С. 41
5. Бердяев, Н. А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека) — М: 1916
6. Шопенгауэр, А. Афоризмы и максимы — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. — 228 с.
7. Пьеро, Ж. Декадентское воображение (1880–1900). Пер. Дерек Колтман. — Чикаго: University of Chicago Press.
8. Грин, А. Джесси и Моргана. — М., Пресса, 1995, с. 3–168
9. Джейсон Розенфельд. Прерафаэлиты и современное британское искусство, музей совр.искусства «Гараж», британский совет, 2013. Режим доступа://theoyandpractice.ru
10. Валеева, Е. В. Аналоговая модель современного образования // Обсерватория культуры. 2014. № 1. с. 96–101
11. Фортунатова, В. А. Гуманитаризация вузовского образовательного процесса как исследовательская проблема // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). с. 246–249
12. Валеева, Е. В. Культурологическое мультиплексирование как образовательный ресурс в преподавании гуманитарных дисциплин // Вопросы культурологии. 2014. № 5. с. 54–58.

Память как творческий процесс формирования личности и культуры

Писаревская Анна Альбертовна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Что такое память? Зачем она необходима человеку и обществу? Как она формирует личность и культуру? Что произойдет с человеком, если он потеряет память? В чем состоит ее важность? Почему память необходимо сохранять и передавать следующим поколениям? Именно эти вопросы будут рассмотрены в данной статье.

В толковом словаре Даля мы видим, что память — это способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, помнить сознание о былом. Память, относительно прошлого, то же, что заключение, догадка и воображение, относительно будущего [1, с. 10]. Здесь важны такие слова, как «свойство души», душа — это бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем знач. человек, с духом и телом [2, с. 519]. То есть память это свойство человека, а значит без памяти нет и человека. Память это важная составляющая каждого из нас. Наш психологический мир широк и разнообразен. Благодаря развитию психики мы многое умеем и знаем. В свою очередь это основывается на накопленном опыте и воспоминаниях. Память носит индивидуальный опыт человека. Без памяти человек перестает быть личностью. Она является самой долговечной способностью. В старости мы можем помнить события давно ушедшего детства, школьных лет и т.п. В своих рассуждениях Лихачев говорит нам о том, что: «память — это, прежде всего, творческий процесс, а не механический» [3, с. 50]. Ею обладает все вокруг: птицы, рыбы, животные, бумага, если ее сжать, и вода. Да, та самая вода, которую мы пьем. «Но как?» — спросите вы. Ведь в отличие от бумаги, ее нельзя сжать. Ученые давно доказали это. Известен один случай, когда при обсуждении ядерного оружия отравились люди. На столе была только вода. Негативные мысли сделали ее ядом. И так, мы с вами видим, что все вокруг нас обладает памятью.

Изучение такого феномена как память началось очень давно. Первые размышления на этот счет принадлежат древним грекам и относятся приблизительно к VI веку до нашей эры. Так Парменид считал память смесью света и темноты или тепла и холода. Если смеси взболтать, то это приведет к забвению. И наоборот, оставляя их в покое, память будет оставаться превосходной. В пятом веке до нашей эры Диоген предположил, что память — это процесс, состоящий из событий, которые являются причиной равномерного распространения воздуха в организме. Он также полагал, что если нарушить равновесие, то наступит дремота. Следующим был Платон. В его теории воск символизирует память, которая оставляет на нем свои следы, т.е. воспоминания. Эти следы остаются некоторое время, а потом стираются. Первым, кто научно охарактеризовал память, был Аристотель. Он связывал ее с циркуляцией крови в организме. Забвение, по его мнению, яв-

ляется следствием замедления циркуляции крови. После Аристотеля были и другие философы, которые также изучали память, но следующим, кто внес большой вклад в развитие учений о памяти, был врач Галлен, живший во втором веке до нашей эры. Он связывал память с вырабатываемыми жидкостями в мозгу. Эта жидкость растеклась по всему телу и наполняла чувствами. Позднее эту идею поддержала церковь, поэтому данная мысль оставалась актуальной в течение 1500 лет. Даже такие мыслители как Декарт и Гоббс разделяли эту теорию. В девятнадцатом веке произошло переосмысление этой идеи. Первая научная теория о памяти появилась в 1885 году. Немецкий психолог Эббингауз установил, что память состоит из нескольких уровней и определил для них объем информации [4, с. 6–11]. В двадцатом веке многие ученые активно занимались изучением памяти. Все они пришли к выводу о том, что она локализуется в определенном участке мозга. И так мы с вами видим, что проблема памяти была и остается актуальной во все времена.

Память, несомненно, важна для человека. Она формирует его личность. Этот процесс длится на протяжении всей жизни. Самыми главными формирователями личности являются родители. Они передают мудрость, накопленную веками. Они рассказывают, что делать можно, а что нельзя, делятся традициями и обычаями. А главной целью традиций является сохранение памяти. Если бы память не передавалась из поколения в поколение, человек так и оставался бы первобытным дикарем. Память формирует моральный облик. Так, например, память о детстве многих русских правителей оказала непосредственное влияние на их дальнейшую политику. Иван Грозный, русский царь, рано лишился родителей и воспитывался в кругу чужих людей. Как писал великий русский историк В. О. Ключевский: «В душе его рано и глубоко врезалось и на всю жизнь сохранялось чувство сиротства, брошенности, одиночества, о чём он твердил при всяком случае; «родственники мои не заботились обо мне» [5, с. 95–98]. Иван с братом рос в кругу жестоких бояр, которые вели свою игру за влияние на царя. Они возносили его как правителя, но унижали как ребенка. Иван Грозный вырос подозрительным, тревожным и нравственно неустойчивым человеком. Следствием этого являются многие казни в Московском государстве и введение опричнины. Известен также случай, когда в 1570 году по приказу царя опричное войско убило около 10–15 тысяч неповинных людей, тогда как население всего города не

превышало 30 тысяч. В 1581 году, Иван в припадке гнева убил своего наследника, тем самым обрек свой род на вымирание. Другим примером влияния памяти на формирование личности может служить первый русский император Петр I. Его память о детстве стала причиной всех дальнейших преобразований. В то время произошло столкновение между боярами рода Нарышкиных и Милославских. Петр видел казни близких людей, его матери и ему самому грозила опасность ежеминутной смерти. Чувство неприязни к Милославским перешло в ненависть, когда Петр узнал, насколько они виноваты в стрелецких движениях. С ненавистью относился он и к стрельцам, называя их «семенем Ивана Михайловича» (т.е. Милославского), потому что с представлением о стрельцах у него соединялось воспоминание об их бунтах 1682 года. Как известно позже, Петр упразднил стрелецкое войско и ввел полки нового строя. Все его детство прошло в окружении иностранцев из немецкой слободы. Там же он познакомился с Лефортом, который доказывал Петру превосходство Западной культуры. Память о детских годах привела к тому, что Петр I искоренил старые традиции и ввел новые, тем самым «прорубив окно в Европу». Память о детстве другого русского императора Александра I привела к либеральным реформам, а впоследствии к их отмене. Воспитываясь своей бабушкой Екатериной, Александр вбирал в себя идеи просвещенного абсолютизма, а присутствие рядом швейцарца Лагарпа только усиливало его либеральное начало. Однако, как мы знаем, заговор против его отца Павла оказал огромное влияние на императора, когда он в страхе перед дворянством свернул проекты о даровании свободы крестьянам. Память о детстве сформировала личность Николая Иртеньева в повести Толстого «Детство». «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!» — вспоминает взрослый Николай [6, с 25]. Маленький Николенька стремился к добру, любви и красоте. Воплощением всего самого прекрасного для него была мама. Она привила ему любовь к Богу. Позднее его любовь к матери и к Богу «как-то странно сливались в одно чувство». Становление характера Николеньки происходило среди различных, близких ему людей: родителей, братьев и сестер, учителей, дворовых. Память о детстве сделала Николая добрым, наблюдательным, честным и отзывчивым человеком в будущем. А вот для другого героя память о детстве сформировала безвольного, нецелеустремленного и ленивого человека. Я говорю сейчас о главном герое романа И.А. Гончарова «Обломов». В детстве маленького Ильюшу все ласкали и баловали. Его постоянно оберегали от различных опасностей. Такая опека сделала Обломова беззаботным и беспечным в будущем. Она отбила у него всякое желание, что-либо делать самостоятельно.

А что станет с личностью человека, если он потеряет память или наоборот все будет помнить? Мне бы хотелось ответить на этот вопрос, используя рассказы О. Сакса «Заблудившийся мореход» и «Фунес» Х.Л. Борхеса. Героем рассказа Борхеса является человек, который в ре-

зультате несчастного случая начал запоминать все вокруг себя. Ему открылся новый мир, который не могут увидеть люди с обычной памятью. Фунес запоминает буквально всё. Он помнил «формы южных облаков на рассвете тридцатого апреля тысяча восемьсот восемьдесят второго года и мог мысленно сравнить их с прожилками на книжных листах из испанской бумажной массы, на которые взглянул один раз» [7]. Однако, главный герой не может понять суть предмета, он разучился мыслить. Запоминая все, Фунес не может абстрагироваться от внешнего мира и наполнить смыслом его воспоминания. Другой герой Джимми из рассказа О. Сакса «Заблудший мореход» потерял память и находится в одном временном отрывке. Он не может запомнить даже то, что происходит с ним в настоящее время. Джимми потерял часть себя как личность. Существует лишь та, которая была тридцать лет назад. Джимми не существует в новом времени. На вопрос доктора он отвечает, что не живет. Из вышесказанных примеров мы видим, зачем нужна память человеку. Она необходима нам чтобы жить и быть личностью. Благодаря совершенствованию памяти человек выделился из животного мира и достиг тех высот, на которых он сейчас находится. Да и дальнейший прогресс человечества немыслим без постоянного улучшения этой функции.

Память формирует не только личность, но и культуру. Что же такое культура? По мнению Лихачева: «Культура человечества — это активная память человечества, активно же введенная в современность» [8, с. 51]. Ю.М. Лотман также отмечал, что «с точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [9, с. 200]. Из этого можно сделать вывод, что культура основывается на памяти, накопленной человечеством за все времена. Память культуры тесно переплетается с памятью личности. В приведенных выше примерах можно увидеть, как память одной личности повлияла на развитие целого государства. Люди, создающие культуру русского народа, в разные времена обращались к памяти. Например, произведение «Слово о полку Игореве» неизвестного автора является шедевром древнерусской литературы. Оно основывается на памяти о таком историческом событии, как поход 1185 года князя Игоря Святославича Новгород-Северского против половцев. Основная идея «Слова» — это страстный призыв русских князей к единению. Эта идея получает воплощение во всей художественной структуре произведения, в его сюжете и композиции. Вот как оценивает значимость этого произведения Д.С. Лихачев: «Оно породило огромную исследовательскую литературу, вошло в русскую поэзию, в русскую художественную литературу, в русскую музыку, отразилось в живописи, во всех исследованиях древней русской культуры. Оно само стало явлением культуры не только древней, но и новой» [10, с. 5]. Картины великого русского художника В.И. Сурикова оставили заметный след

в русской культуре девятнадцатого века. Он являлся мастером исторического жанра. Создавая картины, художник основывался на исторической памяти предков. Свой дар выдающегося живописца-историка Суриков подтвердил в полотнах «Меншиков в Березове», «Боярыня Морозова», «Переход Суворова через Альпы» и «Покорение Сибири Ермаком». Последнюю картину из этого списка художник нарисовал не случайно. Красноярец Суриков был особенно страстным патриотом родного края и всегда проявлял горячий интерес к прошлому Сибири. А образ Ермака жил в семейных преданиях рода Суриковых: считалось, что далекие предки художник — донские казаки — пришли сюда вместе с отрядом отважного покорителя сибирской земли. Память являлась основополагающим моментом для творчества композиторов

«Могучей кучки». Главными принципами их произведений были народность и национальность. Тематика творчества «кучкистов» связана преимущественно с образами народной жизни, исторического прошлого России, народного эпоса и сказки, древними языческими верованиями и обрядами. Историю России в своих картинах также изображали «передвижники». Они воспевали красоту и мудрость народа, его величие и силу. Как мы с вами видим, память формирует нравственный климат народа. Преодолевая время, она является основой культуры.

Память несоизмеримо важна в нашей жизни. Она формирует не только личность, но и всю культуру человечества. Нашей великой задачей является сохранение и передача мудрости следующим поколениям, ведь память — это фундамент личности и общества.

Литература:

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. — СПб. — М.: Тип. М. О. Вольфа., 1880—1882. — т. 3. с.10
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. — СПб. — М.: Тип. М. О. Вольфа., 1880—1882. — т. 1. с. 519
3. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / сост., общ. ред. Г. А. Дубровской. — М.: Дет. лит., 1985. с. 50
4. Скоростная память: [Пер. с англ.] / Т. Бузан. — Москва: Эйдос, 1995. — с. 6—11
5. Ключевский, В. О., Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., «Правда», 1990 г., с. 95—98
6. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 томах. М., Художественная литература., 1978—1985. — т. 1. с.25
7. Борхес, Х. Л. Фунес, чудо памяти. [Электронный вариант]. URL: http://royallib.com/read/borhes_horhe/funes_chudo_pamyati.html#0 Дата проверки: 22.02.2015.
8. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / сост., общ. ред. Г. А. Дубровской. — М.: Дет. лит., 1985. с. 51
9. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн. 1992. с. 200
10. Лихачев, Д. С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // Слово о полку Игореве — памятник XII века / Отв. ред. Д. С. Лихачев; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — с. 5

Диалог в межличностной коммуникации

Чивилёв Александр Андреевич, аспирант
Челябинская государственная академия культуры и искусств

В глобальном мире в целом и в российском обществе в частности, крайне важными на сегодняшний день являются проблемы, связанные с установлением и поддержанием *диалога* между различными социально-культурными группами, точнее, их представителями. Даже учитывая то, что в повседневной жизни человек обучается диалогу с раннего возраста, этого бывает недостаточно для успешного овладения некоторыми профессиями (преподавателя, артиста, диктора, политика и т.д.). Кроме того, прогресс науки и техники привел к тому, что человеческие взаимоотношения становятся все более опосредованными и дистантными, что приводит к определенному отчуждению между членами об-

щества. В таких условиях существенно возрастает роль речевой коммуникации между людьми, которая обеспечивает взаимопонимание, продуктивный обмен информацией.

Речевая коммуникация чаще всего протекает в виде взаимосвязанных последовательных речевых актов. Такого рода речевые акты образуют дискурсивное поле коммуникации. Под *диалогом* же обычно понимается такая ситуация, когда меняются коммуникативные роли, т.е. роль говорящего переходит к слушающему, а роль слушающего переходит к говорящему [3].

Диалог — это диалектическое противоречие своего и другого сознаний, каждое из которых существует са-

мостоятельно, независимо друг от друга, стремясь освоить и понять другое, при этом не утратить суверенности своего [6]. Во время диалога происходит не только обмен ценностной информацией. Каждый участник диалога пытается понять себя, смотря в другого человека как в зеркало и видя свое отражение, и это гораздо важнее, нежели простой обмен информацией. Лишь смотря в свое отражение, проецируемое другим сознанием, можно увидеть и понять себя соотносительно другому.

Согласно М. Буберу, диалог это отношение людей друг к другу, выражающееся при помощи коммуникации [2]. В диалоге задействованы два субъекта, т.е. два говорящих сознания, которые желают высказаться, услышать друг друга и достичь понимания. Примечательно, что более важно для каждого из участников диалога желание быть услышанным и только потом — правильно понять своего собеседника. В диалоге соотносятся друг с другом реплики, или речевые ходы. Важным обстоятельством является связность диалога, обеспечивающаяся тем, что за вопросом идет ответ, за приветствием — ответное приветствие, за упреком — извинение или возражение, за комплиментом — благодарность, за оскорблением ожидают извинение и т.д. В речевое взаимодействие могут быть включены и неречевые компоненты (так, словесное согласие можно заменить кивком головы, ответ на вопрос — пожатием плечами). Т. е., диалог разворачивается по установленным, известным коммуникантам, нормам и культурным сценариям.

Сам по себе диалог как неформальная беседа является идеальным образцом межличностной коммуникации [1]. Для межличностной коммуникации (МЛК) характерен целый ряд особенностей, отличающих ее от остальных видов коммуникации, однако МЛК может протекать в различных формах, специфика которых определяется количеством участников, их социальным статусом, коммуникативной установкой, особенностями времени и пространства коммуникации. МЛК присуща частая смена тематики, доминирование одной стороны за счет ее высокой активности и подчинение другой, смена коммуникативной установки, возможность возвращаться к прежним темам, необязательность заключительного этапа, т.к. диалог может быть прерван внешними факторами.

Вступая в МЛК, люди «настраиваются» на взаимодействие друг с другом [4]. Каждый хотя бы приблизительно представляет, что и как он сделает или скажет. Мысленно представит реакцию других на это, его собственную реакцию на эту реакцию и т.д. МЛК как взаимодействие и диалог является сложным процессом, предполагающим понимание и осознание инаковости своего собеседника, а кроме того — выработку в процессе взаимодействия общности (диалог «Я» и «Другого»). Если в процессе

МЛК достигается общность (при понимании различности), такую коммуникацию можно считать успешной, полноценной. В противном случае, МЛК является неуспешной или неполноценной, т.к. взаимопонимание не достигнуто.

Межличностная коммуникация оказывает значительное влияние на поведение и деятельность людей, формирует коммуникативные уровни общества в виде различных форм коммуникативного взаимодействия.

Одной из таких форм является социальный диалог, выступающий как реальное бытие социальной коммуникации. Диалог особенно значим для стабилизации, развития и поддержания общественной жизни. Он, выступает социализирующим, стабилизирующим и даже цивилизующим началом, будучи противоречивым по своей природе. Противоречие выражается между необходимостью в действенной системе социальной регуляции, диалог же может стать весомым регулятивным потенциалом социальной коммуникации, с одной стороны, и неполным, недостаточно эффективным использованием этого потенциала, с другой стороны. Принципиальной особенностью такого рода коммуникации является возможность реального диалога. В коммуникацию могут включиться на равных все ее участники.

Важной особенностью современной МЛК является возможность диалога с искусственными персонажами, моделирование своего образа и образа собеседника [7]. Успешность, продуктивность МЛК зависит от того, насколько развито у участников диалога умение признавать в собеседнике равноправного партнера, вместе с этим учитывая его право на различие.

В виртуальной культуре существенно возросла роль диалога, который разворачивается на различных уровнях. Л.А. Микешина и М.Ю. Опенков, рассматривая природу виртуальной реальности, отмечают её неразрывность с диалогом и коммуникацией [5]. Помимо того, потребность человека в уходе в собственный иллюзорно-символический мир может трактоваться как «Я — коммуникация» (альтер-эго, «Я» и «Другой» и т.д.). Это обуславливает потребность в познании закономерностей МЛК, накоплении навыков и умений, их успешного применения.

Подводя итог можно сказать, что МЛК в форме диалога обеспечивает людям взаимопонимание, возможность свободно обмениваться информацией. Диалог является активной сплачивающей силой, которая скрепляет общественную жизнь и формирует у людей чувство принадлежности к социуму, к социальной группе. Именно через диалог индивид приобщается к социальным ценностям, социальным ролям и формирует социальную идентичность. Следовательно, возрастание интереса к процессу МЛК является закономерной реакцией.

Литература:

1. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. — М.: Аспект Пресс, 2007. — с. 82.
2. Бубер, М. Диалог // Два образа веры / М. Бубер // — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999 а. С.122–161.

3. Василик, М. А. Основы теории коммуникации: Учебник под редакцией проф. М. А. Василика, — М: Гардарики, 2003. — с. 615
4. Конецкая, В. П. Социология коммуникации: Учеб. — М.: Междунар. ун-т Бизнеса и Управления / В. П. Конецкая, 1997. С. — 304
5. Микешина, Л. А. Методология научного познания в контексте культуры / Л. А. Микешина // — М., 1992. — с. 143
6. Пивоев, В. М. «Философия культуры» / В. М. Пивоев // Петрозаводск, М., 2009, гриф УМО С.106
7. Усанова, Д. О. Диссертация «Виртуальная культура: концептуализация феномена и репрезентации в современном социокультурном пространстве» / Д. О. Усанова // Челябинск, 2014. — с. 116

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Изображение молодых женщин в живописи Вьетнама периода обновления (1986–2010 гг.)

Во Ван Лак, аспирант

Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова

В период 1986–2010 гг. вьетнамские художники создавали образы красивых молодых женщин. Изображения вьетнамских женщин в платьях стали ярким символом в произведениях многих поколений художников. Очаровательная красавица передает традиционные ценности: чистоту души, святость. Изгибы фигуры вызывают эмоции. Также художники передают образ с помощью характерных деталей: длинные волосы, белое платье, мягкие руки и др., что символизирует невинность и чистую красоту. Художники используют современный стиль в искусстве для оздания знаковых художественных произведений.

Ключевые слова: изображение молодых женщин, обновление, живопись, Вьетнама

В 1986 г. произошли важные события в истории народа Вьетнама. Коммунистическая партия Вьетнама провела серьезные реформы в области общественной жизни: политики, экономики, культуры, искусствоведения и т.д. Строительство и развитие страны происходило в соответствии с новой моделью. Была отменена политика субсидирования, произошел переход к рыночной экономике. Изменения коснулись и политического мышления, и социального управления, и др. Вьетнам стал открыт для международных обменов. Эта реформа была проведена с целью нейтрализации национальной ненависти, боли войны. Нововведения имели важную роль в формировании и развитии страны, сыграв важную роль в экономическом развитии Вьетнама, сделав жизнь людей более обеспеченной и культурной, а духовную жизнь — богаче и разнообразнее [7 [4].

В литературе и искусстве авторы придерживались творческой свободы. В это время развивается живой, богатый язык современного искусства, выражающий мысли страны. Создается атмосфера свободной деятельности искусства. Национальное обновление и духовная жизнь людей сосредоточены на развитии. Культура и искусство высоко ценится, играя важную роль в жизни народа. Государство изменило форму управленческого мышления, художественного направления и т.д. [4]

Этот характерный для данного периода образ мы можем увидеть на картинах Нгуен Чунга (р. 1940), который создавал глубоко символические образы. Образ молодых женщин в его картинах наполнен грустью, размышлением, беспокойством. Нгуен Чунг продолжает развивать художественные фактуры предыдущего периода: «Он от-

казался от западной науки и искусства, вернувшись к восточной эстетике. Он описывает объект, чувствуя его, используя свет в восточном философском духе — свет пассивный и активный, свет природы и души, все показано на контрасте, но в результате мы видим единый гармоничный образ» [8, с. 222].

Изображения молодых женщин на его картинах навевают зрителю мысли о печальной судьбе. В работе «Мать и сын у моря» (1990) автор создал лаконичный образ женщины. Она идет по береговой линии, акцент сделан на большой размер фигуры. Автор описывает спокойное море, любящая мать держит свое дитя, ее сердце огромно как океан. Работа обладает глубоким символическим значением. Цвета холодные, что навевает грусть. В глазах героев также сквозит печаль. Фон выразителен, мерцание создает красоту и загадку. Также автором изображены две небольшие рыбы на побережье, их блуждания по этой земле беспомощны, что также вызывает печаль по поводу человеческой жизни.

В работах «Девушка с манго» (2004), «Девушка посещает пагоду» (2008), «Девушка и цветы», «Утро» (2005) все передает печальную судьбу. На картине «Девушка посещает пагоду» автор описал одинокую хрупкую девушку, лицо ее несчастно. Художник описывает красоту мира, чувства, возникающие при воспоминании о своей деревне. Фрукты, цветы, рыбы становятся предметом творчества. Цвета простые, что вызывает искренние чувства. Изображение девушки, посещающей пагоду, обладает духовным смыслом, цветы создают пространство красоты, прослеживается буддийская духовная символика. Типичные буддийские цвета трепетно использованы

Рис. 1. Нгуен Чунга «Церемония в пагоде». Холст, масло

в этом произведении, выражая чувства легендарной легкости. Образ этой героини символизирует тяжелую жизнь бедных сельских девушек. Все содержит глубокое настроение красоты: «Нгуен Чунг вернулся к простоте линий, цветов; серо-голубой, синий тонко перемешиваются, создавая таинственную красоту» [8, с. 222].

Образы его девушек объединяются в группу картин, обладающую особым ритмом и глубиной мысли. Нгуен Чунг берет реальные эмоции, чтобы создать работы необычной красоты. В работе «Церемония в пагоде» (2005) [илл. 1] изображена характерная обстановка этнической группы кхое. Мерцающее, магическое пространство вызывает в памяти буддийскую тишину. Изображены молодые женщины с большими черными глазами, обладающие не только внутренней, но и внешней красотой.

В работе «Девушки» (2006) художник передает атмосферу весны. Сексуальные мягкие силуэты созданы с помощью мерцания света, тонких линий. В произведениях «Девушка и цветы» (2008), «Сновидение» (2008) также зритель может наблюдать молодых героинь. На последней работе мы видим спящую на лужайке девушку. Художник создавал образы, обладающие мистической красотой. Изображение молодых женщин с цветами на картинах Нгуен Чунга стало символом девственности.

Типичные художники Вьетнама в период инноваций продолжают развивать язык и стиль современного искусства. Так, Хо Хью Тху (р. 1942) ищет красоту девушек, лотосов, используя условные и символические приемы. Он ярко выражает душу героев, показывая их красоту и судьбы. Он передает понимание буддийской философии, стремление к миру. Хо Хью Тху воссоздает внутреннюю красоту природы и людей. Его работы показывают бо-

гатые цвета, ритм, создают поэтический, романтический образ.

В его работах описаны образы девушек и лотосов: «Белый лотос», «Обнаженная с листьями», «Девушка и цветы», «Поэзия под луной», «Танец», «Девушка и лотосы», «Сновидение в лунном свете» и т.д. Эти произведения являются типичными для автора: нежный цветок лотоса, белая, хрупкая девушка, мерцание, мечтательность и т.д. На картинах показано то, что преемник также думает о эстетических традициях. Он использует красоту объекта в пространстве мечтаний, создавая лиричный образ.

Работа «Поэзия под луной» (1991) выполнена в технике лаковой живописи. Цвета яркие, контрастные, линии тонкие, мягкие, девушки летят в огромном пространстве. Мерцающее в лунном свете небо спокойное, мирное, романтическое. Нежный цветок лотоса вызывает приятные эмоции. Формы, линии смешиваются вместе, создавая живой ритм. Работа оставляет лирическое настроение. Хо Хью Тху сказал, что «Выражение души не связано с социальной реальностью, которая была создана, чтобы выразить смысл. Абстрактность — вот правда души». В этой работе содержатся глубокие символы и мысли: терпимость к жизни, людям, любовь и красота — все это скрыто в изображении молодых женщин.

В работе «Танец» (2006) (рис. 2) мы видим молодых женщин, танцующих в огромном глубоком пространстве. За счет сочетание цветов — теплого и холодного, света и тени — создается глубокая красота и атмосфера покоя. На картине «Белые лотосы» (2006) представлено с чистой красотой и хрупкостью лицо невинной молодой девушки, взгляд ее глубок и печален. Красота рождается

Рис. 2. Хо Хью Тху. «Танец» (2006) — Лаковая живопись

в результате аромата цветов и листьев. С тонким силуэтом, слабая, чистая молодая женщина скрывается в темноте. Лунный свет символизирует красоту. Сочетание теплых и холодных цветов, светлых и темных тонов, божественной и реальной красоты.

Девушка, лотос, луна — объекты, содержащие глубокий символизм. В работе «Обнаженная и листья» (2008) автор описывает чистую красоту, невинность в пространстве цветов. Мы видим романтическую красоту деревенской девушки. Ее глаза грустны, загадочны, лицо тонкое, красивое. Автор передает хрупкость красоты. На картине сочетаются мир природы и человека, создавая единое красивое и магическое пространство. Художник Хо Хью Тху создал множество работ, вдохновляясь луной, цветами, молодыми женщинами. Он обладает глубоким эстетическим чувством и индивидуальным стилем. Через такие картины мастер выражает свои мысли, раскрывает душу. Изображения передают влияние человеческой природы на эстетическое восприятие общественности. Образ молодой женщины и цветов лотоса в своем творчестве тонко и глубоко раскрыл До Зуй Туан (р. 1954). Герои находятся в огромном пространстве. Девушки красивы, мечтательны, романтичны. С помощью серых и фиолетовых цветов художник выражает очень тонкое, поэтическое настроение. Его картины напоминают людям о возвращении к древним символам красоты: изображаются длинные волосы, тонкие руки, грустные глаза, особым образом падает свет и т.д. Белый мерцающий цветок лотоса вызывает в памяти образ доброты, красоты, святости. Девушки и лотосы в картинах До Зуй Туана отражают мысль о формировании национального духа. Два символа смешивают вместе, чтобы напомнить о духовной красоте.

В работе «Вечерняя песня» (2005) [илл. 3] изображена девушка, скрытая в пространстве заката. Яр-

ко-желтый цвет и птица, помещенная в клетку, вызывают грусть. Девушка также в меланхоличном настроении, она одинока, пространство мрачное. На картине «Утро на реке Хьонг-Хюэ» (2009) автор описывает с поэтической красотой спокойствие реки, на берегу которой сидит девушка, а позади нее лодка. Девушка изображена в фиолетовом платье, ее образ обладает невинной красотой и святостью, взгляд наполнен грустью. В работах «Серая река Хюэ», «Лотос», «Волосы» и т.д. До Зуй Туан создал образы молодых добрых женщин, обладающих чистой красотой. Его произведения выражают символически условное визуальное мышление, они наполнены традиционным эстетическим духом Востока: узоры и цвета яркие, используется символизм лотоса, восхваляется традиционная красота, характерна стилизованность, лаконичность, глубина содержания.

Также образ невинной и наивной молодой женщины раскрыт в творчестве Конг Куок Ха (р. 1955). В своих работах он не описывает судьбы молодых женщин, его героини изображаются в красивом городе, они очаровательны, просты, их жизнь тихая и осторожная. Изображения в его картинах обобщены, упрощены, черные линии играют важную роль в формировании образа. В работах «Цветочный рынок», «Сестры», «Девушка в розовом костюме», «Причесывание волос», «Любовь и мир» и др. изображены девушки с большими глазами, по-деревенски красивые и простые, образы стилизованы, выполнены в технике лаковой живописи. Он не передает печальное настроение, которое изображалось для передачи наивности и невинности. Автор живо передает узоры на платьях. Он описывает красоту женщины, будто рассказывая о ее жизни.

В работе «Две сестры» (1997) художник изобразил двух молодых женщин с открытыми лицами, их платья

Рис. 3. До Зуй Туан. «Вечерняя песня» (2005). Холст, масло

сверкают золотом и серебром, что придает работе глубины. Черные цвет притягивает внимание. На картине «Девушка в розовом костюме» (1992) зритель видит красивый образ черноволосой женщины с невинными глазами. Линии, декоративные детали делают картину яркой. Работа «Миролюбие» (1997) передает спокойную красоту. Благодаря технике лаковой живописи и сочетанию контрастных цветов создается глубокий гармоничный образ. Изображения молодых женщин в работах Конг Куок Ха представляют сдержанную красоту и чистоту ханойских девушек.

Нгуен Тхань Бинь (р. 1945) передает творческий дух через образ молодой печальной женщины. Используются белый и серый цвета, что создает мягкую красоту. Белое платье молодой женщины говорит о ее чистоте и невинности. Однако девушки в его работах несчастны. На картине «Нагая женщина 1» (2006) [илл. 4] художник создает силуэт обнаженной девушки. Красный диван вы-

зывает более яркие эмоции, нежели мягкое тело молодой женщины. Черные длинные волосы привлекают в работе основное внимание. Автор выражает настроения тоски, рассказывает о судьбе девушки в роскошной жизни. Композиция довольно простая, образы обобщенные, но глубоко символические.

На картине «Нагая женщина 2» (2006) автор описывает бедную обнаженную девушку, расположенную в центре картины, она разочарована. Работа вызывает чувство тяжелого будущего. Черные мягкие контуры также играют важную роль. В работе «Нагая женщина 3» (2007) автор выражает юношескую красоту молодой женщины. Цвета сочные, фигура героини сексуальная, сильная. Образы нагих девушек в картинах Нгуен Тхань Бинья обладают современной эстетикой, он описывает внутреннее состояние человека. Его искусство представляет двухмерную структуру, формирование декоративного стиля, упрощенного, с использованием контрастов.

Рис. 4. Нгуен Тхань Бинь. «Нагая женщина 1» (2006). Холст, масло

Его искусство считается знаковым, в нем передается человеческое сочувствие художника к героям.

Художник Хуа Ханг Бинг (р. 1955) описывает красоту молодой женщины. Образ молодой женщины в его картинах передает деревенскую красоту, выражает деревенскую жизнь. Молодые женщины утонченные, строгие, печальные, тревожные, их красота свята, а души чисты [5, с. 16–17].

Художники создавали работы, содержащие яркие эстетические образы: объемы, линии фигур, традиционные

платья молодых вьетнамских женщин. Эти произведения, созданные в период изменения политики в искусстве и культуре, показали перемены в творческом мышлении мастеров, методов формирования образа, цвете, структуре, стиле. Изображение молодых женщин в период вьетнамского обновления творчества продемонстрировало сочетание современного и традиционного стиля. Образ девушки содержит глубокий символический смысл благодаря языку искусства, передающему свободный творческий дух, внутреннюю красоту и глубокое настроение.

Литература:

1. Во Ван Лак, Влияние французского искусства на традиционную живопись Вьетнама в период 1925–1945 гг. // Молодой ученый (№ 1 (81), январь — 1 2015 г. — С 511–515.
2. Во Ван Лак, Типичные работы авторов живопись Вьетнама в период 1925–1945 гг. // Молодой ученый (№ 2 (82), январь — 1 2015 г. — С 573–578.
3. Во Ван Лак, Художественные материалы, используемые во вьетнамской живописи 1955–1985 гг. // Молодой ученый (№ 3 (83), февраль — 1 2015 г.
4. Во Ван Лак, Творческий поиск художников Вьетнама периода обновления (1986–2010) / Молодой ученый (№ 4 (84), февраль — 2 2015 г.
5. Буи, Н. Х. Некоторые взгляды вьетнамского искусства с 1986 г. по настоящее время // Художественный журнал. — 2/2009. — № 194. — с. 16–17.
6. Вьонг, Х. Л. Черно-белые художественные принципы / Х. Л. Вьонг. — Ханой: Изобразительное искусство, 2007.
7. Нгуен, Л. Т. Б. Современное искусство Вьетнама / Л. Т. Б. Нгуен, Н. Х. Буи, Т. Фам, В. Ч. Нгуен. — Ханой: Изобразительное искусство, 2005.
8. Нгуен, Х. Искусство Вьетнама XX века / Х. Нгуен. — Ханой: Знание, 2011.

Формирование садово-парковой эстетики на страницах путеводителей первой трети XIX века

Замятина Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Томский политехнический университет

В статье рассматривается, как на страницах путеводителей формируется садово-парковая эстетика. Особое внимание уделено историко-художественному путеводителю П. Свиньина «Достопримечательности Санкт-Петербурга и его окрестностей», связи текста книги как с актуальным и новым для начала XIX века жанром путеводителя, так и с эстетикой и поэтикой русского романтизма.

Ключевые слова: садово-парковая культура, П. Свиньин, путеводитель, романтизм.

Садово-парковое искусство сопряжено не только с разными видами искусств, но и с разными видами деятельности человека, так как «разворачиваясь в пространстве и времени, художественные образы этих произведений, воплощенные в объемно-пространственной структуре, представляют собой сложную систему знаков и символов, транслирующих культурные смыслы бытия человека в неизобразительной форме» [4, с. 151].

Особое место в современном искусствоведении занимает проблема отражения в садово-парковой эстетике общих процессов развития культуры России. Вслед за

Д. С. Лихачевым, рассматривающим в своих работах «сад как текст» [3], взаимодействие садово-паркового искусства с художественной культурой, мы обращаемся к русской периодике, справочным изданиям» [2], русским путеводителям начала XIX века как важным источникам формирования садово-парковой культуры, эстетики и философии.

Объектом данного исследования являются русские путеводители начала XIX века. Среди работ, относящихся к описанию русских садов, необходимо выделить книги Павла Свиньина.

Павел Петрович Свинын — известный представитель русской культуры, основатель журнала «Отечественные записки», автор множества иллюстраций, но главный труд его — «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей». В своей книге П. Свинын знакомит русских и иностранцев с Петербургом: важными достопримечательностями, памятниками, резиденциями, садами и парками (в книге Свинына мы находим главы, посвященные петербургским садам: «Летний сад», «Павловск» и «Царское Село»). Всё это органично переплетено с зарисовками национальных праздников (Масленицы, Пасхи и т.д.), разного рода развлечений (горки, качели и др.), включено в общее бытовое пространство культуры того времени (наряды, обычаи и др.).

Повествование наполнено жизнью: эмоционально, красочно, с юмором автор описывает петербургские места, пытаясь заинтересовать и заморозить читателя. Книги написаны как путеводитель по петербургским достопримечательностям (необходимость написания такой книги, которая отразила бы богатство и разнообразие красот Петербурга и его окрестностей, была потребностью времени), при этом являются своего рода «лирической повестью», соединяющей объективный и субъективный повествовательные планы.

По сути «Путеводитель» Свинына вписывается в распостраненный жанр «прогулки» с образом чувствительного автора-повествователя в центре, тесно связано с направлениями развития современного словесного искусства, включен в общую эстетику романтизма.

Так, автор любит виды Летнего сада на закате: «Перед глазами вашими находятся красоты сельской природы и удивительные творения человеческого Гения. <...> Виды сии *при закате солнца*, когда горизонт кажется объятым пламенем, ни с чем несравненны, и *никогда* не устанешь любоваться ими!» [1, с. 70–72].

Перед читателем открывается поистине лирическая картина, написанная прозой. Прежде всего отметим характерные для *элегической* лирики образы и мотивы: лунная ночь, безмолвие, «легчайший и чистейший воздух», «небесная музыка», закат солнца и соответствующие элегическому модусу настроения повествователя: «тихая, стройная гармония», меланхолия, «сладкое забвение», перелетающее «за предел мира» воображение, очарование. Топос сада выстроен по вертикали: небо, небесный свет, небесная музыка, столетний дуб. Вместе с тем, взор повествователя обращается и к горизонтали. Перед нами раскрывается образ столицы, в центре которого топос природной гармонии и человеческого Гения.

Лаконично, содержательно и поэтично повествование о Павловске. Павловск для автора «Путеводителя» — это большая священная книга «ароматов и радуг» природных картин, предметов искусства, «исторических достопамятностей» и богатого внутреннего мира воспринимающего субъекта. Через все повествование проходит романтический мотив невыразимого.

В описании Павловского парка у Свинына сливается не только мир человека и природы, но и два основополагающих садовых компонента — искусство и природа.

Важнейшей характеристикой садово-паркового ансамбля Павловска становится разнообразие, придающее парку жизненное наполнение. Это и многообразие парковых элементов, созданных из разных материалов, поставленных в разных местах и привлекающих рассказчика, и разнообразие мыслей и впечатлений, которые они у него вызывают. Не случайно парковый ансамбль Павловска сравнивается именно с «большой книгой»:

«Сады Павловска так пространны и столь разнообразны, что дабы описать сию подобранную зелень лесов, пленяющую взор яркими и приятными колерами своими, описать все памятники, павильоны, храмы, гроты и обелиски, счастливо приуроченные к местоположениям и *мыслям, которые должны возбуждать* при первом взгляде, все украшения из мрамора, бронзы и граниту, поставленные в густых кущах, по дорожкам и на площадях; одним словом, чтоб описать подробно Павловск, потребно написать *большую книгу*, и *любопытный* должен провезти несколько дней, чтоб осмотреть сии очаровательные места, удовольствие его на каждом шагу будет *оживляться* разнообразностью и новизною предметов» [1, ч. 1, с. 70–72].

Важно стремление автора отразить получаемые от созерцания Павловских красот впечатления. Вопросительные и восклицательные конструкции, повелительные интонации, риторические вопросы передают восторг рассказчика и призывают посетить особенные пространства парка: «*Но что это* за движущийся остров, рисующийся в прозрачных водах, его окружающих? *Что значит* сии златые поля и долины, покрытые тучными пажитями? *Поспешим* осмотреть их» [1, ч. 1, с. 102].

Риторические обращения, метафоры, эпитеты, сравнения и другие поэтические приемы использует автор и в передаче впечатления, получаемого от созерцания красот парка:

«Величественная жена <...> в неутешной скорби преклонила венчанное чело свое на урну и горькими слезами обливает ее. Скорбь беспредельна и сетование чрезмерно. Кажется, с прахом усопшего она все свое счастье и часть самой себя предала тут земле; *глубокая печаль* тесным союзом сочетала плачущую с прахом оплакиваемого. *Утро, улыбающееся* в небесах, застает ее в горести, теплое солнце не осушает слез ее, и *дщерь молчаливой ночи* — *светлая луна*, находит ее в той же тоске» [1, ч. 1, с. 98–100].

Образы «улыбающегося» утра, теплого солнца и «светлой» луны, дочери «молчаливой ночи», раскрывают динамическую сущность мира природы, человека и их взаимосвязи. Изображаемые явления природы, так же как и человеческие чувства, обладают множеством граней и проявлений, они связаны и с определенным мгновением, и одновременно с вечностью.

Приведем пример эмоционального и образного лирического описания памятников, находящихся в парке.

Здесь земной план изображения связан с «бренной» стороной мироздания, образом «покойной Александры Павловны», символом земной жизни становится потухший и опущенный к земле пламенник. Высший план изображения отражается в образах неба, «блестящей звезды», Ангела, Гения, связывается с воздушной стихией:

«Под сводом другого является взорам *воздушное* существо из белого мрамора, готовое *оставить сей бренный мир и превратиться в блестящую звезду*, подобную той, которая украшает *небесное* чело ее. Гиеней с *опущенным к земле* пламенником, преклоняет колено перед неисповедимой *судьбой*, но в то же время, объятый *глубочайшей* горестью, нежностью и отчаяньем — стремится *дрожащею* рукой удержать полет сего Ангела. Памятник сей воздвигнут на том самом месте, которое покойная Александра Павловна обрабатывала в детстве собственными руками своими» [1, ч. 1, с. 96–98].

Вторая часть книги Свиньина вышла в 1817 г., здесь мы находим статью «Царское Село», открывающуюся эпиграфом из первой песни «Садов» Ж. Делиля в переводе А. Воейкова. Описание Царскосельского ансамбля предваряется размышлением повествователя о различии между Павловском и Царским Селом: «Они между собой отличны, как ландшафты Американские от Европей-

ских, как водопад Ниагарский от Рейнского! Здесь все, как в новом свете — величественно, огромно, превосходно!» [1, с. 149].

Мотив величественности отражается и в описаниях царскосельских памятников. Например, описание Чесменской колонны, для которого характерно употребление лексики с семантикой величия («гордо», «возвышается», «величественная», «взойти», «парит», «орел», «громовержец») и незыблемости («не поколеблется», «не помрачится слава героя»). Ни время («пройдут века и — она не поколеблется, пройдут века и — не помрачится слава героя»), ни природа («Тщетно ярятся глубокие пучины, тщетно бунтуют стихии») здесь не имеет власти над пространством, где все пронизано Историей.

Садовое искусство, синтезируя различные искусства, развивается в непосредственной близости с основными историко-литературными направлениями. В книге П. Свиньина мы видим, как романтизм неразрывно связывает садовое искусство с искусством слова, выражая ключевые категории двоемирия, невыразимого и др., понижая садовое пространство лиризмом, передавая комплексы мимолетных и наполненных образами и символами впечатлений, множество граней внутреннего мира созерцающего субъекта, наполняя философскими смыслами.

Литература:

1. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Сочинение Павла Свиньина. 5 ч. СПб.: Типография В. Плавильщикова, 1816–1828.
2. Замятина, Е. В. Инструкции по паркостроению и обустройству садов конца XVIII — первой трети XIX в. как источники формирования садово-парковой культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9–1. С. 89–91
3. Лихачев, Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л.: Наука, 1982. 343 с.
4. Петрова, Н. Л. Символы культуры и художественный образ в садово-парковом искусстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41). Ч. II. с. 151–154.

ФИЛОЛОГИЯ

Some features of anatomical terms of motion

Абдурахмонова Нигора Полвонназировна, преподаватель
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Anatomists and health care providers use anatomical terminology and medical terminology intermittently. These languages can be bewildering to the uninitiated, however the purpose of this language is not to confuse, but rather to increase precision and reduce medical errors. For example, is a scar «above the wrist» located on the forearm two or three inches away from the hand? Or is it at the base of the hand? Is it on the palm-side or back-side? By using precise anatomical terminology, ambiguity is eliminated. Anatomical terms derive from Ancient Greek and Latin words, and because these languages are no longer used in everyday conversation, the meaning of their words does not change [13].

Now we are going to look through on anatomical terms of motion. Motion, the process of movement, is described using specific anatomical terms. Motion includes movement of organs, joints, limbs, and specific sections of the body. The terminology used, describes this motion according to its direction relative to the anatomical position of the joints. Anatomists use a unified set of terms to describe most of the movements, although other, more specialized terms are necessary for describing the uniqueness of the movements such as those of the hands, feet, and eyes. (кўллар, оёқлар, кўзлар)

In general, motion is classified according to the anatomical plane it occurs in. Flexion and extension are examples of angular motions, in which two axes of a joint are brought closer together or moved further apart. Rotational motion may occur at other joints, for example the shoulder, and are described as internal or external. Other terms, such as elevation and depression, refer to movement above or below the horizontal plane. Many anatomical terms derive from Latin terms with the same meaning.

Motions are classified after the anatomical planes they occur in, although movement is more often than not a combination of different motions occurring simultaneously in several planes. Motions can be split into categories relating to the nature of the joints involved:

Gliding motions occur between flat surfaces, such as in the intervertebral discs or between the carpal and metacarpal bones of the hand.

Angular motions occur over synovial joints and causes them to either increase or decrease angles between bones.

Rotational motions move a structure in a rotational motion along a longitudinal axis, such as turning the head to look to either side.

Apart from this motions can also be divided into:

Linear motions (or translatory motions), which move in a line between two points. A rectilinear motion refers to a motion in a straight line between two points, whereas a curvilinear motion refers to a motion following a curved path.

Angular motions (or rotary motions) occur when an object is around another object increasing or decreasing the angle. The different parts of the object do not move the same distance. Examples include a movement of the knee, where the lower leg changes angle compared to the femur, or movements of the ankle.

The prefix hyper — is sometimes added to describe movement beyond the normal limits, such as in hypermobility, hyperflexion or hyperextension. The range of motion describes the total range of motion that a joint is able to do. For example, if a part of the body such as a joint is overstretched or «bent backwards» because of exaggerated extension motion, then it can be described as hyperextended. Hyperextension increases the stress on the ligaments of a joint, and is not always because of a voluntary movement. It may be a result of accidents, falls, or other causes of trauma. It may also be used in surgery, such as in temporarily dislocating joints for surgical procedures [9].

These are general terms that can be use to describe most movements the body makes. Most terms have a clear opposite, and so are treated in pairs. Flexion and extension describe movements that affect the angle between two parts of the body. These terms come from the Latin words with the same meaning.

Flexion describes a bending movement that decreases the angle between two parts. For example, bending the elbow, or clenching a hand into a fist, are examples of flexion. When sitting down, the knees are flexed. When a joint can move forward and backward, such as the neck and trunk, flexion refers to movement in the anterior direction. Flexion of the shoulder or hip refers to movement of the arm or leg forward.

Extension is the opposite of flexion, describing a straightening movement that increases the angle between body

parts. When a joint can move forward and backward, such as the neck and trunk, extension refers to movement in the posterior direction.^[10] For example, when standing up, the knees are extended. Extension of the hip or shoulder moves the arm or leg backward. When the chin is against the chest, the head is flexed, and the trunk is flexed when a person leans forward.

Abduction and adduction refer to motions that move a structure away from or towards the centre of the body. The centre of the body is defined as the midsagittal plane.^[3] These terms come from the Latin words with the same meaning.^[1]

Abduction refers to a motion that pulls a structure or part away from the midline of the body. In the case of fingers and toes, it refers to spreading the digits apart, away from the centerline of the hand or foot. Abduction of the wrist is also called radial deviation.^[13] For example, raising the arms up, such as when tightrope-walking, is an example of abduction at the shoulder. When the legs are splayed at the hip, such as a star jump or doing a split, the legs are abducted at the hip.

Adduction refers to a motion that pulls a structure or part toward the midline of the body, or towards the midline of a limb. In the case of fingers and toes, it refers to bringing the digits together, towards the centerline of the hand or foot. Adduction of the wrist is also called ulnar deviation. For example, dropping the arms to the sides, or bringing the knees together, are examples of adduction.

The terms elevation and depression refer to movement above and below the horizontal. They derive from the Latin terms with the same meaning

Elevation refers to movement in a superior direction. For example, shrugging is an example of elevation of the scapula.

Depression refers to movement in an inferior direction, the opposite of elevation.

Rotation of body parts is referred to as internal or external, referring to rotation towards or away from the center of the body.

Internal rotation (or medial rotation) refers to rotation towards the axis of the body. For example, pointing the feet to face each other, or when the arms are turned so that the palms face the back of the body, are examples of internal rotation.

External rotation (or lateral rotation) refers to rotation away from the center of the body. For example, rotation of the feet or arms in the opposite direction to that above is an example of external rotation.

Anterograde and Retrograde flow, refers to movement of blood or other fluids in a normal (anterograde) or abnormal (retrograde) direction.

Circumduction refers to a conical movement of a body part, such as a ball-and-socket joint or the eye. Circumduction is a combination of flexion, extension, adduction and abduction. Circumduction can be best performed at ball and socket joints, such as the hip and shoulder, but may also be performed by other parts of the body such as fingers, hands, feet, and head. For example, circumduction occurs when spinning the arm when performing a serve in tennis or bowling a cricket ball.

Reduction refers to a motion returning a bone to its original state, such as a shoulder reduction following shoulder dislocation, or reduction of a hernia.

Dorsiflexion and plantar flexion refers to extension or flexion of the foot at the ankle. These terms refer to flexion between the foot and the body's dorsal surface, considered the front of the leg, and flexion between the foot and the body's plantar surface, considered the back of the leg. These terms are used to resolve confusion, as technically extension of the joint refers to dorsiflexion, which could be considered counter-intuitive as the motion reduces the angle between the foot and the leg.

Dorsiflexion where the toes are brought closer to the shin. This decreases the angle between the dorsum of the foot and the leg. For example, when walking on the heels the ankle is described as dorsiflexion.

Plantar flexion is the movement which decreases the angle between the sole of the foot and the back of the leg. For example, the movement when depressing a car pedal or standing on the tiptoes can be described as plantar flexion.

Palmar flexion and dorsiflexion refer to movement of the flexion (palmarflexion) or extension (dorsiflexion) of the hand at the wrist. These terms refer to flexion between the hand and the body's dorsal surface, which is the back of the arm, and flexion between the hand and the body's plantar surface, which in anatomical position is considered the anterior side of the arm. The direction of terms are opposite to those in the foot because of embryological rotation of the limbs in opposite directions.

Palmarflexion refers to decreasing the angle between the palm and the anterior forearm.

Dorsiflexion refers to extension at the wrist joint. This brings the hand closer to the dorsum of the body.

Pronation and supination refer to rotation of the forearm or foot so that in the anatomical position the palm or sole is facing anteriorly (supination) or posteriorly (pronation).

Pronation at the forearm is a rotational movement where the hand and upper arm are turned inwards. Pronation of the foot refers to turning of the foot outwards, so that weight is borne on the medial part of the foot.

Supination of the forearm occurs when the forearm or palm are rotated outwards. Supination of the foot refers to turning of the sole of the foot inwards.

Inversion and eversion refer to movements that tilt the sole of the foot away from (eversion) or towards (inversion) the midline of the body.

Eversion is the movement of the sole of the foot away from the median plane. Inversion is the movement of the sole towards the median plane. For example, inversion describes the motion when an ankle is twisted.

Unique terminology is also used to describe the eye. For example:

A version is an eye movement involving both eyes moving synchronously and symmetrically in the same direction.

Torsion refers to eye movement that affects the vertical axis of the eye, such as the movement made when looking in to the nose.

Occlusion refers to motion of the mandibular towards the maxilla making contact between the teeth.

Other terms include:

Nutation and counternutation http://en.wikipedia.org/wiki/Anatomical_terms_of_motion — cite_note-42 refer to movement of the sacrum defined by the rotation of the promontory downwards and anteriorly (nutations) or upwards and posteriorly (counternutations).

Opposition refers to the movement that involves grasping of the thumb and fingers.

Protraction and Retraction refer to an anterior (protraction) or posterior (retraction) movement, such as of the arm

at the shoulders, although these terms have been criticised as non-specific.

Reciprocal motion refers to alternating motions in opposing directions.

Reposition refers to restoring an object to its natural condition. (protrusion) and posterior (retrusion) movement of the jaw.

As it is analyzed that the terminology used, describes this motion according to its direction relative to the anatomical position of the joints. Anatomists use a unified set of terms to describe most of the movements, although other, more specialized terms are necessary for describing the uniqueness of the movements such as those of the hands, feet, and eyes.

References:

1. Albert, Daniel (2012). *Dorland's Illustrated Medical Dictionary*. (32nd ed.). Philadelphia, PA: Saunders/Elsevier. ISBN 978-1416062578.
2. Chung, Kyung Won (2005). *Gross Anatomy (Board Review)*. Lippincott Williams & Wilkins. ISBN 0-7817-5309-0.
3. Cook, Chad E. (2012). *Orthopedic Manual Therapy: An Evidence Based Approach (2nd ed.)*. Upper Saddle River, NJ: Pearson Education. ISBN 978-0-13-802173-3.
4. Houglum, Peggy A.; Bertoli, Dolores B. (2012). *Brunnstrom's Clinical Kinesiology*. F.A. Davis Company. ISBN 978-0-8036-2352-1.
5. Kendall, Florence Peterson; [et al.] (2005). *Muscles: testing and function with posture and pain (5th ed.)*. Baltimore, MD: Lippincott Williams & Wilkins. ISBN 0-7817-4780-5.
6. Lippert, Lynn S. (2011). *Clinical Kinesiology and Anatomy (5th ed.)*. F.A. Davis Company. ISBN 978-0-8036-2363-7.
7. Marieb, Elaine N.; Wilhelm, Patricia B.; Mallat, Jon (2010). *Human Anatomy*. Pearson. ISBN 978-0-321-61611-1.
8. Saladin, Kenneth S. (2010). *Anatomy & Physiology The Unity of Form and Function (5th ed.)*. McGraw Hill.
9. Seeley, Rod R.; Stephens, Trent D.; Tate, Philip (1998). *Anatomy & Physiology (4th ed.)*. WCB/McGraw-Hill. ISBN 0-697-41107-9.
10. Simpson, John A.; Weiner, Edmund (1989). *The Oxford English Dictionary*. Oxford: Clarendon Press. ISBN 9780198611868.
11. Swartz, Mark H. (2010). *Textbook of Physical Diagnosis: History and Examination (6th ed.)*. Saunders/Elsevier. ISBN 978-1-4160-6203-5.
12. Venes, Donald (Editor); Thomas, Clayton L. (Editor); Egan, Elizabeth J. (Managing Editor); Morelli, Nancee A. (Assistant Editor); Nell, Alison D. (Assistant Editor); Matkowski, Joy (2001). *Taber's Cyclopedic Medical Dictionary (illustrated in full color 19th ed.)*. Philadelphia: F.A. Davis Co. ISBN 0-8036-0655-9.
13. *Anatomy & Physiology*. Openstax college at Connexions. Retrieved November 16, 2013.

Поток сознания как черта «импрессионистической литературы».

Поток сознания в творчестве Вирджинии Вулф

Алексеева Виктория Вадимовна, учитель русского языка и литературы
Школа народного искусства Императрицы Александры Федоровны (г. Санкт-Петербург)

Термин «импрессионизм» безоговорочно применим к живописи. Художники-импрессионисты прочно занимают своё место в истории живописи конца XIX-начала XX веков. Но сегодня всё большее количество исследователей говорят о таком феномене, как импрессионизм

в литературе. Если «импрессионизм в живописи несомненен, в литературе — приходится его разыскивать» [1, с.33]. Это связано с тем, что в литературе импрессионизм не сложился как отдельное направление. Скорее можно говорить об импрессионистической манере письма у пи-

сателей (например, у А. Франса, В. Вулф, Е. Гуро) и поэтов (А.А. Фета, И. Анненского, О. Мандельштама), о чертах импрессионизма внутри разных направлений и эпох. Таким образом, «существование импрессионизма как метода признается всеми исследователями литературы, хотя многим из них проблематичным представляется бытование импрессионизма как литературного направления, ибо он не нашел такого глубокого теоретического обоснования, как, например, натурализм или символизм» [2, с.7].

Творчество Вирджинии Вулф (1882–1941), английской писательницы первой половины XX века, многогранно и разносторонне. Писательницу традиционно причисляют к модернистам, но в ее произведениях органично проявляется именно импрессионистическая философия, что обусловлено и биографией (первые выставки импрессионистов и постимпрессионистов в Лондоне; ученическое восприятие Форда М. Форда; увлечение теорией потока сознания У. Джеймса), и внутренней эстетикой, отраженной в ее критических работах. В своей программной статье «Современная литература» («Modern fiction») писательница призывает всмотреться «хоть на минуту в обычное сознание в обычный день. Мозг получает мириады впечатлений — обыденных, фантастических, мимолетных или врезающихся с твердостью стали. Со всех сторон наступают они, этот неуправляемый ливень неисчислимых частиц, и по мере того как они падают, как они складываются в жизнь понедельника или вторника, акценты меняются, важный момент уже не здесь, а там <...>. Жизнь — это не ряд симметрично расположенных светильников, жизнь — это светящийся ореол, полупрозрачная оболочка, окружающая нас с момента зарождения нашего сознания и до его исчезновения» [3, с.845]. Эта идея отражения мимолетных моментов бытия (moments of being) является ключевой в понимании всего импрессионизма, который ввел в искусство категорию времени. В. Вулф говорит о необходимости изображать лишь саму жизнь, фиксировать все моменты, эмоции, ощущения героев, ведь «подходящего для литературы материала» не существует, все подходящий материал для литературы, любой чувство, любая мысль, любое свойство мозга и духа должно использоваться, ни одной ощущение не может быть некстати» [3, с.850]. Такой демократизм в отражении реальности является чисто импрессионистическим, так как художники говорили на полотнах о ценности каждого ощущения.

Суть импрессионистического произведения — «передать мир чувств, заставить читателя проникнуться настроением героя, заставить его своими глазами увидеть игру света, услышать симфонию звуков, ощутить дуновение ветра» [4, с.227]. Эти задачи определяют своеобразную композицию импрессионистических романов, «в основе которой не передача событий и основных закономерностей, а воспроизведение потока их (героев) чувств, переживаний, эмоций. Отсюда — та своеобразная форма внутренних монологов, импрессионистическая манера

в описании окружающей их обстановки и пейзажа. Целью здесь становится передача движения времени с помощью текучей и музыкальной прозы» [4, с.233]. Такие особенности романов выдвигают на первый план прием потока сознания, который максимально создаёт впечатление, что читатель как бы «подслушивает» его в сознании персонажей. Это даёт читателю прямой интимный доступ в мысли героев, создавая ощущение иллюзии реальности; по словам Форда М. Форда, самое главное, что может сделать писатель — это воссоздать иллюзию реальности: «любое импрессионистическое произведение является хроникой мгновенного впечатления; это не ... откомментированный пересказ ряда событий — это иллюзия реальности» [5, с. 100]. Поэтому прием потока сознания становится основным в импрессионистических произведениях.

Сам термин «поток сознания» (Stream of consciousness) был введён в психологию (и литературу) американским философом Уильямом Джеймсом. Джеймс употребил понятие «поток сознания» применительно к человеческому мышлению и подробно исследовал мыслительные процессы. Поток сознания — это приём, благодаря которому читатель как бы подслушивает мысли героев, незаметно проникает в их сознание. Джеймс писал, что нельзя непосредственный поток сознания назвать, например, цепью сознания, ведь лексическое значение слова «цепь» — «ряд металлических звеньев, продетых последовательно одно в другое (употребляется для связи, подъема и т.п.)» (Малый Академический словарь). Наши же мысли не текут последовательно, а хаотично перескакивает с одного предмета на другой, поэтому более удачным и оправданным оказалось слово «поток». Если постараться объяснить эту метафору, наши мысли стремительно бегут в каком-то направлении, «перепрыгивая» с одного предмета на другой. Хрестоматийным примером потока сознания в русской литературе стал монолог Анны Карениной в финале одноимённого романа. Но у Л. Н. Толстого этот приём — скорее случайная находка, один из путей поиска формы. В творчестве же Вирджинии Вулф приём этот разрабатывался широко и, на наш взгляд, всесторонне.

У. Джеймс разработал теорию о потоке сознания. Вот её основные положения: «1) каждое состояние сознания стремится быть частью личного сознания; 2) в границах личного сознания его состояния изменчивы; 3) всякое личное сознание представляет непрерывную последовательность ощущений; 4) одни объекты оно воспринимает охотно, другие отвергает и, вообще, все время делает между ними выбор» [6]. Джеймс проводит четкую грань между разными личными сознаниями, указывая, что процесс мысли, восприятия всегда различен у всех людей, и никогда в природе не может быть одного и того же потока сознания, что «мысли каждого личного сознания обособлены от мыслей другого» [6].

Вирджиния Вулф постоянно показывает разницу восприятия различных субъектов, их разные эмоции и ассоциации. Также писательница реализует идею о не-

повторимости «раз минувшего сознания», указывая на постоянные, непрерывные перемены в мыслях героев. Ведь «... наша чувственная восприимчивость постоянно изменяется, так что один и тот же предмет редко вызывает у нас прежнее ощущение. Чувствительность наша изменяется в зависимости от того, бодрствуем мы или нас клонит ко сну, сыты мы или голодны, утомлены или нет; она различна днем и ночью, зимой и летом, в детстве, зрелом возрасте и в старости». Следовательно, «каждая отдельная мысль о каком-нибудь предмете... есть уникальная». Эти уникальные мысли, не несущие в себе морализаторства, и становятся главным предметом в изображении героев В. Вулф; так же, как и художники-импрессионисты на полотнах запечатлевали неповторимый более никогда момент, секунду в состоянии природы или человека, неповторимую игру свето-воздушной среды, писательница на страницах «стенографирует», фиксирует хрупкость, текучесть человеческой жизни как она есть.

Следуя третьему принципу непрерывности сознания, Вулф создает потоки сознаний своих героев. Они бесконечны, они имеют лишь случайное начало и случайный конец, которые не обусловлены требованиями сюжета. Например, поток сознания миссис Рэмзи (роман «На маяк») в 5й главе — он просто показан, как бы случайно подслушан и записан писателем-скриптером, прерывается он лишь другими потоками сознания, теряясь в них. «Она подняла глаза, — и что за бес вселился в него, в ее младшенького, ее детеныша? — увидела гостиную, увидела кресла, — жуткое зрелище. Их потроха валяются по всему полу; верно Эндрю на днях выразился; ну, а какой смысл, спрашивала она себя, покупать хорошие кресла, чтоб они тут гнили зимой, когда дом бросают на попечение местной старухе и он буквально насквозь промокает? Ничего: зато он снимается за бесценно; дети его обожают; и мужу полезно очутиться за тридевять земель, а точнее, за триста миль от библиотек, от учеников и от лекций; и для гостей есть место. Коврики, складные кровати, страшные призраки столов и кресел, получивших отставку в Лондоне — здесь получали права; ну, кой-какие фотографии и, разумеется, книги. Книжки, она подумала, размножаются почкованьем. И никогда у нее не хватает на них времени. Ох. Даже уж книги, поднесенные ей, надписанные собственноручно поэтом: «Той, чья участь повелевать»... «Более удачливой Елене наших дней»... стыдно сказать, она ведь их не открыла. И Крума «О разуме», и Бэйтса «Обычаи дикарей Полинезии» (Стой тихо, детка! — сказала она) тоже ведь не пошлешь на маяк. Рано или поздно, подумала она, дом захиреет до такой степени, что придется на что-то решиться. Хоть бы они ноги научились вытирать и не затаскивали в комнаты весь пляж — и то бы уж дело. Ну, крабов не запретишь, раз Эндрю действительно нужно их препарировать, и если Джеспер считает, что из водорослей получается суп, — тут тоже никуда не денешься; у Розы — свое: тростники, камни, ракушки; они все у нее одаренные, каждый по-своему. А в результате, вздохнула она, окидывая гостиную с пола до потолка

и прикладывая чулок к ноге Джеймса, — дом с каждым летом ужасней...» [7, с.46—48]. Дальше дается поток сознания мистера Бэнкса, но мысли миссис Рэмзи явно продолжают течь в собственном направлении, они не прерываются, она не приходит в каком-то выводу или решению, а лишь просто думает о каких-то интересных для нее вещах. «Таким образом, сознание всегда является для себя чем-то цельным, не раздробленным на части... В сознании нет связей, оно течет непрерывно» [6]. Вирджиния Вулф передает мысли героев именно как потоки сознания, без связей и звеньев.

Поток сознания всегда проходит с разными скоростями течения в отдельных частях. «В равномерно вращающемся калейдоскопе фигуры хотя и принимают постоянно все новую и новую группировку, но между двумя группировками бывают мгновения, когда перемещение частиц происходит очень медленно и как бы совершенно прекращается, а затем вдруг, как бы по мановению волшебства, мгновенно образуется новая группировка, и, таким образом, относительно устойчивые формы сменяются другими, которых мы не узнали бы, вновь увидев их. Точно так же и в мозгу распределение нервных процессов выражается то в форме относительно долгих напряжений, то в форме быстро переходящих изменений» [6]. Так и мысли Питера Уолша после встречи с Клариссой (роман «Миссис Деллоуэй») протекают в разных скоростных планах, чем Вулф еще раз подчеркивает жизненность, реальность потока сознания, учитывая все его психологические особенности: «Мой прием не забудь, мой прием не забудь, повторял Питер Уолш [...] Ох уж эти приемы, думал он. Клариссины приемы. Зачем ей эти приемы? — думал он. Не то чтоб он осуждал ее или, скажем, вот этого господина во фраке с гвоздикой в петлице, вышагивающего навстречу. Нет, только один-единственный человек на свете так влюблен. А вот и этот счастливчик собственной персоной, вот он вам — в зеркальной витрине автомобильного магазина на Виктория-стрит. За плечами — целая Индия; долины, горы; эпидемии холеры; округ вдвое больше Ирландии; и все надо было решать самому — ему, Питеру Уолшу, который наконец-то, впервые в жизни, влюблен. А Кларисса как будто жестче стала, думал он, и чуть сентиментальна вдобавок, сдавалось ему, пока он разглядывал огромные автомобили, на которых можно выжимать — сколько миль, на скольких галлонах? Он ведь не полный профан в механике; ввел у себя в округе плуг, выписал тачки из Англии, только кули не захотели, а что про все это знает Кларисса?»

У. Джеймс ввел понятие «психических обертонов» (субъективные отношения, сопровождающие в виде деталей конкретный образ), сравнивая их с обертонами в музыке: «... мы наблюдаем нечто совершенно аналогичное обертонам в музыке: отдельно они не различаются ухом, но, смешиваясь с основной нотой, модифицируют ее; таким же точно образом зарождающиеся и ослабевающие нервные процессы в каждый момент примешиваются к процессам, достигшим высшей точки, и тем ви-

доизменяют конечный результат последних». Все герои Вирджинии Вулф воспринимают объекты, действия, поступки сквозь призму психических обертонов. Точно так Джейкоб («Комната Джейкоба»), наблюдая за студенческим балом, думает о берегах Турции, о восточных женщинах, «которые, стоя босыми ногами в воде, бьют мокрым бельем о камни». Это сравнение к нему приходит потому, что недавно Джейкоб читал о Турции. И мысль о самом бале «обтекает» обертонами, характерными только личному сознанию Джейкоба.

Из положения о психических обертонах, всегда различных для всех людей, вытекает и идея о выборочности нашего внимания. «... из всех [...] ощущений внимание наше избирает лишь некоторые наиболее интересные, оставляя в стороне остальные. Мы замечаем лишь те ощущения, которые служат знаками объектов, достойных нашего внимания, в практическом или эстетическом отношении» [6]. Здесь слово «ощущение» Джеймс применил в более широком смысле, как информация, воспринимаемая нами из внешнего мира. После спектакля герои романа «Между актов» обсуждают каждый свое — кому что запомнилось больше. Например, миссис Линн Джонс не думала об идее спектакля, а лишь следила за костюмами актеров; кто-то переживал, что не были показаны вооруженные силы, с полным равнодушием относясь к костюмам; кто-то разбирал сколько ушло денег, что можно было сделать на выделенные средства, а что нет, расточительно ли вышло и пр. «Наш ум делает выбор в известном направлении и решает, какие именно ощущения считать более реальными и существенными» [6].

Все эти особенности потока сознания, сформулированные и обоснованные У. Джеймсом и реализованные в литературе Вирджинией Вулф, способствуют созданию иллюзии реальности. И так как полотно романа шьется из отдельных потоков сознания в потоке событий разных героев, то и мир мы видим лишь глазами героев. Писательница стремится «по возможности до конца проникнуться мироощущением героев, взглянуть на все их глазами, избегая давать свои оценки и какие бы то ни было выводы» [4, с.295]. «Вдруг миссис Коутс задрала голову. Вой аэроплана зловеще ввинчивался в уши. Вот аэроплан взмыл над деревьями, и он оставлял позади белый дым, и дым этот вился, клубился, он, ей-богу, что-то писал! Выводил по небу буквы! Все задрали головы. Вот аэроплан упал вниз, взмыл ввысь, он делал петли, он парил, он взмывал, он падал и все время, все время, все время сзади плоеное кружево дыма свивалось, сплеталось, выводило по небу буквы. Но какие же буквы? «Б», что ли?.. А потом «Р»? Всего на секунду они застывали и сразу расплывались, и таяли, и стирались с неба, и аэроплан летел себе дальше и на новом небесном куске уже снова чертил «Б»... и «Р» и «Ю»...

— Крем, — произнесла миссис Коутс благоговейным, пресекающим голосом, устремив глаза вверх, а малыш у нее на руках, белый и тихий, тоже устремлял глаза вверх. <...> Вдоль всего Мэлла люди стояли и смотрели

в небо. Они смотрели, а весь мир словно замер, и небо перечеркнул лет спугнутых чаек, сперва одна предводительствовала, потом другая, и по этой немислимой тишине, по бледности и чистоте одиннадцать раз ударили колокола, и звон таял, не долетая до чаек» [3, с.184–186]. Автор знает то же, что знают персонажи, стоящие в толпе, — что есть аэроплан, вычерчивающий что-то в небе; но даже не дается намек на то, что автор текста больше осведомлен, чем его герои. В связи с импрессионистским безоценочным подходом к передаче действительности появляется категория имперсональности (безличности). Автор максимально устраняется из романа, оставляя лишь ощущение жизни, так как «роман — это впечатление, а не доказательство», как говорил классик английской литературы XIX века Томас Гарди. Точка зрения всеведующего и невидимого автора в импрессионистических романах отсутствует, как и отсутствовала на полотнах художников — последние не давали какой-либо трактовки сюжета, не вкладывали в изображаемое некоего символического смысла.

Когда мы читаем такой модернистический роман, мы как бы оказываемся в комнате, где вокруг нас летают разные мысли, и мы слышим то одну, то другую. Такие перебивы потоков еще имеют и функциональный аспект: появляется ощущение бесконечности, невозможности их заверения, что так важно для концепции *moments of being*. Казалось, самое простое для писательницы в таком случае — передавать роман в диалогах. Но и тут Вулф показывает свое тонкое чувство импрессионизма, не позволяя роману стать бытовым. «Настоящему импрессионисту и в голову не придет начать пересказывать в романе [...] длинный монолог одного из персонажей, поскольку в этом случае читатель моментально потеряет доверие к такому рассказчику. Он невольно подумает: «ага, парень явно привирает. Невозможно запомнить слово в слово такую длинную речь». Поэтому импрессионисту следует создать впечатление такого длинного монолога» [5, с.104], писал Форд. У Вулф часто присутствует необычная форма диалогов, которые вклиниваются в поток сознания: «Почему-то Роза придавала такую важность этому выбору украшений для матери. Почему? — гадала миссис Рэмзи, стоя тихо, пока Роза застегивала избранное колье, и откапывая в собственном прошлом глубокое, тайное, бессловесное чувство, какое испытываешь к матери в Розином возрасте. Как все обращенные на тебя чувства, думала миссис Рэмзи, вызывает и это тоску. До чего же мало даешь взамен; до чего же мало соответствует отношение Розы всему тому, что она в действительности собою являет. И Роза вырастет; и Роза, она думала, со своими глубокими чувствами, будет страдать, и она сказала, что готова, надо идти, и Джеспер, раз он джентльмен, пусть благоволит предложить ей руку, а Роза, дама, пусть несет носовой платок (она дала ей платок) и — что еще? Ах да, вдруг будет холодно: шаль. «Выбери для меня шаль», — сказала она, чтобы доставить удовольствие обреченной страданиям Розе. «Ну вот, —

сказала она, останавливаясь у окна на площадке, — они тут как тут» ...» [7, с.100–101].

Таким образом, мы видим, что поток сознания — это один из важнейших принципов построения текста для модернистов. Поставив цель создать иллюзию реальности, заставить читателя поверить в жизненность происходящего, погрузить его в атмосферу окружающего, Вирджиния Вулф строила свои произведения из потоков сознаний и событий, передавала мир и людей глазами

героев, опускала навязчивые авторские суждения, позволяя, наоборот, судить читателю самому исходя из того, что он знает. Все это служило для погружения читателя в атмосферу происходящего, в состояния героев; эта идея восходит к импрессионистам-живописцам, передающим также атмосферу, ощущения, эмоции на своих полотнах, видевших идею искусства в фиксации мимолетности окружения, способном воссоздать более неповторимый миг.

Литература:

1. Андреев, Л. Г. Импрессионизм, М., 1980
2. Ковалева, Т. В., Леонова Е. А., Кириллова Т. Д. История зарубежной литературы конца XIX — начала XX века, Минск, 1997
3. Вирджиния Вулф. Миссис Деллоуэй. На маяк. Орландо. Волны. Флаш. Рассказы. Эссе, М., 2004.
4. Михальская, Н. П. Пути развития английского романа 1920–1930х гг., М., 1968
5. Бушманова, Н. И. Проблема интертекста в литературе английского модернизма, М., 1996
6. <http://www.psychology-online.net/articles/doc-30.html>
7. Вулф, В. На маяк. СПб., 2004

Выражение концепта «народ» во французском языке

Будков Сергей Вадимович, студент;

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: концепт «народ», лексическая группа, семантическое поле, синхрония и диахрония, этимон.

На современном этапе развития французского языка лексическая группа, выражающая концепт «народ» состоит из 50 единиц. Ядро группы составляют следующие 11 лексем: *peuple* (m), *foule* (f), *troupe* (f), *nation* (f), *population* (f), *gens* (m, f pl), *tribu* (f), *race* (f), *société* (f), *public* (f), *plèbe* (f). Ядерную часть составляют лексические единицы, для которых значение ‘народ’ является основным.

Лексические единицы, которые составляют семантическое поле понятия «народ» во французском языке, взяты из электронного словаря синонимов [5]. Все синонимы были объединены в группы согласно следующим признакам:

1. наличие территории у данного народа. Данный признак означает прикрепленность народа к определенной территории и вытекающие из этого особенности. Так, например, народы живущие на разных территориях, но говорящие на одном языке, имеют свой выговор, иногда традиции, обусловленные нахождением на данной территории.

2. наличие веры:

а) наличие веры — отсутствие веры. Люди, имеющие веру исповедуют определенные ценности и следуют определенным нормам. Не имеющие же веры считаются неверными (таким образом, исключаются из народа).

б) наличие разных вер. Данный признак также влияет на формирование понятия у разных народов, т.к. вера является одним из важнейших элементов, влияющих на сознание человека, на его восприятие, мироощущение.

3. наличие определенных генетических признаков

4. наличие трудовой деятельности. Так народ может быть связан по виду деятельности. А, как известно, труд является основным элементом в развитии человека.

5. социальный признак, т.е. принадлежность индивида к тому или иному социальному классу.

6. количественный признак. Как известно, ценности одного человека могут не совпадать с ценностями группы, общества, но под влияние этого же общества часто складывается коллективное мышление [3, с. 85].

Наиболее обширно представленной является группа лексических единиц отражающих количественный признак исследуемого понятия.

Доминантой лексической группы понятия «народ» является существительное *peuple* (m). Оно является одним из первых собственно французских слов. В письменных источниках было впервые зафиксировано около 842 г.

В старофранцузский период оно было отмечено в форме *poblo* (*Serments de Strasbourg*), в значении близком к со-

временному существительному этнос (люди, живущие вместе и связанные единством происхождения, обычаями, традициями и общественным устройством) [6, с. 237].

Существительное *peuple* (m) восходит к латинскому *populus*, ī m, которое имеет следующие значения: «1. народ, народность, например: *populus Romanus* — римский народ; 2. гражданское общество, демократическое государство, например: *ad retinendam populi fidem* — для поддержания государственного кредита; 3. в Риме (до С. Туллия) патриции, знать (*populus plebesque Romana*); впоследствии весь народ (*senatus Romanus*), например, *aliquis ex (de) populo* — первый встречный, любой (человек); 4. простой народ, плебс, например: *unus e populo* — один из многих; 5. мн. ч. народная масса, толпа; 6. население, например: *populus urbanus* — городское население; 7. улица, например: *populum spectare* — быть обращенным в сторону улицы (о наружной стороне входной двери); 8. общественная наука; 9. множество, рой, масса; 10. область местность» [2, с. 1237].

Изначально латинское существительное противопоставлялось одновременно простонародью (*plebs*) и сенату (*senatus*), однако в императорскую эпоху (когда значение старого социального строя утратилось) данное существительное стало употребляться для обозначения плебса (черни).

Французское существительное унаследовало основные значения латинского этимона ('народ, народность'; 'гражданское общество'; 'простой народ'; 'толпа'; 'население'), тогда как некоторые значения не были унаследованы. Так значение 'патриции, знать' латинского существительного не перешли во французский язык, т.к. данное значение было актуально в истории Рима, тогда как для Франции данное значение не представляло значимости (во Франции не существовало патрициев). Такие значения латинского существительного, как: 'улица', 'общественная казна', 'область, местность', также не представляли интереса для французов, т.к. существовали слова, употреблявшиеся в данных значениях (*rue, trésor, pays*).

Существительное *peuple* являлось центром ядра понятия «народ» на протяжении всей истории французского языка. В старофранцузский период (IX–XIII вв.) данное существительное наиболее полно выражает понятие «народ», т.к. границы поля значений данного существительного не были четко очерчены (пересекалось иногда с существительными *nation* (f) (нация, народ), *pays* (m) (жители страны), *population* (f) (население), *ethnie* (f) (этнос)), таким образом, такая размытость границ, а вместе с тем всеохватываемость, делает существительное *peuple* доминантой лексической группы, обслуживающей понятие «народ». В среднефранцузский (XIV–XV вв.), новофранцузский (XVI–XVIII вв.) и современный периоды (XIX в. — по наши дни) развития французского языка положение существительного *peuple* не изменилось, оно осталось доминантой лексической группы. Происходили лишь уточнения в семантике данного существительного.

По поводу становления понятия «народ» во французском языке следует отметить, что существует ряд исследователей, которые семантически отделяли *peuple* от латинского *populus*, и противопоставлял эти два термина. Знаменитому грамматик Вожла казалось, что *peuple* значит то же, что латинское *plēbs*, а не *populus*. *Plēbs* же, по его мысли, понятие противоположное *populus*, ибо, в то время как первое имело отрицательное значение ('плебс, народная масса'; 'толпа, рядовой состав'; презр. 'чернь'), второе воспринималось у древних *in bonam partem*. Французское *peuple*, семантически сводившееся к *plēbs*, получило тем самым у Вожла исключительно негативное осмысление.

Слово *peuple* «употребляется иногда для обозначения наименее достойной части населения страны» (*pour la partie la moins considerable d'un mesme pais*). В этом смысле говорят «*le menu peuple, le bas peuple*». В то же время здесь же приводится выражение «*la voix du peuple est la voix de Dieu*» — с пояснением, что «общее мнение основано на истине», но все же положительное значение этого своеобразного *vox media* в издании 1694 г. еще не раскрывается, хотя и указывается, что слово *peuple* приобретает самые разнообразные смысловые оттенки в зависимости от определенного контекста. Здесь же мы находим пояснение: «*En parlant a un Prince de ses sujets, on lui dit, vos peuples, votre peuple*» [8, с. 248].

В издании 1798 г. фраза существенно уточняется: «*En parlant a un Prince de ses sujets, on lui dit, vos peuples, votre peuple, non pour exprimer que le peuple est sa propriété, mais qu'il est l'objet de ses soins*». Приводя это дополнение, послереволюционное издание словаря усиливает тем самым положительное осмысление термина *peuple*. Приводятся примеры о «величии» и «величественности» народов. Наконец, пример: «*ce roi est adoré de ses peuples*», фигурировавший во всех предыдущих изданиях, здесь уже опускается [8, с. 249].

Но уже первое издание академического словаря определяет *peuple* как «множество людей одной и той же страны, пребывающих под одними законами». Таким образом, *peuple* трактуется либо как 'совокупность людей той или иной страны', либо как 'наименее достойная часть населения' [8, с. 249].

Интересно, что, с точки зрения авторов «Энциклопедии» (Дидро и Д'Аламбера), термин *peuple* «трудно определить» именно потому, что о нем существуют «различные представления в разных местах, в разное время и в зависимости от характера правительств» (*on s'en forme des idées differentes dans les divers lieux, dans les divers temps et selon la nature des gouvernements*) [1, с. 153–154].

Таким образом, после конкретизации понятия *peuple* приведенной в «Энциклопедии», можно сделать вывод, что данное слово в новофранцузский период означает 'множество людей одной и той же страны, пребывающих под одними законами', а также людей, являющихся подлинными тружениками: землевладельцами и рабочими.

Как результат развития семантики существительного в диахронии на современном этапе пространство его значений представляют следующую структуру:

I. 1. Ensemble d'êtres humains vivant en société, habitant un territoire défini et ayant en commun un certain nombre de coutumes, d'institutions («Люди, живущие в сообществе, на одной территории и имеющие общие традиции и институты»). 2. Population («население, жители»).

II. 1. Le peuple, un peuple: corps de la nation, ensembles des personnes soumises aux mêmes lois («народ, люди, живущие по одним законам»). 2. Le peuple: le plus grand nombre (opposé aux classes supérieures, dirigeantes ou aux éléments les plus cultivés de la société) («народ: множество противопоставляемое правящим и образованным людям»). 3. Qui révèle des origines populaires («народный, простой»).

III. 1. Foule, multitude des personnes assemblées («толпа, множество»). 2. Le public («публика»). 3. Un peuple de... («множество; толпа, стая»)[7, с. 213–214].

Таким образом, опираясь на вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Существительное *peuple* — доминанта лексической группы, обслуживающей понятие «народ» во французском языке — является одним из первых собственно французских слов. Данное существительное восходит к латинскому *populus*, *ī m.*

Значения доминанты «изменялись на протяжении развития французского языка, в зависимости от идей времени и характера правительства» [4, с. 234]. На современном этапе развития французского языка семантика существительного *peuple* четко структурирована, т.е. представляет ряд значений актуальных для сознания современного человека, отраженных в определениях понятия «народ» в толковых словарях.

Литература:

1. Будагов, Р. А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. 2-е изд. — М.: Добросвет-2000, 2002. — 176с.
2. Дворецкий, И. Х. Латино-русский словарь. Изд-е 5-е, стереотипное. — М.: Русский язык, 1998.
3. Сенцов, А. Э. Концепт будущего в программах политических партий современной России // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. — 2012. — № 3 (19). — с. 82–92.
4. Сенцов, А. Э. Сопоставительный анализ выражения концепта «обладание» во французской, английской и русской лингвокультурах // Молодой ученый. — 2011. — № 2. Т. 1. — с. 233–235.
5. Dictionnaire de synonymes français. [Электронный ресурс] / Art.peuple. — URL: http://duras.uchicago.edu/cgi-bin/quick_look.new.sh?word=peuple (дата обращения: 24.12.2014).
6. Dubois, J., Mitterand H., Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française. — Paris: Larousse, 2001.
7. Le Robert quotidien. Dictionnaire de la langue française. — Paris: Le Robert, 1996.
8. Rey, A. Dictionnaire historique de la langue française. — Paris, 1992.

Стилистическая роль риторических фигур в сборнике «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева

Говейлер Татьяна Жанновна, студент

Научный руководитель: Лукошкова Т. С., кандидат педагогических наук, доцент

Филиал Тюменского государственного университета в г. Ишиме

Статья посвящена проблеме определения стилистической роли риторических фигур в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева, в ходе которого определяются особенности употребления языковых единиц, в частности риторических фигур, и их стилистическая роль в стихотворениях.

Ключевые слова: риторические фигуры, стихотворения в прозе, выразительность речи, риторическое восклицание, умолчание, повтор, ряды однородных членов, асиндетон, обособленные члены предложения.

С 1878 по 1882 год Тургенев создал цикл небольших произведений (пятьдесят одно), который назвал «*Senilia*» («Старческие»), и передал его редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу. Последний вместо «*Senilia*» озаглавил этот цикл «Стихотворения в прозе» и опубликовал его в № 12 журнала за 1882 год. Позднее в парижском архиве Тургенева было найдено еще 31 сти-

хотворение в прозе, не напечатанное при жизни писателя, так как он сам предназначал их для узкого круга своих знакомых. Сейчас оба цикла (82 стихотворения) печатаются под общим заглавием «Стихотворения в прозе». [1, с.27].

«Стихотворения в прозе» — это сборник оригинальных философских высказываний, жизненных выводов. Это своеобразный итог, черта, точка, которую Тур-

генов ставит в конце всех своих произведений в конце своей жизни. Здесь отразилось всё то, что было «разлито» по всем произведениям писателя. [2, с.103].

Стилистическим особенностям языка тургеневских стихотворений исследователи уделяли недостаточно внимания. Между тем мастерство И. С. Тургенева в создании образов, передаче настроения, психического состояния в полной мере проявились в его стихотворениях. В частности, привлекает внимание обилие риторических фигур в чрезвычайно экспрессивных описаниях природы и в портретных характеристиках героев. В прозаических текстах русского поэта развиваются две главные темы его творчества — это темы ничтожности человека перед величием, вечностью природы и размышлений о неотвратимости смерти.

Сборник «Стихотворения в прозе» открывает стихотворение: «*Как хороши, как свежи были розы...*», данная фраза на протяжении всего текста является ключевой. Использование одновременно комплекса риторических фигур: повтора, асиндетона при однородных сказуемых, умолчания — погружает читателя в философское состояние, желания узнать, что же было дальше? В этой фразе использованы с положительной семантикой лексические единицы: «*хороши*», «*свежи*», «*розы*», но яркий образ этих роз в конце текста утрачивается.

«Красота» роз, передана автором благодаря использованию повтора частицы «как», привносит в интонацию восхищения в начале текста, а в конце — сожаления, потери, грусти при воспоминании.

В первом предложении стихотворения «*Где-то, когда-то, давно-давно тому назад*» автор использует наречия со значением неопределенного места и времени и лексический повтор, «давно-давно» что передает уже в начале произведения ощущение грусти об утраченном. Используя одновременно обстоятельства времени и места, автор интригует читателя узнать о чём далее будет сказано, что было давно в каком-то далёком времени и даже, может быть, в другой жизни.

И действительно лирическому герою холодно, он зябнет, ему темно и одиноко в этот вечер: «*Теперь зима...* Умолчание позволяет передать эмоциональное состояние героя. *Я сижу, забившись в угол*. Обособленное обстоятельство «*забившись в угол*» усиливает угнетённое состояние одинокого, пожилого человека, который предаётся прекрасным воспоминаниям: «*а в голове звенит, да звенит: Как хороши, как свежи были розы...*».

Использование однородных сказуемых «*как хороши, как свежи*» с повтором частицы «как» передает воспоминания о добрых ощущениях. Воспоминания приятные, неотступные, что передает повтор сказуемого «звенит». Далее идет воспоминание о ситуации общения с любимой девушкой. Для описания внешности возлюбленной автор использует риторическую фигуру синтаксический параллелизм и однородные определения «*раскрытые, вопрошающие губы*», «*не вполне расцветшая, не взволнованная грудь*», которые передают не только восхищение юной красотой девушки, но и их гармоничные взаимоотно-

шения. Этому же служат ряд однородных сказуемых с повтором восклицательной частицы «как» и асиндетон: «*как простодушно вдохновенны глаза, как трогательно-невинны губы, как чист и нежен облик лица*» Восхищение возлюбленной достигает высокой степени: «*но как она мне дорога, как бьется мое сердце!*», «*... как чист и нежен облик юного лица!*», что передано комплексом риторических фигур — риторическим восклицанием, повтором частицы «как», однородными сказуемыми.

Символ света играет важную роль, он передан противительными отношениями: если в юности «*горит свеча*», «*зажигаются звёзды*», то на склоне лет «*свеча меркнет и гаснет*», «*в комнате всё темней и темней*». Противоположны картины реальной жизни и воображаемой жизни, оживлённой в воспоминаниях. В воспоминаниях перед глазами воспроизводится простое человеческое счастье. Перед читателем предстает семейная жизнь: «*Две русые головки, прислонясь друг к дружке, бойко смотрят на меня своими светлыми глазками, алые щеки трепещут сдержанным смехом, руки ласково сплелись, вперевивку звучат молодые, добрые голоса*».

Для описания детей автор использует построение предложений по принципу синтаксического параллелизма, что даёт полное описание внешности детей и их радостное настроение. Использование обособленного обстоятельства «*прислонясь друг к дружке*» в краткой форме передают дружеские взаимоотношения в семье.

Описание природы соответствует душевному состоянию лирических героев. Использование однородных членов предложения, поэтической метафоры: «*летний вечер тихо тает и переходит в ночь*», «*пахнет резедой и липой*» передают умиротворённое состояние. В этой пасторальной картине гармоничны не только образы юных героев, но и природа, на фоне которой они общаются.

Шестикратное употребление строки «*Как хороши, как свежи были розы...*» с использованием умолчания, вызванного наплывом сильных чувств героя, несет особую смысловую нагрузку.

Чаще других риторических фигур автор использует: риторическое восклицание, градацию, синтаксический параллелизм.

Особый стиль стихотворений Тургенева создается за счет различных стилистических фигур: умолчания, повторяющихся частиц, однородных определений, обстоятельств, обособленных членов предложения, умолчания.

На основании проведенного лингвопоэтического анализа мы определили, что образные языковые средства в стихотворениях Тургенева выполняют следующие общие функции: эстетическую, экспрессивную (эмотивную) и аппелятивную (директивную) функции, а также частные функции.

Риторические, стилистические фигуры, искусно примененные в прозе И. С. Тургенева, помогают поэту максимально воздействовать на чувства и эмоции читателя, полнокровно передать жизненные ситуации и душевное состояние главных героев.

Литература:

1. Дементьев, А., Наумов, Е., Плоткин, Л. Русская советская литература [Текст] / А. Дементьев, Е. Наумов, Е. Плоткин. — М.: Просвещение, 1972. — 27 с.
2. Савельева, И.М., Полетаев, А.В. История и интуиция: наследие романтиков [Текст] / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. — М., 2003. — 103.

Развитие духовной словесности в первой половине XIX века

Ипатова Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, преподаватель
Вологодский государственный университет

Духовная словесность в начале XIX века переживает удивительный расцвет. Мощным толчком в ее развитии явилось взаимодействие церковной проповеди со светской литературой.

Рассмотреть развитие духовной словесности можно на примере творчества выдающегося проповедника XIX века — святителя Игнатия (Брянчанинова) (1807–1867), уроженца Вологодской губернии. Тип проповеди святителя Игнатия — аскетический, богословский, рассчитанный не на слушание, а на чтение. В этом смысле интереснее всего оценить жанровое своеобразие его творчества, т.к. именно жанр является важнейшим мерилем сколько-нибудь существенных изменений в любой поэтике.

В гомилетических руководствах первой половины XIX века говорится только о четырех жанрах проповеди, в рамках которых могут создаваться церковные проповеднические тексты. Эти жанры — слово, беседа, поучение и речь. Строгие рекомендации о том, как нужно составлять текст проповеди в соответствии с законами определенного жанра, можно найти в одном из самых ранних руководств — «Руководстве к церковному красноречию» 1804 г. [12, с. 57], а также в рукописном «Опыте наставления в церковном красноречии» А.И. Пушкина 1823 года [11] и в «Чтениях о духовной словесности» Я.К. Амфитеатрова 1846 года [4].

Традиционные жанры проповеди (слово, поучение и беседа) представлены очень широко как в творчестве святителя Игнатия, так и в творчестве других проповедников первой половины XIX века [10]. Однако в проповеднической литературе указанного периода появляются новые тексты, которые нужно типизировать с жанрово-коммуникативной точки зрения.

Новые, нетрадиционные для церковной письменности жанры можно разделить на две большие группы:

1. Жанры, которые появились при взаимодействии со светской словесностью.
2. Жанры, которые развились внутри духовной словесности, так называемые первичные речевые жанры проповеди, такие как объяснение, молитва, учение, чин, посещение, апостол, изложение учения и др. [7, с. 88].

Остановимся более подробно на первой группе. Эти тексты можно отнести к особому подстилю церковно-проповеднического стиля, называемому нами условно «художественно-проповеднический». Этот подстиль представлен главным образом жанром стихотворение в прозе. В письме от 6 января 1865 года святитель Игнатий отметил особый жанровый характер стихотворений в прозе, их отличие от других своих сочинений, назвав их «поэтическими сочинениями» [13: Т. 7, с. 437].

В светской литературе форма этого жанра, как утверждает М.Л. Гаспаров, сложилась в эпоху романтизма, опиралась на библейскую традицию религиозной лирики в прозе [6, с. 1039]. К этой группе относятся различные композиционно-смысловые варианты стихотворений в прозе святителя Игнатия, такие как дума, размышление, песнь, плач. Даже текст, обозначенный проповедником как доказательство, по жанровым признакам представляет собой не что иное как поэтическое сочинение в прозе. «Поэтические сочинения» святителя Игнатия обладают такими признаками лирического стихотворения как небольшой объем, повышенная эмоциональность, общая установка на выражение субъективного впечатления.

Ярко выраженной функцией художественно-проповеднического подстиля, наряду с информативной и прагматической, является эстетическая. Эстетическая функция выражается в характере использования различных средств языка. В тексте «Роса» [13: Т. 1, с. 357], например, они представлены как перифразы (*великолепное светило* (о солнце), *мирная обитель иноков* (о монастыре)), метафора (*горели золотые кресты*), эпитеты (*нежная трава*), *лазуревое небо*), олицетворение (*цветы цвели и благоухали беспечно*), сравнение (*Луг имел вид широко-постланного бархатного ковра...*).

Отличительной чертой «стихотворений» святителя Игнатия является то, что многие из них, например, «Сад во время зимы», «Древо зимою пред окнами келлии», «Дума на берегу моря», «Кладбище», «Размышление при захождении солнца», «Думы затворника», обладают символическим сюжетом.

Символический сюжет становится важнейшим конструктивным признаком жанра проповеднического стихотворения в прозе. Целые тексты святителя Игнатия строятся на основе развертывания смысла одного слова-символа. Приведем несколько примеров того, как раскрытие значения слова-символа *древо* приобретает текстообразующий характер. Более подробно мы рассмотрим текст «Сад во время зимы» [13: Т. 1, с. 177–178]. В этом сочинении святителя Игнатия слово *древо* символизирует два явления: смерть и воскресение. Раскрытие символа начинается с вопросно-ответного единства: «*«Однажды сидел я и глядел пристально в сад... Какое же учение прочитал я в саду? Учение о воскресении мертвых...»*. Далее повествование дважды прерывается условными конструкциями с формами совместного действия мы: «*Если б мы не привыкли видеть оживление природы весной, то оно показалось бы нам вполне чудесным, невероятным...*». Эти высказывания организуют периодическую речь и направляют ее в русло таинственного, необъяснимого. Здесь происходит столкновение духовного разума и здравого смысла.

Для доказательства догмата о воскресении мертвых в этом тексте святитель Игнатий использует несколько стилистических приемов: просиопезу — речь деревьев к человеку («*Гляжу на обнаженные сучья деревьев, и они с убедительностью говорят мне своим таинственным языком: «Мы оживем, покроемся листьями, заблагоухаем, украсимся плодами и цветами»*»), вопросно-ответное единство («*Неужели же не оживут сухие кости человеческия во время весны своей? Оне оживут...*»), сравнительные периоды. Сравнительные периоды святитель Игнатий строит на основе аллюзивирования евангельских отрывков. Так, первая часть сравнительного периода: «*Как древа, не выдержавшие лютости мороза, утратившие сок жизненный, при наступлении весны посекаются, выносятся из сада для топлива*», — является аллюзией евангельского: «*Всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огонь вметаемо*» (Евангелие от Матфея 3: 10)). Говоря о *лютости мороза*, периодичной смене времен года, Святитель Игнатий не просто создает аллюзию на евангельские слова, а переосмысливает их, наполняет их новыми смыслами для того, чтобы сделать понятнее человеку с Русского Севера. Идея о природе в контексте божественной педагогики находила отражение в прямых гомилетических рекомендациях XIX в.: «*Природа со своими явлениями и чудесами может и должна составлять особый класс предметов, годных для церковного собеседования*» [4: Т. 1, с. 91]. Вторая часть сравнительного периода: «*Так и грешники, утратившие жизнь свою — Бога, будут собраны в последний день этого века, в начале будущего вечного дня, и ввергнуты в огонь неугасающий*», — является точным пересказом отрывка Евангелия от Матфея (Мф. 13: 41–42). Общий вывод к сравнительному периоду и к тексту в целом: «*И ежегодно повторяет природа учение о воскре-*

сени мертвых, живописуя его прообразовательным, таинственным действием», — позволяет увидеть характерную для символа связь агента и референта. Иначе говоря, слово-символ *древо* показывает глубинную связь явлений видимой природы и христианских таинств.

Раскрытие догмата о воскресении мертвых повторяется в стихотворении в прозе «Кладбище» [13: Т. 1, с. 184]. Слово *древо* употребляется здесь как символ кратковременности, тщетности земной жизни. Способ раскрытия символа аналогичен: указывается на реальный характер агента в повествовательном блоке, дается видимый образ природы — агент символа: «*Там — величественное кладбище, осеняемое вековыми древами*». Далее святитель Игнатий использует риторическое обращение и сравнение: «*Земля, земля! сменяются на поверхности твоей поколения человеческие, как на деревьях листья*», описывает жизнь части древа, листвы, в форме одностороннего параллелизма: «*Мило зеленеют, утешительно, невинно шумят эти листочки... Придет на них осень...*». Синкретизм жизни части древа и человеческой жизни кульминирует в конечном вопросно-ответном единстве: «*Что наша жизнь? Почти то же, что жизнь листка на древе!*». Образ древа распадается на отдельные символические элементы, превращается в текст, который должен быть прочитан в свете христианского учения.

В поэтическом сочинении «Древо зимою пред окнами келлии» [13: Т. 1, с. 179–180] слово *древо* является символом души человека: «*Обнаженное древо служило для меня утешением: оно утешало меня надеждою обновления души моей*». Надежда обновления души выражается в молитве — содержательном ядре текста. Молитва построена на основе парафраза 141 и 142 псалмов, именно в ней раскрывается тайный смысл символа.

Использование символического сюжета, наполнение текстов образными средствами языка служит одной важной цели текстов церковно-проповеднического стиля: раскрытию христианских догматов. Святитель Игнатий понимает, что недостаточно использовать многообразие выразительных средств языка, образный, выразительный язык не может в полной мере отвечать требованиям к текстам церковно-проповеднического стиля. Творения святителя Игнатия отражают мистический опыт проповедника, а «любое религиозное и тем паче мистическое сознание самой своей сутью принуждено создавать для себя систему сакральных знаков и символов, без которых оно не могло бы описывать свое «неизречаемое» содержание» [2, с. 129, см. также: 9, с. 321–337, с. 463–528].

В использовании образов видимой природы святитель Игнатий следует святоотеческим традициям. В трудах святых Григория Богослова, Кассиана, Нила Сорского, Исаака Сирского созерцание Бога в природе понималось как предварительная ступень богопознания, не теряющая своего значения и на высших ступенях. В явлениях видимой природы святые видели «знаки и символы, показуемые в отдельном вдохновении» [15, с. 192]. Подобные символы были широко представлены в ранневизантийской

литературе, которая является одним из источников церковно-проповеднического стиля русского языка. Символика воскресения была широко представлена в печатных изданиях середины XIX века (См., например, о символике воскресения в анонимной «Беседе на кладбище весной» [5, с. 108–110]). Во многих местах проповеди святителя Игнатия перекликаются с текстами архимандрита Иннокентия (Борисова) и святителя Феофана Затворника.

Таким образом, зрительный образ является опорной точкой «поэтических сочинений» святителя Игнатия. Из этого образа видимой природы развивается повествование проповеди-видения, и переходы от одной части к другой — переходы образные. Из видения вырастает развернутая аллегорическая картина. Образ-символ святителя Игнатия является субъектом смыслового движения текста. Вслед за развитием образа развивается тема проповеди. Целью «поэтических сочинений» является объяснить вечное через временное, общее через частное, «непостижимое и необъяснимое» через видимое и объяснимое, что обуславливает наличие особой композиционной схемы жанра.

Анализ творчества святителя Игнатия позволяет сделать вывод о трансформации жанровых форм в духовной словесности первой половины XIX века. Форма проповеднического жанра в это время уступает место ведущей категории поэтики — автору [1, с. 33]. Святитель Игнатий далеко не всегда пишет, опираясь на жанровый канон (то, что характеризует традиционную поэтику), его больше интересует само произведение, в котором отчетливо проступает образ автора.

Несмотря на консерватизм и устойчивость церковно-проповеднического стиля, в реализации святителя Игнатия традиционные жанры утратили «каноническую нарративную схему» [3, с. 74]. В творчестве этого святителя отразился тот поворотный момент, когда канонические жанры духовной словесности, «структуры которых восходят к определенным «вечным» образцам» [14, с. 263], сменились жанрами неканоническими, невос-

производимыми, каковы стихотворения в прозе. Эти два вида сосуществуют в духовной литературе первой половины XIX века. Широкое использование святителем Игнатием неканонических жанровых форм подчеркивает то, что для русской духовной словесности первой половины XIX века характерна незавершенность жанровых форм. «Завершенная форма — свидетельство исчерпанности жизненных сил, а в пределах земного, природного круга — это неправда» [8, с. 171].

Романтизм как ведущее литературное направление первой половины XIX века очень ясно выразился в проповеди святителя Игнатия. Именно в период романтизма завершилось стирание границ отдельных жанров в светской литературе. В этом смысле творчество святителя Игнатия прямо коррелировало с культурным контекстом его времени. Из абстрактно классифицирующего принципа жанр проповеди в творчестве святителя Игнатия превратился в меру целостности отдельного произведения, особенно это проявилось в специфике его поэтических сочинений.

В прошлом году мы отмечали столетие со дня рождения величайшего русского поэта первой половины XIX века М. Ю. Лермонтова. Как ни странно, но творчество поэта бунтаря и творчество смиренного инока во многом пересекаются не только с точки зрения раскрытия некоторых тем, например темы притяжения или непритяжения существующего мироустройства, тщетности настоящей земной жизни и разочарования во многих ее формах, но и в особенностях художественного раскрытия своих идей. Что касается жанров, то известно, что Михаил Юрьевич создает принципиально новую жанровую форму романа, для того чтобы описать «историю души человеческой». Святитель Игнатий также создает новые жанровые формы церковной проповеди, но не для того только, чтобы более доступно и ярко описать своим современникам природу души человека и основные христианские догматы, но и для того, чтобы ввести духовную словесность в литературно-художественную парадигму эпохи, предотвратить ее изгнание и забвение.

Литература:

1. Аверинцев, С. С. Жанр как абстракция и жанр как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М., 1996.
2. Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М., 1997.
3. Аверьянова, Е. В. Семиотическое прочтение Жития Никиты-затворника // Филологические науки. — 1999. — № 6. — с. 73–78.
4. Амфитеатров, Я. К. Чтения о церковной словесности или гомилетика: В 2 ч. — Киев, 1846.
5. Воскресное чтение Ч. 3. 1839–1840. № 11.
6. Гаспаров, М. Л. Стихотворения в прозе // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2001. — с. 1039.
7. Ипатова, С. Н. Святитель Игнатий как проповедник. Вологда, 2007.
8. Лебедев, Ю. Русская классическая литература и православие: в контексте «Писем о подвижнической жизни» святителя Игнатия (Брянчанинова) // Духовный собеседник. — Самара, 2000. — № 2. — с. 166–173.
9. Лосев, А. Ф. Философия имени. — М., 1927.
10. Поторжинский, М. А. Русская гомилетическая хрестоматия с краткими биографиями русских пастырей-проповедников и характеристиками их проповедничества (XVII–XIX вв.). — Киев, 1887.

11. Пушкин, А.И. Опыт наставления в церковном красноречии. — Киев, 1823.
12. Руководство к церковному красноречию (с примерами из Священного Писания, святых отец и славнейших ораторов христианских). Печатано при Священном Синоде. — 1804.
13. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Творения: В 7-ми т. — М., 1993.
14. Тмарченко, Н.Д. Жанр // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2001. — с. 263–265.
15. Флоровский, Г., прот. Византийские Отцы V–VIII веков. Из чтений в Православном богословском институте в Париже. — Париж, 1933.

К вопросу об анализе политического дискурса в партийных программах

Леонов Денис Константинович, студент;
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: политическая лингвистика, политическая коммуникация, политический дискурс, дискурс-анализ, программа политической партии.

Перспективные научные направления в современной науке часто появляются на стыке разных областей знаний. Политическую лингвистику можно отнести к подобным направлениям. Данная отрасль лингвистики появилась на пересечении лингвистики и политологии, которые являются двумя самостоятельными науками, и учитывает также достижения других гуманитарных наук. Возрастающий интерес общества к механизмам и условиям политической коммуникации обуславливает возникновение этого нового научного направления.

Политическая лингвистика пересекается и с прочими дисциплинами лингвистического цикла. Она связана с социолингвистикой, которая рассматривает вопросы взаимодействия общества и языка, с лингвистикой текста, когнитивной и коммуникативной лингвистикой. В своем учебном пособии «Политическая лингвистика» А.П. Чудинов указывает, что «для современной политической лингвистики в полной мере характерны ведущие черты современного языкознания: антропоцентризм (языковая личность становится точкой отсчета при изучении языковых явлений), мультидисциплинарность (использование методологий разных наук), функционализм (изучение языка в функционировании, в действии), экспланаторность (стремление не просто описать языковые факты, но и дать им объяснение) и экспансионизм (расширение области исследования лингвистики, включение в нее ряда смежных проблем)» [15, с. 6]. А.П. Чудинов выделяет ряд типовых свойств политической коммуникации: противоречивость тенденций, «выражающих сущность объекта: ритуальность и информативность; институциональность и личностный характер; «эзотеричность и общедоступность»; «редукционизм и полнота информации в политическом тексте»; стандартность и экспрессивность; «диалогичность и монологичность политического текста»; «явная и скрытая оценочность»; агрессивность и толерантность» [15, с. 52–52].

Основным понятием в политической лингвистике является политический дискурс. Ряд ученых понимают его в широком смысле, например «политический дискурс — это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [1, с. 6]. Политический дискурс может быть понят как «сумма речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте — контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений)» [5, с. 22]. Есть точка зрения, что это «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [15, с. 23]. Такой подход предполагает исследование политического дискурса через анализ всех соответствующих семиотических систем.

Далее Е.И. Шейгал отмечает, что политический дискурс зачастую служит средством захвата или удержания власти, борьбы за нее конфликтующих сил. Следовательно, его основные функции являются аспектами проявления этой его особенности. Первая акциональная функция обуславливается тем, что по существу политическая деятельность является деятельностью вербальной. Для реализации этой функции не нужны какие-либо специфические средства, ведь она осуществляется «всей массой» политического дискурса. Вторая функция — контроль над установками и поведением электората — реализуется вследствие реализации определенных речевых стратегий, тактик и действий. Рассмотренные функции носят наиболее общий характер. Осуществление других функций политического дискурса (агональность / гармонизация, интерпретация / ориентация и интеграция / дифференциация) связано с использованием специфических знаковых средств, составляющих его семиотическую базу. Таким образом,

на функциональном уровне содержание политической коммуникации сводится «к трем составляющим: формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противником (агональность). В семиотическом же пространстве политического дискурса выделяются знаки ориентации, интеграции и агональности [15, с. 151–152].

Следует отметить, что «политический дискурс (в узком смысле) — это дискурс политиков, образованный партийными программами, дебатами в парламенте, правительственными обсуждениями и речами политиков. Он не выходит за пределы сферы политики» [4, с. 128]. Политический дискурс следует понимать широко, включая в него процесс и результат порождения и восприятия политических текстов, «экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие» [8, с. 46].

Кроме того, политический дискурс выделяет присущая ему функция убеждения. По мнению П. Б. Паршина, «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [9, с. 403]. Стоит подчеркнуть, что политический дискурс «находится как бы между двумя полюсами — функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией» [3, с. 24].

Российский исследователь М. В. Ильин «главным предметом политического дискурса-анализа считает политику как явление семиотическое, как осмысленное взаимодействие ради достижения цели. В этом случае политика становится коммуникацией, общением, и, своего рода, «языком», который, однако не совпадает с естественным человеческим языком» [6, с. 11]. Здесь можно говорить «об одном из основных понятий современной политической лингвистики — «языковой картине политического мира» (точнее «лингвоментальной картине политического мира»), которая трактуется как целостная совокупность образов действительности, существующая в сознании (как индивидуальном, так и коллективном) и находит отражение в коммуникативной деятельности. Данная языковая картина является сложным объединением единиц ментального порядка (концептов, понятий, сценариев, метафорических моделей и др.), которые относятся к сфере политического дискурса» [15, с. 42–43].

В данном исследовании проводится анализ программ политических партий. В нашей работе мы принимаем, что «партийная программа является самостоятельным типом текста, функционирующим в рамках политического дискурса. Как центральный документ, обуславливающий деятельность всей партии / ее членов, программа имеет характер основополагающего <...> текста, на основе которого создаются пресс-релизы, публицистически информационные статьи, листовки, тексты пу-

бличных выступлений и др.». [7]. Отметим, что «избиратели обычно воспринимают цели и задачи, декларируемые в партийных программах, как своеобразные обязательства, которые принимают представители того или иного движения, избирательного блока, партии, идущие во властные структуры, либо определенные политические деятели, занимающие государственные должности по итогам выборов» [10, с. 168] СЕНЦОВ.

Программу политической партии в рамках политической коммуникации можно определить «как регулятивный тип текста, для которого характерны следующие текстообразующие признаки: персуазивность, раскрывающаяся в сфокусированном воздействии автора сообщения на адресата с целью убеждения в чем-либо; прагматичность, проявляющаяся в постановке конкретных целей и задач; директивность, проявляющая себя в характерном регулировании поведения адресата, его действий; оценочность, выражающая эмотивный потенциал текста; полисубъектность, подразумевающая комплексную систему взаимодействия субъектов коммуникации» [7].

Заметим, «что связать авторство партийной программы с конкретной личностью не представляется возможным» [11, с. 233]. Мы разделяем точку зрения, что «особенностью ее адресанта является коллективный характер, объединяющий в качестве отправителя сообщения многих политиков, граждан, поддерживающих идеи партии. Фактор адресата в тексте партийной программы складывается из взаимодействия субъектных перспектив потенциального читателя и политического оппонента, представителя конкурирующей партии. Особый характер адресованности в этом типе текста обусловлен тем, что реципиент актуализируется не как равноправный субъект коммуникативной деятельности, но прежде всего как личность, которую необходимо убедить в необходимости совершить определенные действия, сформировать определенное отношение в интересах отправителя сообщения» [7].

П. Серию отмечает, что «не существует высказывания, в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [15, с. 21]. Кроме того, «важно учитывать, что содержание какого-либо сообщения нередко может соотноситься со сферой политики имплицитно» [2]. Стоит отметить, что «исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации» [15, с. 84]. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знаний (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), то есть, исследуя дискурс, мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего.

Литература:

1. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — М.: Знание, 1991. — 64 с.
2. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2006б. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения: 24.02.2015).
3. Водак, Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа» // Язык. Дискурс. Политика: сб. науч. тр. — Волгоград, 1998. — с. 24–34.
4. Гаврилова, М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис. Политические исследования. — 2004б. — № 3. — с. 127–139.
5. Герасименко, Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России. — М., 1998. — Вып. 2. — с. 20–23.
6. Ильин, М. В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. и сост. В. И. Герасимов, М. В. Ильин. — М., 2002. — № 3. — с. 7–19.
7. Логинова, И. Ю. Лингвопрагматические особенности текста программы политической партии [Электронный ресурс]: (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Ю. Логинова. — СПб., 2004. — 23 с. — Электрон. версия печат. публ. — Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».
8. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. — Мн.: Тетрасистемс, 2004. — 256 с.
9. Паршин, П. Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. Ежегодник 1986. — М., 1987. — с. 398–425.
10. Сенцов, А. Э. Концепт будущего в программах правящих политических партий: сопоставительный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 6 (20). Ч. I. — с. 167–169.
11. Сенцов, А. Э. Сопоставительный анализ выражения концепта «обладание» во французской, английской и русской лингвокультурах // Молодой ученый. — 2011. — № 2. Т. 1. — с. 233–235.
12. Серио, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла. — М., 2002. — с. 337–383.
13. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 3-е изд., испр. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 256 с.
14. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М.; Волгоград: Перемена, 2000. — 367 с.
15. Yule, G. Pragmatics / G. Yule. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 152 p.

Концепт «Дом» в русской и китайской языковых картинах мира

Матназаров Тимур Уткирович, студент;

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой
Томский политехнический университет

Язык и языковая форма являются отражением когнитивной деятельности человека, анализ языковых структур может объяснить устройство ментальности человека. «Картина мира, отраженная в языке, является закрепленным в материальных объектах — языковых знаках, текстовых структурах — результатом интерпретации человеком действительности, следовательно, проведя анализ текстов, порождаемых конкретным человеком, можно судить о способе и направленности его восприятия действительности» [1].

Предметом настоящего исследования является комплекс языковых единиц, **вербализующих** концепт «дом» в русской и китайской языковых картинах мира. Целью

нашей работы было выявление основных параметров концепта «дом» в русской и китайской языковых картинах мира и сравнение их. Для достижения намеченных целей нами были сформулированные рабочие определения, а также проанализированы словарные дефиниции с лексемой «дом», проведён сравнительный анализ производных от слова «дом» и сопоставлены устойчивые выражения русского и китайского языков, относящихся к концепту «дом».

Концепт «дом» является одним из ключевых концептов в русской и китайской культуре. Дом вообще является центром освоения пространства и «по дому можно изучать воззрение народа на мир — как он его пони-

мает» [2, с.38]. Рассмотрение некоторых особенностей концепта ДОМ, который репрезентирован словами дом, жилище, здание, семья, изба, построение и др., позволяет выявить специфику концепта «дом» и приоритетность тех или иных концептуальных признаков в соответствующей сфере употребления.

Сравнительный анализ словарных единиц

В первую очередь, для детального анализа концепта «дом» были проанализированы словарные статьи китай-

ского и русского языков. Для работы были взяты следующие словари русского языка: Толковый словарь Даля (1863–1866 гг.) [3], Толковый словарь Ожегова [4], Толковый словарь русского языка Дмитриева [5], Большой толковый словарь русского языка Кузнецова [6]; Этнолингвистический словарь [7], Словарь русского языка [8]. А также словари китайского языка: Большой китайско-русский словарь [9]; Новый китайско-русский словарь А. В. Котова [10]; Большой китайско-русский словарь З.И. Барановой [11].

В итоге нами были выделены общие значения, присутствующие как русскому, так и китайскому языкам.

家庭所在的地方	jiā tíng suǒ zài de de fāng	Дом-строение для житья
对人称自己的尊长	duì rén chēng zì jǐ de zūn zhǎng	Семья, род, поколение
经营某种行业的人家或有某种身份的人家	jīng yíng mǒu zhǒng xíng yè de rén jiā huò yǒu mǒu zhǒng shēn fèn de rén jiā	Домашнее хозяйство

Как показывает анализ, семантический объём слова «家 — jiā — дом» в китайском языке намного шире, чем в русском. Лексема «家 — jiā — дом» многозначна (回家 (huí jiā) идти домой; 家人 (jiā rén) — члены семьи; обращение к уважаемому человек — 您老人家 (nín lǎo rén jiā) — вы, ваша милость; счетное слово — 两家旅 (liǎng jiā lǚ guǎn) две гостиницы, специалист — zhuān jiā).

Общим семантическим признаком концепта «дом» в русской и китайской культуре является их следующие восприятия: «жилище» и «группы (близких) родственников, живущих вместе». Однако потенциальное число этих «близких родственников» в китайской семье изначально шире. Также отличительными особенностями 家 в китайской языковой картине мира является то, что 家 выступает в роли счётного слова и суффикса, для образования различных специальностей и т.д. В русском языке не существует такого понятия как счётные слова, они применимы лишь для китайского. Примеры:

- 1) 两家饭馆 (liǎng jiā fàn guǎn) два ресторана, две столовые;
- 2) 三家商店 (sān jiā shāng diàn) три магазина; 一家人 (yī jiā rén) — вся семья, единомышленники.

Кроме того, нельзя отрицать тот факт, что общее количество определений слова «дом» в китайском языке больше, чем в русском. Так, основываясь на проанализированных нами словарных статьях, мы выделяем отличительные значения лексем «дом», характерные для одного из языков. Согласно словарным источникам, в русском языке присутствуют 2 значения, которые не встречались ни в одном из китайских словарей. Первое такое значение присутствует в толковом словаре Даля: «дом — домовина, домовище, «гроб»». Следует заметить, что изготовление гроба (домовины), как подobia дома, всегда было важным этапом похоронных приготовлений в Китае, однако лексема «дом» в значении гроба не употребля-

ется. Ещё одно значение не встречающиеся в китайских словарях, это значения слова «дом», как «дом — в детских играх, основанных на преследовании (пятнашки, прятки и т.д.) — место, где по правилам игры нельзя преследовать» [8]. Это отражение русской культуры, обычаев, которые мы переняли ещё у наших древних предков. История игр в прятки уходит своими корнями в далекое прошлое.

Сравнительный анализ производных

Для анализа производных от слова «дом» в русском языке нами были взяты следующие словари: Толковый словарь В.И. Даля (1863–1866 гг.) [3], Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова [12] и Толкового словаря С. И. Ожегова [4].

Анализ данных толковых словарей русского языка позволяет отметить, что наиболее устойчивым семантическим значением концепта «семья» является «группа близких родственников, проживающих вместе», а также «объединение людей, сплоченных общими интересами». Устойчивым является также значение «группа животных», зафиксированное всеми рассмотренными словарями.

Для анализа производных в китайском языке были взяты следующие словари: Большой китайско-русский словарь [9], Современный словарь китайского языка [13]. Производные лексем «家 — jiā — дом» встречаются во всех проанализированных словарях. Количество производных в китайском языке и количество производных в русском языке практически одинаковое.

В частности, нами были найдены и проанализированы 34 производных слова «дом» русского языка и 32 производных, взятых из китайского языка. Практически все просмотренные значения одинаковые, из чего можно

сделать вывод, что слово «дом», существующее на всех этапах развития стран, развивалось примерно одинаково. К примеру, производных, связанных с помещением, зданием, в китайском языке мы не обнаружили, а в русском насчитали 4 (пример: домище, домина); производных связанных с членами семьи: в китайском 10 (пример: 家眷 — jiājuàn — семья, семейство; жена, супруга), однако, в русском подобных определений обнаружено не было.

Сравнительный анализ устойчивых выражений

Концепт «дом» является одним из ключевых концептов в русской и китайской культуре. Дом вообще является центром освоения пространства и «по дому можно изучать воззрение народа на мир — как он его понимает» [2, с. 38]

Для анализа поговорок и пословиц в русском языке были взяты примеры из Большого толкового словаря пословиц, пословиц русского народа [14], [15], [16]. Для сравнения в китайском языке мы обратились к китайским словарям поговорок и фразеологизмов [17], [18], [19].

Сравнив русские и китайские пословицы и поговорки, мы пришли к выводу, что в китайском и русском языках устойчивых выражений с лексемой «дом» очень много. Ассоциации со словом «дом» у русского и китайского народа во многом совпадают, такое сходство можно видеть в следующих выражениях:

1) В гостях хорошо, а дома лучше; 家和万事兴 (jiā hé wàn shì xīng) — в доме лад — десять тысяч дел, 家和万事兴 — jiā hé wàn shì xīng — гармония в семье помогает во всех начинаниях; если дома все хорошо, то и вне дома все

хорошо; 2) хоть худ дом, да крыша крепка; 家徒四壁 — jiā tú sì bì — в доме только четыре голых стены.

В большинстве случаев, дом преподносится как что-то сокровенное, самое родное. Дом, как крепость — самое безопасное место в мире. Однако следует отметить, что поговорки в китайском языке, ассоциируют дом только с благополучием, и они всегда имеют положительное значение. В русском языке некоторые поговорки могут носить и отрицательный характер, например, высмеивать беспорядочность и рассеянность человека. Например, в китайском языке: 家和万事兴 — jiā hé wàn shì xīng — гармония в семье помогает во всех начинаниях: 宜室宜家 yí shì yí jiā — приносить счастье всей семье; дружная семья. В русском языке: Хорошо бы дом, да черт живет в нем. В прилежном доме густо, а в ленивом доме пусто.

Проделав сравнительный анализ концепта «дом» в русской и китайской языковых картинах мира, можно сделать следующие выводы:

Взгляды русского и китайского населения на данный концепт очень похожи. В китайской и русской языковых картинах мира, данная лексема понимается в большинстве своем как: 1) строение для житья; 2) семья, род, поколение; 3) домашнее хозяйство.

Для носителей русского языка наиболее важными представляются такие значения, как: семья, уют, крепость, очаг, тепло, родители, дети. В китайском сознании слово «дом» понимается как: жилье, семья, родные; тепло; покой; крепость, любовь; небоскреб. Главенствующее же место в концепте «дом» и там и там занимает — семья.

Литература:

1. Фразеология в русской языковой картине мира на примере концепта «ДОМ» с позиции носителя китайского языка и культуры. Диссертации по гуманитарным наукам — <http://cheloveknauka.com/frazeologiya-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira-na-primere-kontsept-a-dom-s-pozitsii-nositelya-kitayskogo-yazyka-i-kultury#1#ixzz3T75DKD2V>
2. Гачев, Г. Д. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995, 480 с.
3. Толковый словарь живого великорусского языка, Даль В. И.: В 4 т. — М.: Русский язык, 1978–1980.
4. Толковый словарь русского языка. Ожегов, С. И. — 4-е изд. — М., 2005. — 944 с.
5. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. В. Дмитриева. — М.: Астрель: АСТ, 2003. — 1578 с. — (Серия: Словари Академии Российской).
6. Большой толковый словарь русского языка Кузнецова. <http://www.alleng.ru/d/rusl/rusl56.htm>
7. Славянские древности: Этнолингвистический словарь, т. 1. — М., 1995 с.116
8. Словарь русского языка (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 — «Толковый словарь русского языка», совместно с Н. Ю. Шведовой).
9. Большой китайско-русский словарь <http://bkrs.info/>
10. Новый китайско-русский словарь А. В. Котова — <http://www.livelib.ru/book/1000073531>
11. Большой китайско-русский словарь З. И. Барановой — М.: Русский язык, 1990–566 с. — ISBN 5–200–00657–0
12. Толковый словарь Ушакова <http://ushakovdictionary.ru/>
13. Словарь современного китайского языка, 北京 — Commercial Press, Beijing
14. Пословицы русского народа: сб. Даля В. И. — М.: Рус. кн., 1993. — 545с
15. Пословицы. Поговорки. Загадки. — М.: Современник, 2000. — 512 с.
16. Большой словарь русских пословиц В. М. Мокиенко «ОЛМА Медиа Групп» 2010, с. 1024.

17. 古代汉语词典 — 商务印书馆 (Gǔdài hànyǔ cídiǎn — shāngwù yìn shūguǎn) — Древний китайский словарь, 2005年, 北京. 729.
18. 新华成语词典 (Xīnhuá chéngyǔ cídiǎn) — словарь идиом, 2007. — с.335–337.
19. 新华新词语词典 (Xīnhuá xīn cíyǔ cídiǎn) словарь новых слов, 2003. — с. 155–156.

Типы и функции новообразований Я. П. Полонского

Муминов Владимир Исмаилович, кандидат филологических наук, доцент
Сахалинский государственный университет (г. Южно-Сахалинск)

Муминова Наталья Федоровна, учитель русского языка и литературы высшей квалификации
МБОУ СОШ № 5 (г. Южно-Сахалинск)

Статья посвящена исследованию индивидуально-авторских новообразований Я.П. Полонского, который для их создания привлекает широкий круг мотивирующих слов, различных по происхождению, семантике и стилистической окраске, использует как узуальные, так и окказиональные способы словообразования.

Ключевые слова: индивидуально-авторские новообразования, потенциальные слова, идиолект, идиостиль, словотворчество, функции новообразований.

Y. P. Polonsky's kinds and functions of neoplasms

Muminov Vladimir Ismailovich, Candidate of Philology, docent of Russian language
Sakhalin State University

Muminova Natalia Fedorovna, Teacher of Russian language and literature of the highest category
Secondary school № 5 (Yuzhno-Sakhalinsk)

This article is dedicated to research of Y.P. Polonsky's individual author's neoplasms, who uses a wide range of motivating words for their formation, different in origin, semantics and stylistic coloring. He uses either usual or occasional ways of word building.

Key words: individual author's neoplasms, potential words, formation of words, idiolect, idiostyle, ructions of neoplasms.

Смысл любого художественного произведения мы раскрываем через постижение его языка. Особенно плодотворно обращение к «языковой стихии» тех произведений, в которых слово является не только предметом изображения, но и средством выражения [1, с. 541], реагирования на потребность назвать то или иное понятие, не имеющее в языковой традиции общепринятой и закрепившейся номинации. Являясь частью человеческой культуры, язык находится в непрерывном развитии, изменяется, не только утрачивая отдельные слова, но и пополняясь новыми.

В создании и употреблении индивидуально-авторских новообразований особенно ярко проявляется внимание писателя к деривационным связям в языке, его творческая индивидуальность. Эта группа новообразований заполняет лакуны лексической системы русского языка и расширяет состав авторского идиолекта.

К словотворчеству обращались многие поэты и прозаики, в том числе и Я. П. Полонский (1819–1898), нообразования которого по сути являются потенциаль-

ными словами, то есть словами, «которых фактически нет, но которые могли бы быть ... То, что живет в языке подспудной жизнью... прорывается наружу в подобных явлениях языкового новаторства» [2, с.15].

В процесс словотворчества Я. Полонский вовлекает различную по происхождению, семантике и стилистической окраске лексику: исконно-русскую (**прихотница, бабошка, дворня, личак, косяцата, утешитель, хмельность и др.**):

*Нашелся ли наивный сочинитель
Трех глупых слов, и праведный закон
Достиг ли цели, яко **охранитель**, —
Не знаю, но Игнатий был прощен* [3, с.460]

и заимствованную (**бакальщик, канальски-ловко, тамбур-мажор, грациозно-любезный, пофинтить и др.**):

*С веточки на веточку,
Протянувши нити, невидимку-сетку,
Сделал так **канальски-ловко** и искусно... [3, с.415].*

Среди потенциальных слов в творчестве Я.П. Полонского выделяется прежде всего группа сложных эпитетов: **знойно-каменный, пронзительно-резкий, коварно-злой, прекрасно-гневное, грациозно-любезна, освежительно-отраден, громадно-пышный** и др. Например:

*Божественно-кокетливое тело
Недаром жило сотни две веков,
И хоть оно заметно потемнело
От ревности аскетов, от следов ... [3, с.470];
Прощай! Ты слышишь дня однообразный гул,
И для тебя он скучно-светел;
Но день твой предо мной, как молния, мелькнул,
И в нем тебя я не заметил [3, с.365].*

Для стиля Полонского характерны сложения, один из компонентов которых, как правило, выражает оценку, причем эта оценка может усиливаться и вторым компонентом: **мутно-строгий взор, прекрасно-гневное безбрежье, лихорадочно-знойные очи** и др.

В сложные прилагательные свободно объединяются не только основы качественных прилагательных, но и относительные прилагательные и причастия, у которых развивается качественное значение: **коварно-проскользнувшая улыбка, вечно-шумящий прибор, целебно-жгучий яд, жидовско-римский профиль, безотчетно-грустна она, мелкопоместно-дворянская особа** и др. Например:

*Здесь Берлиоз!... я видел сам
Его жидовско-римский профиль
И думал: что-то скажет нам
Сей музыкальный Мефистофель? [3, с.202];*

Как между водяных растений — рыбка,
Как на устах спокойного лица

*Коварно-проскользнувшая улыбка, —
Но Удино все понял до конца [3, с.202].*

Подобные прилагательные многофункциональны: они служат для выражения авторской оценки или отражения субъективного восприятия персонажа, для смыслового усиления или конкретизации [4, с.94].

Среди других прилагательных-новообразований можно выделить следующие:

а) со значением наличия или отсутствия свойства, качества, признака (**неслышно-мощные, освежительно-отраден, целебно-жгучий, таинственно-немой, шагистый** и др.):

*А мы среди своих попыток и усилий
Склонив перед тобой бесславное чело,
Твердим: когда-нибудь, авось, погибнет зло
От веянья твоих **неслышно-мощных** крылий! [3, с.168];*

*Так, чуть дыша, в объятьях сна
Притворно-сладкого, она
Кипела. Видно, притворяться
Ей не наскучило... [3, с.233];*

б) со значением общей оценки (**строго-девственный, глупо-равнодушный, вечно-странный, прекрасно-гневный, мутно-строгий** и др.):

*Так вот оно — безбрежье вечных вод!
Прекрасно-гневное, оно меня зовет [3, с.172];
Тут гуляка, видно утомившись спором,
Оглядел артиста **мутно-строгим** взором;
Выпил рюмку водки, пискнул, углубился
В созерцанье почвы и — уgomонился [3, с.431];*

в) со значением цвета, света, звука и их оттенков (**изжелта-пепельный, зелено-золотой, светло-гороховый, мутно-голубой, скучно-светел, спокойно-ясный, раздирающе-грустный, неслышно-мощное, вечно-звонкий** и др.):

*И вижу я в окно, как душу холодящий
Отлив **зелено-золотой**,
В туманную лазурь переходящий,
Объемлет неба свод ночной [3, с.334];
Незаметно покато дно этого ущелья с трех
сторон замкнуто... утесами грустного **изжелто-пепельного** цвета [5, с.64];*

*Прощай! Ты слышишь дня однообразный гул,
И для тебя он **скучно-светел**;
Но день твой предо мной, как молния, мелькнул,
И в нем тебя я не заметил [3, с.365];
В честь убитого сердца какой-то
Балагур притчу нам говорил,
Раздирающе-грустную притчу... [3, с.261];*

г) со значением отношения к лицу (**жидовско-римский, братски-отзывные, дьявольски-жалобный** и др.):

*Здесь Берлиоз!... я видел сам
Его **жидовско-римский** профиль... [3, с.202].*

Кроме прилагательных можно отметить и другие группы новообразований:

1) группа отвлеченных существительных, образованных при помощи суффикса — (**н**) **ость** (**блеходарность, хмельность, одряхлость, медляность** и др.):

*Эта «**блеходарность**», вместо «благодарность»,
Пуще огорчила моего героя [3, с.438];*

2) группа существительных с суффиксом — **тель**, мотивированных глаголами; их словообразовательное значение — ‘носитель процессуального признака’ (**утешитель, охранитель, льстец-предатель, вопрощатель** и др.) Например:

*Нашелся ли наивный сочинитель
Трех глупых слов, и праведный закон
Достиг ли цели, яко **охранитель**, —
Не знаю, но Игнатий был прощен [3, с.460];*

3) группа существительных со значением лица разных словообразовательных типов:

а) по роду деятельности (**охранитель, бакальщик, пленно-продавец** и др.). Например:

*Спешу на улицу — и вижу виноград
Висит тяжельми, лиловыми кистями,*

*Поспел — купите фунт — бакальщик рад...
Вот перец и миндаль, а вон табак турецкий [3, с.91];*

б) по отличительным чертам, индивидуальным способностям (*утешитель, льстец-предатель*):

*Ребенка ль захочешь встретить ты,
Которого ласкал,
Который матери прелестные черты
Тебе напоминал, —
И встретишь взрослого болвана, или злого
Льстеца-предателя, души твоей чужого [3, с.356];*

в) по различного рода отношениям (*дворня, сам-друг* и др.):

... флигель, состоявший на особых правах, в полном владении повара, прачки, кучера, кучеренка ... поглощал довольно много топлива ... Проходя мимо, дядя ... налил из графина рюмку водки ... — Сестра! ... надо бы завтра будет за вином послать. — Помилуйте! Давно ли я налила целую бутылку!

— Ну, какое бутылку! Много ли? Ну, приходили поздравлять, на лекарство брали, *дворня* тоже... [5, с.140–141];

г) наименования лиц женского пола (*бабошка, прихотница* и др.):

*Ты сверчка немного чище и поглаже
И немножко больше чувствуешь свободы —
Все ж ты, братец, с нею не одной породы.
Знаю я всех этих бабочек, бабошек!
Жить они не могут без цветных веточек [3, с.430];*

д) наименования, выражающие эмоциональную оценку (*льстец-предатель, пугавщина, Самознайка* и др.):

*Докапывался до живого,
До сердцевины — и потом
В теорию вплетал картины
Из русской жизни, без затей
Мешая были наших дней
Со временами пугавщины [3, с.157];*

4) глаголы (префиксально-суффиксально-постфиксальные, суффиксальные, префиксально-постфиксальные, префиксально-суффиксальные, подчеркивающие результативность, интенсивность, предельность действия, особенность качества и др.): *пораскисли, бес-смертнить, созиждутся, пофинтить, сожигаются, порасползтись, пораскинуть, вавакать* и др.). На-пример:

*Толпа за ней — и все кричат ей «браво!»
У ней на голове чугунный шар...
На целый день ее бессмертн слава,
И эту славу празднует базар [3, с.184];
Вечер был ненастный. Квакали лягушки;
Под налетом ветра зыбкие верхушки
Жатвы колыхались, словно волны; капал
Тихий дождь — и где-то перепел вавакал [3, с.130];*

5) безличные глаголы (*метануло, догадало, дожидит* и др.):

*Не успел он перекреститься... вихрем метануло...;
Как нарочно, еще догадало тебя найти ... платочек... [5, с.62];*

6) группа слов с начальным компонентом полу- (*полурасцвет, полузажмурившись, полупроснувшись, полудетский* и др.):

*И колыхалась карета,
И жутко было им вдвоем:
Ей — в красоте полурасцвета,
Ему — с поблекнувшим лицом [3, с.412];*

7) группа слов со значением особой интенсивности действия и предельной степени качества, образованные с помощью приставок *раз-* (*рас-*), *пре-*, *при-*, *наи-*, *без-* (*бес-*) и др. (*раздирательно-грустный, пренеловкий, пренаивный, преравнодушно, бессмертнить* и др.):

*В частной жизни также к добреньким коровкам,
К мушкам и козявкам часто в пренеловком
Был ты положеньи: слушал их признанья,
Робко избегая тайного свиданья [3, с.422];*

8) сложения с первым компонентом само-, все- (*самопрезрение, Самознайка, сам-друг, всеслужение, всеобъятие, всепобедный* и др.):

Первого из них звали Самознайкой, так как он ни над чем не задумывался и постоянно восклицал: о! это я знаю... [5, с.439];

В музыкальном мире был ты всепобедным [5, с.422];

9) наречия (*немолчно, канальски-ловко, преравнодушно, неслышно-мощно*):

*Только где-то струйки смутно лепетали,
Только роковые страсти не дремали,
Только насекомых мир неугомонный
Голосил немолчно в тишине бессонной [3, с.433];*

10) новообразования-оксюмороны (*насмешливо-плаксивый, спасительно-опасный, бледно-озаренный, неслышно-мощные, прекрасно-гневное, целебно-жгучий* и др.):

Оно на этот раз, казалось, совершенно утратило свое насмешливо-плаксивое выражение [5, с.22].

При создании новообразований Я. Полонский использует лексику различных тематических сфер, связанную с различными аспектами театральной (*грациозно-любезна, игриво-сладкогласный, комически-трогательная*), литературной (*байронствующий, орлы-мечты*), политической (*пугавщина, охранитель*) и другой деятельности.

Среди узуальных способов словообразования наиболее частотными являются: сложение, сращение, суффиксация, префиксация и такие смешанные узуальные способы словообразования, как префиксация + суффиксация, префиксация + суффиксация + постфиксация (*забавно-важный, канальски-ловко, тамбур-мажор, блоходарность, пириествовать, божествен-*

но-кокетливый, вавакать, одряхлость, полупроснувшись, Самознайка, пленно-продавец, полузажмурившись, бессмертить, созидаться, пофинтить и др.).

Из окказиональных способов словообразования представляет интерес **контаминация** (служит для двойного осмысления создаваемого слова, характеризует называемое явление с точки зрения его эмоционального восприятия с субъектом речи и выражает различные коннотации; это своеобразный способ выражения авторских оценок): *пугавщина* (пугать+ Пугачев), *бабошка* (баба+ бабешка, бош (ка) — ‘презрительное прозвище’), *бакальщик* (бак+ кал), *дворня* (двор+ вор) и **субституция** (представляет собой замену компонента в морфемной структуре слова на другой компонент с целью «столкновения» образуемой единицы и образца, по которому она создана): *блеходарность* (благодарность), *дождит* (моросит), *дворня* (псарня), *метануло* (крутануло), *хмельность* (печальность).

Новообразования Я.П. Полонского по-разному включаются в ткань художественного произведения. Можно отметить следующие способы ввода:

а) включение в контекст мотивирующего слова:

Эта «блеходарность», вместо «благодарность»

Пуще огорчила моего героя [З, с.435];

б) «скрытый» авторский комментарий:

Знаю я всех этих бабочек, бабошек,

Жить они не могут без цветных ветошек [З, с.415];

в) использование производного слова:

Байронствующий Подколесин,

Он был бы для меня несносен.

Но любил он, а мечтал:

Неизъяснимый идеал.

Неизъяснимой красотой Байрон

Его дразнил, манил и ждал [З, с. 355];

г) графическое выделение:

«Нушто я не знаю, как она вертелась, —

Запицала харя, — пофинтить хотелось» [З, с.422];

д) включение в контекст без пояснений (когда словообразовательная структура прозрачна):

Ребенка ль милого захочешь встретить ты,

Которого ласкал ...

И встретишь взрослого болвана, или злого

Льстеца-предателя, души твоей чужого [З, с.314].

Литература:

1. Муминов, В.И. О некоторых особенностях выражения интенсивности признака в художественном тексте (на материале рассказа В.Г. Короленко «Убивец») // Молодой ученый. — 2014. — № 10. — с. 541–545.
2. Винокур, Г.О. Маяковский — новатор языка. — М.: Наука, 1943. — 196 с.
3. Полонский, Я.П. Стихотворения. — Л.: Советский писатель, 1954. — 548 с.
4. Виноградов, В.В. Поэтика русской литературы. — М.: Наука, 1976. — 294 с.
5. Полонский, Я.П. Проза. — М.: Сов. Россия, 1988. — 496 с.

Функции новообразований в произведениях Я.П. Полонского различны. Они столь же разнообразны, как и модели, по которым строятся слова. Можно выделить следующие функции:

1) **Собственно-номинативная** (свойственна новообразованиям, призванным обозначить предметы, явления, состояния, действия и т.д., которые, по мнению Я.Полонского, не имели наименований в русской языковой практике XIX века): *медляность, охранитель, вавакать, полурасцвет*.

2) **Экспрессивная** (позволяет автору полнее и ярче передать свое состояние, свое видение мира, выразить эмоциональную оценку событий и лиц): *бабошка, льстец-предатель, канальски-ловко, пугавщина*.

3) **Компрессивная** (служит для замены синтаксической конструкции или сочетания слов однословным наименованием): *дворня* — работники, совершающие деятельность на дворе, *кучеренок* — сын работника, перевозившего людей, сын кучера.

4) **Характерологическая** (характеристика внутренних и внешних черт лица, предмета): *жидовско-римский* профиль, *безотчетно-грустна* она, *божественно-кокетливое* лицо.

5) **Интертекстуальная** (отсылает к творчеству конкретных авторов): *байронствующий*.

6) **Ретардационная** (торможение, имеющее целью усилить интерес):

Знаю я всех этих бабочек, бабошек,

Жить они не могут без цветных ветошек;

За женой бабошкой где ж тебе упрыгнуть?

Где ж тебе повсюду вслед за нею прыгнуть [З, с.415].

При всем многообразии оценок языка и стиля Я.П. Полонского несомненно одно — этот «второстепенный» автор внес достойный вклад в развитие неолексикона поэтической речи, обогатив его новыми лексическими единицами, близкими к потенциальным словам, образованным по продуктивным словообразовательным моделям, создав немногие, но яркие окказионализмы и привнеся новые оттенки в слова ограниченной сферы употребления. Индивидуально-авторские новообразования Я.П. Полонского отражают, с одной стороны, активные словообразовательные процессы в языке русской литературы XIX века и выявляют широкие возможности русской словообразовательной системы, с другой стороны, позволяют выделить характерные особенности его идиостиля.

К вопросу лингвистических парадигмах и методах исследования языка

Плотников Евгений Евгеньевич, студент;
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: лингвистическая парадигма, сравнительно-исторический метод, когнитивный подход, антропоцентрический подход, когнитивно-семантический метод.

Вопрос о лингвистических парадигмах является крайне актуальным для современной науке о языке. С основными лингвистическими парадигмами связаны соответствующие методы исследования языка.

Сравнительно-исторический метод начал формироваться в первой четверти XIX века. В 1816 г. Ф. Бопп выпустил книгу «О системе спряжения в санскрите в сравнении со спряжением греческого, латинского, персидского и германского языков» [8, с. 273]. В этом исследовании впервые была применена теория о родстве индоевропейских языков. Эту теорию применили не к изучению отдельных лексических или грамматических элементов, а к системе спряжения вообще. В 1818 г. вышли «Заметки о языке и литературе трубадуров» А.— В. Шлегеля, в которых указывалось, что именно латынь является общероманским источником как для французского и провансальского, так и для других близкородственных им языков, и выявлялась динамика их структурного развития, переход от латинского синтетического строя (когда преобладало выражение связей между словами и формами слов) к романскому аналитическому строю (когда в словосочетаниях преобладают выражения связи при помощи служебных частиц и порядка слов).

После выхода книги А.— В. Шлегеля Й.— Б. Копитар открыл иного характера аналитические преобразования в румынском языке, имеющим ту же, что и западнороманские, исходную «языковую материю», но развившего специфически балканскую «языковую форму», одинаковую с «формой» (строем) других, соседних языков (южнославянских, албанского), у которых исходная «материя» была генетически совсем другой. Эти общевосточные структурные сходства в образованных аналитических формах Копитар объяснял влиянием автохтонного языка; так в романистику (и в компартистику в целом, в общее языкознание) была введена идея субстрата. Субстрат (лат. *substratum* «подостланное») — воздействие и следы языка прежнего коренного населения на новый формирующийся язык (например, кельтский субстрат во французском языке). Кроме того, существует понятие суперстрата (лат. *superstatum* «надстланное») — влияния ассимилированного языка пришельцев (например, влияние германского языка франков на становление французского языка). Все западнороманские языки формировались на основе романских диалектов, развившихся на кельтском (галльском) субстрате [8, с. 497].

Одним из важных методов является внешняя реконструкция. Данный метод имеет целью осветить прошлое какого-либо языка путем его сопоставления с другими родственными языками, то есть путем внешнего сравнения [5, с. 234]. Внутренняя же реконструкция имеет целью восстановить прошлую систему какого-либо языка путем логических выводов из описания существующей системы этого же самого языка. Внутренняя реконструкция представляет собой применение к истории, «историческую проекцию», методов синхронного системного описания языка, развитых в последние десятилетия. Внутренняя и внешняя реконструкция являются взаимодополнительными методами [6, с. 13–14].

В связи с антропоцентрическими тенденциями, активно развивающимися в современной лингвистической науке, большую актуальность приобрел за последнее десятилетие когнитивный подход, в центре внимания которого находится проблема связи между познавательной-мыслительной деятельностью человека и языком [4 с. 56–57]. Несмотря на то, что подход этот справедливо считается сравнительно новым, предпосылки к его развитию существовали задолго до того, как он оформился в отдельное направление в лингвистике.

Как известно, сама по себе постановка вопроса о взаимосвязи языка и мышления не являются достижением XX века. Уже в античной философии рассматривался вопрос о происхождении языка вообще и, в частности, о том, как вещи получают свои имена. Эти проблемы, правда, рассматривались в то время в философском, а не в лингвистическом аспекте. Когда в XIX веке языкознание оформилось в отдельную отрасль научного знания, проблема взаимодействия мышления и языка стала поначалу одной из ключевых для лингвистов. Особенно большую роль для формирования теоретических взглядов последующих исследователей, обращавшихся к содержательной стороне языка, сыграла теория В. Гумбольдта, впервые указавшего на неразрывную связь содержательной стороны языка с интеллектуальной и духовной жизнью народа. Рассматривая язык не как сложившийся продукт, а как особый вид деятельности человека, В. Гумбольдт фактически вводит проблему человека в язык в круг центральных теоретических вопросов языкознания» [7, с. 89].

На основе теоретических построений В. Гумбольдта русский лингвист А. А. Потебня разработал собственную теорию «внутренней формы», под которой он понимал «ближайшее этимологическое значение слова», «центр

образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными», и посредством которой объяснял единство понимания значений слова носителями языка. Следует отметить, что традиции изучения взаимосвязи внутренних психологических механизмов и языкового отображения действительности существовала задолго до выделения такой отдельной отрасли научного знания как психолингвистика. Несмотря на некоторую неразработанность этой проблематики, вероятно, можно говорить о присутствии антропоцентрического круга проблем уже на этом этапе развития лингвистической науки.

Как известно, одним из основоположников собственно антропоцентрического взгляда на язык считается Э. Бенвенист с его теорией субъективности в языке, под которой он понимал способность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения [1]. Свойство это, по мнению Э. Бенвениста, отражается в языке в виде особой черты его устройства, заключающейся в том, что в языке есть классы элементов, обладающих аутореферентностью; таким образом, при употреблении этих элементов создается референтная соотнесенность с самим говорящим. В свете теории Э. Бенвениста и его последователей язык предстает как особая семиотическая система, одновременно обладающая как объективным, так и субъективным характером, объективность которой заключается в том, что язык как любая знаковая система поддается внешнему наблюдению, а субъективность — в том, что в силу своего особого устройства система эта в принципе не может существовать вне говорящего, а следовательно, и «вне меня», в силу того, что каждый индивид (естественно, обладающий обыкновенным психофизическим развитием) является носителем какого-либо языка.

К концу 60-х годов прошлого века как реакция на всеобщее увлечение структурализмом начали ощущаться необходимость радикальной смены приоритетов в лингвистической науке. Проблема «человека в языке» из побочной становится одной из центральных, и лингвисты вновь возвращаются к поднятой еще В. Гумбольдтом и его последователями проблеме взаимосвязи языка и мышления и психологических механизмов, обеспечивающих понимание речи и возможность языковой коммуникации. В связи с этим возникает интерес к работам в области психологии речевой деятельности. Особое внимание лингвистов привлекли работы выдающегося отечественного психолога Л. С. Выготского, посвященные развитию словарного запаса у детей. Эти исследования были основаны на экспериментальных данных и имели целью установить связь между познавательной деятельностью и формированием мышления и речи на раннем этапе. Идеи Л. С. Выготского, получившие дальнейшее развитие в работах его последователей оказались настолько актуальными, что легли в основу научного направления на стыке двух дисциплин — психолингвистики. В рамках этого направления появились, в частности, работы таких отечественных исследователей, как А. Н. Леонтьев, И. А. Зимняя и А. А. Залевская, впервые в отечественном

языкознании сконцентрировавших свое внимание на психологической структуре значения в языке (Леонтьев А. Н., Леонтьев А. А., Зимняя, Залевская), а также дали толчок к развитию современной теории актуального лексикона. Обычно относимой к прагматическому направлению в психолингвистике и использующей методики, разработанные в рамках психологии, для решения языковедческих проблем [2, с. 151–152]. Кроме того работы Л. С. Выготского послужили отправной точкой для работ Э. Рош и ее последователей, заложивших в 70-е годы прошлого века основы когнитивного подхода в лингвистике. Опираясь на идеи Л. С. Выготского, Э. Рош провела серию собственных экспериментов, в результате которых пришла к выводу, что в процессе познавательной деятельности усваиваемое знание об окружающем мире подвергается категоризации по наиболее значительному признаку; иначе говоря, вновь усваиваемая информация группируется вокруг прототипических понятийных ядер, формируя неограниченные множества с размытыми границами. Этот подход получил название прототипического.

С середины 70-х годов когнитивно-семантический метод применялся для описания семантической структуры естественных языков в синхронном аспекте. При этом внимание многих исследователей привлек постулат о принципиальной размытости границ лексического значения (естественно, за исключением чисто терминологической сферы). Получив дальнейшее развитие в работах Н. Штеммер и Дж. Лакофф, этот постулат натолкнул исследователей на мысль о предполагаемом влиянии когнитивных факторов на возможность семантического развития слова и, следовательно, на перспективность применения метода семантических прототипов для описания семантики слова в диахронии. В своей работе Д. Герардс, основываясь на исследованиях, пришел к выводу о том, что, во-первых, все зарегистрированные на исследуемом отрезке времени значения изучаемого слова распадаются на прототипические группы на основании наиболее типичного семантического признака и, во-вторых, эти прототипические группы в дальнейшем и определяют потенциальные пути семантического развития слова. Правда, в силу непрерывности семантического пространства и, следовательно, некоторой размытости лексического значения, возможно (и принципиально неизбежно) слияние границ смежных прототипических групп.

Однако прототипический подход не является идеальным, т.к. не отвечает на вопрос о том, почему происходят эти изменения. Говоря, о лексическом значении следует сказать, что его членения и структура своеобразны в каждом языке и связаны с особенностями его строя. Значения слов помещают между представлениями и понятиями. Но следует сказать, что стремление непременно развести понятие и словесное значение как мыслительные сущности разного рода питается — часто неявно — ошибочной, но все еще мощной философской традицией, идущей от Платона через средневековый философский реализм и объективный идеализм к современ-

ности. Понятия — идеи в этой традиции рассматриваются как предустановленные, независимые от человеческой деятельности самостоятельные сущности идеального порядка, как вневременной идеальный эталон, равноправный с самой вещью и столь же содержательный.

Значения словесных знаков — те же «понятия, но понятия, связанные знаком. Языковые значения не представляют собой чего-то содержательно отличного от по-

нятий, не образуют особого концептуального уровня сознания. Они никак не специфичны по своей мыслительной природе. Все их отличие от понятий проистекает из указанного факта — отнесенности к знаку» [3, с. 83–84]. Между тем понятия, безусловно, являются исторической, меняющейся и развивающейся категорией. Понятие — определенная мыслительная (концептуальная) форма, обобщающая абстракция.

Литература:

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974.
2. Вишаренко, С. В. О когнитивно-семантическом методе изучения языка // Антропоцентризм в языке и речи. Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. с. 150–158.
3. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах. — СПб.: Научный центр проблем диалогии, 1996. — 760 с.
4. Сенцов, А. Э. Концепт будущего в программах политических партий (на материале программ партий «Единая Россия» и «Патриоты России») // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. — 2010. — № 3 (11). — с. 55–60.
5. Сенцов, А. Э. Сопоставительный анализ выражения концепта «обладание» во французской, английской и русской лингвокультурах // Молодой ученый. — 2011. — № 2. Т. 1. — с. 233–235.
6. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. Изд-е 3-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2002.
7. Фрумкина, Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. — М.: РГПУ, 1995.
8. Широков, О. С. Языковедение: введение в науку о языках. — М.: Добросвет, 2003.

Единство языка и культуры

Рустамов Дилшод Абдувохидович, ассистент

Андижанский государственный университет имени З. М. Бабура (Узбекистан)

Язык является основным средством, определяющим и характеризующим человека. Ибо язык находится в центре феномена человека и нации. Данную мысль высказывал ещё поэт и мыслитель Алишер Навои, говоря: «Человек, разлучённый со словом, есть животное». Рассмотрение языковой культуры в качестве формы культуры национальной имеет большое значение для культурологии и этнографии, так как язык — основа любой культуры. С этой точки зрения язык рассматривается как совокупность общих представлений человека о мире.

Формирование народа и языка происходит одновременно. Процессы конвергенции и дивергенции в языке на самом деле отражают процессы объединения и разделения народов и наций. А это уже само собой необходимо объяснять факторами культурного единства либо различия.

Проблема общности языка и культуры уже несколько столетий волнует учёных. В частности, на данный момент, когда вопрос национальных ценностей приобретает глобальный характер, происходит формирование лингвокуль-

турологии, появившейся в качестве направления междисциплинарной интеграции и занимающейся данной проблемой. Противоречивые взгляды о сущности языка как формы культуры, отношениях языка и культуры как отражения диалектики формы и содержания, о языке как части культуры принимают полемический характер. Если можно так выразиться, началось научное «нападение» на проблему единства языка и культуры. К примеру, по мнению известного лингвиста Э. Сепира, «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает, язык же есть то, как оно думает» [9.193]. Н. И. Толстой же видит между культурой и языком диалектику целого и части: «Отношения между культурой и языком могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры (что не одно и то же. — Н. И. Толстой), в особенности когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно)

или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом» [10.16]. Взгляды Н. И. Толстого, конечно же, связаны с природой отношений языкознания к языку и историческими этапами. Так как XXI век характеризуется усилением антропоцентрических взглядов в языкознании и, отличаясь от этапа структурного изучения языка (XX века), определяется развитием изучения языка как «открытой системы». «Понимание вопроса о культуре связано с изменяющимся отношением к языку: к началу XXI в. лингвистика прошла путь от полного игнорирования внеязыковых влияний — «язык в себе самом и для себя» — до осознания необходимости тщательного анализа социально-культурных, коммуникативных, психологических, ситуативно-контекстных условий языкового общения и помещения их «в светлую точку лингвистического сознания» (Л. В. Щерба). Заметим, что если 70-е годы XX в. были «штормом семантики», 80-е годы — расцветом коммуникативного подхода к языку, конец XX в. — когнитивным бумом, то начало нынешнего века значительно расширило эти границы лингвистики. На первый план вышли те изменения в современном языке, которые были вызваны к жизни «сменой социально-культурных парадигм», общественно-политическими движениями в странах и другими внешними, экстралингвистическими факторами, которые часто становятся определяющими в языковых изменениях. В свою очередь, новые языковые контексты рожают новые культуры в обществе» [3.72].

Общность языка и культуры в призме национальных ценностей представляется под разным углом зрения. В этом смысле культурологи и языковеды порой отдадут предпочтение рассмотрению специфики лингвокультурных различий между народами и нациями как причины межнациональных и международных противоречий, отношений превосходства и подчинения [6.297–304]. Конечно, между нациями и народами имеются различия. Однако эти различия необходимо объяснять объективными факторами процессов исторического развития, прогресса народов. «В самом деле, каждая нация имеет свой образ видения, свои каноны поведения, в общем, свой принцип мышления. Поэтому такие простые понятия, как «национальное сознание», «национальное мышление», «национальное чувство», тысячелетиями придают лучу, светящемуся в душе ребёнка, энергию и силу. Имеется бесконечное количество трактовок важности и функции языка. Ведь язык — социальное явление, представляющее собой важнейшее средство связи. Средство связи — лишь одно из огромного множества функций языка. Прежде всего язык — средство восприятия мира, осязания его, изучения и мышления. В то же время не надо забывать, что язык — духовное, эстетическое явление» [7.10].

Изучение общности языка и культуры неразрывно связано с изучением национального и народного духа, ментального мира, системы ценностей. Р. Бенедикт, воспринимавший национальные культурные различия сквозь

призму ценностей, в своё время писал: «Каждая культура, с точки зрения других, игнорирует фундаментальное и разрабатывает несущественное. Одна культура с трудом постигает ценность денег, для другой они основа каждодневного поведения. В одном обществе технология невероятно слаба даже в жизненно важных сферах, в другом, столь же «примитивном», технологические достижения сложны и тонко рассчитаны на конкретные ситуации. Одно строит огромную культурную суперструктуру юности, другое — смерти, третье — загробной жизни».

Ф. Барт, С. Хантингтон и другие западные учёные также высказали ценные предположения об отношении к национально-культурным различиям на основе определённых национальных, этнических и цивилизационных ценностей. Если Ф. Барт останавливался, в частности, на роли культурных ценностей, устанавливающих границы между народами и обозначающих национальные различия, то С. Хантингтон делал акцент на определённые культурно-цивилизационные ценности, отчётливо разделяющие народы.

В научном изучении общности национального языка и национальной культуры важную роль играет категория *лакуны*, распространённая в традиционном языкознании. Возможности выражения духовного мира одного народа средствами языка другого народа ограничены. «Бедность» одного языка по отношению к другому либо несоответствие его возможностей выражения также связаны с данным обстоятельством. Вместе с тем ориентация взглядов народа либо нации определена либо направлена духовным миром или различными экономико-географическими либо морально-этическими ценностями. Это отчётливо просматривается в процессе именовании в национальном языке. «Каждый народ по-своему видит, слышит, наслаждается. Возьмём, к примеру, птицу, называемую [у узбеков] *читтак*. В именовании этой птицы узбек основывается на её движении. Эта птица двигается быстро (со звуком «чит-чит»), и, если узбек сначала видит её эти движения, то русский сначала видит её цвет. Основываясь, на этом, он называет её *синицей*. Или: узбек слышит в качестве звука, зовущего детёныша курицы, слово «жип-жип», поэтому он называет его «жужжа». Русский же, слыша «цып-цып», называет его *цыплёнком*» [7.19]. Естественно, процесс слушания связан с произношением. Слушание определяет язык, язык же определяет слушание. В случаях, когда слушание и произношение не соответствуют друг другу, возникает полная либо неполная лакуна. Как писал М. В. Никитин, «при всей подавляющей общности фундаментальных условий жизни у каждого народа имеются свойственные только ему специфические реалии культуры, быта, среды и тому подобное, которым в иной культуре и понятийной системе соответствуют полные или частичные пробелы, так называемые материальные и понятийные лакуны» [8.47].

Национальные различия в общем видении явлений действительности, слушания и именовании определяются направленностью общих национальных либо на-

родных взглядов. Естественно, здесь неуместно говорить о понятии лакуны. Так как здесь сразу бросаются в глаза внешние признаки явления и, независимо от его «внешности», можно наблюдать процесс именованности. Однако в результате направленности / ненаправленности духовных «взглядов» на внутренние признаки предмета либо явления появляется различие в именовании / именовании. В итоге явление, не присущее одному языку, находит своё выражение в другом языке. Явление же, не нашедшее своё именователя, оценивается как национально-ментальная лакуна. Н.Д. Арутюнова пишет об этом: «Несмотря на всю свою зыбкость и отдаленность от объективной данности, аксиологическая таксономия нередко выдвигается на передний план и заслоняет собой естественные классы» [2.6] (Арутюнова, 1984:6). Место, оставшееся без именователя, восполняется другими единицами. Подобную функцию могут выполнять словосочетания либо неделимые сочетания слов. Примером служит антиномии *старший брат — ака, младший брат — ука* в русском и узбекском языках. Однако во многих случаях сравнение данных языков обнаруживает и отсутствие подобных явлений. К примеру, слова *хола* (тётя со стороны матери) и *амма* (тётя со стороны отца) в узбекском языке не имеют подобной антонимии в русском языке, что демонстрирует наличие лакуны, основанной на национально-ментальных ценностях. «Специфика языковых картин мира, связанная с данным этапом их формирования, может состоять не только в отсутствии или наличии в языковом сознании носителей одного языка тех или иных культурно-значимых признаков (предметно-фактических и понятийно-ценностных), в возможности или невозможности выразить отдельным словом или устойчивым сочетанием понятие, лексически зафиксированное в другом языке. Кроме данной специфики, обозначающей как абсолютная лакуна, возможны различия в степени представленности определенных понятий и связанных с ними оценок» [4.29]. Следовательно, во многих случаях при рассмотрении именованности и классификации явлений действительности вторая является одним из условий появления языковых лакун. Появляясь в результате лингвокультурологического сопоставления языков, лакуна демонстрирует различия в языковой картине мира.

Языковая картина мира проявляется в своеобразии средств выражения языка, обособленности семантической и семной структуры слов. Национальные взгляды формируют национальные понятия, национальные понятия же реализуются в лексической структуре, служащей «палитрой» языковой картины мира.

В языковой картине мира категория национально-духовной активности, имеющая национально-ментальные

основы, играет важную роль в категориализации, классификации и концептуализации явлений действительности, а также упрочения их в качестве значения. Иначе говоря, соответствия ориентации ментальной духовности, делает акцент на определённый внутренний признак явления действительности и, проявляя данное обстоятельство, социализирует в выражении языком, занимает соответствующее место и получает статус в языковой структуре.

Именованности явлений действительности и возникновение при этом полных либо неполных лакун происходит в тесной связи с культурно обусловленными и «насыщенными» национальными стереотипами. В свою очередь возникновение стереотипов также связано со степенью национального и культурного характера языкового мышления и опыта.

Учёными были высказаны различные мнения по отношению к понятию национально-культурного «взгляда». К примеру, если Н.Д. Арутюнова, говоря, что «естественный язык отражает мир человека в его национально специфических вариантах», признаёт общность явлений национального взгляда и национальной оценки [1.13–24], то «Г. В. Колшанский категорично отрицает возможность своеобразного видения мира отдельными народами. Главным аргументом при этом выступает положение об общем для всех людей характере мышления, а существующие различия народов в трудовом и социальном опыте никоим образом не связываются с картиной мира [5.108]» [4.29]. В подобной трактовке проявляется склонность Г. В. Кольшанского на основании оценки культуры в качестве трудового и социального опыта признавать язык как вид культуры. Из чего следует, что данный учёный рассматривает язык не как духовно-нравственное явление, а как продукт материальной культуры.

В общем, сущность языка как духовного явления, общность языка и культуры признаётся всеми учёными. Однако в их высказывании о его сущности как духовно-нравственного либо материально-нравственного явления встречаются различия.

Язык и культура — многогранное и разноцветное явление. Это ярко проявляется и в их взаимоотношениях. Общность двух чрезвычайно сложных явлений вызывают порой практически непреодолимые трудности. Ввиду чего становится неприемлемым научная трактовка положения языка в отношении к национально-ментальной культуре на основе принципа «от формы к значению» и одностороннее принятие определённых решений. Важное значение в объективной трактовке такой сложной и открытой системы, как язык, приобретает рассмотрение противоречивых с точки зрения формы и содержания взглядов на основе принципа научной толерантности.

Литература:

1. Арутюнова, Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. — 1985, № 3. (С.13–24). — С.33.
2. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982. — М.: Наука, 1984. (-С.5–23.) — С.6.

3. Базарова, Л. В. К вопросу о соотношении языка и культуры // Образование и культура России в изменяющемся мире. — Новосибирск, 2007. — с. 72.
4. Балашова, Е. Ю. Концепты «любовь» и «ненависть» в русском и американском языковых сознаниях. Дисс... канд. филол. наук. — Саратов, 2004. — 165 с. — С.29.
5. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М.: Наука, 1990. — 108с.
6. Комилов, Н. Караваны мышления: цивилизационные связи Запада и Востока. — Ташкент: Главная редакция ИПАК «ШАРҚ», 2011. — 320 с.
7. Махмудов, Н. Золотая сокровищница нашего языка. — Ташкент: Издательско-полиграфический дом творчества имени Гафура Гуляма, 2012. — 152 с.
8. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения. — М.: Высш. шк., 1988. — 168 с.
9. Сепир, Э. Язык, раса, культура // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993. — с. 193.
10. Толстой, Н. И. Язык и культура // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М., 1995.

О факторах эвфемизации

Рустамова Дилрабо Абдурахимовна, ассистент

Андижанский государственный университет имени З. М. Бабура (Узбекистан)

Имеется два толкования понятия эвфемизации:

1) процесс использования в речи «прикрытого» и «мягкого» выражения;

2) выполнение языковыми единицами эвфемистической функции.

Для появления явления эвфемизации служат следующие факторы:

во-первых, слово или сочетание, используемое говорящим и обозначающее предмет, лицо или явление, оцениваемое, классифицируемое или являющееся для говорящего объектом общения, в определённой социально-культурной среде с точки зрения этики речи может потерять свой «лоск», оказаться грубым или «обнажённым». Произношение либо написание такого выражения становится неудобным, данное неудобство может быть односторонним либо двусторонним. В случае одностороннего неудобства выражения оно является неудобным именно для говорящего. При двустороннем неудобстве имеются в виду и говорящий, и слушающий. Если основание для одностороннего неудобства можно искать во внутренней культуре общения, то при двустороннем неудобстве активность принадлежит говорящему, пассивность — слушающему. В обоих случаях коммуникативная цель говорящего, его интенциональные действия оказываются смешанными с элементами культуры общения. Следовательно, к эвфемизации приводят явления эвфемизирования выражения, принятые членами всего общающегося общества и, вместе с тем, явления, запрещённые только говорящим с точки зрения внутренней культуры;

во-вторых, эвфемизация не только выполняет функцию смягчения выражений, считающихся грубыми и дерзким с точки зрения требований этики общения, но и «скрывает» истинную природу табуированного выражения под влиянием фактора страха, по сей день сохра-

няющегося в общественном сознании, «украшает» его мягким выражением, «камуфлирует» значение. Будучи искусственной, как и всякая культура, культура общения на своей высшей ступени скрывает явления действительности от своих естественных пользователей — закрепляет за ними искусственные пользователи, то есть эвфемизмы;

в-третьих, при отсутствии связи между «установленным» порядком культуры общения, способом литературной речи, характером выражения контекста и волеизъявлением говорящего, иначе говоря, когда говорящий берёт внутренний контроль за речью в своё распоряжение, в определённой речевой обстановке и положении слушателя говорящий выражен эвфемизировать свою речь. К примеру, даже в непринуждённой беседе говорящий. воспитанный в узбекской ментальной среде, в общении с высокопоставленным лицом, человеком старшего возраста, женщиной и т.д. непроизвольно стремится контролировать свою речь, выбирать выражения, по возможности избегать привычных для него слов;

в-четвёртых, в качестве факторов, приводящих к эвфемизации, может иметь место речевая обстановка. К примеру, слово *человек* в какой-либо социальной среде может быть эвфемой, в другой же — использоваться как обычное выражение.

Из вышесказанного видно, что эвфемизацию в зависимости от её продукта можно оценивать по-разному. Процесс, считающийся в одной обстановке эвфемизацией. в другой может рассматриваться как обычное явление. Выражение, являющееся в какой-либо социально-психологической среде эвфемическим, в другой обстановке проявляется как нейтральное средство связи. Следовательно, если среда общения, обстановка общения служат внешними факторами появления эвфемизации, то куль-

тура общения говорящего, культурная грамотность являются его внутренними факторами. При участии не менее двух из трёх факторов — среды общения, обстановки общения и культуры общения — происходит процесс эвфемизации.

Использование эвфемизмов — средство скрытия под маской современной культуры общения древнего и всегда существовавшего инстинкта человека и вообще всех живых существ — создания условий для достижения целей своей «охоты», облегчения попадания «жертвы» в «ловушку», усыпления её природного чувства недовольства. Это проявляется в избегании неприятностей при общении, обходе определённых противоречий, усыплению в собеседнике чувства неудобства. Однако всё равно в основе алгоритма общения «говорящий — эвфемизация — слушающий» лежит животный алгоритм — «охотник — процесс охоты — жертва». «Так как схема охоты стала доминирующей особенностью мышления, она переносится на все случаи жизни. Охотником уже воспринимается другой охотник, воин со своими специфическими правилами охоты на людей, женщина, собирающая корни и травы и даже зверь, нападающий на человека. Любое направленное действие понимается как вариант охоты. Ничто другое в голову и прийти не может, так как в мышлении нет других схем и других абстрактных понятий. Собирающие или изготовление острых камней — охота за нужными камнями; солнце охотится за звездами, ночь за солнцем, луна, хозяйка ночи, охотится за тем, что скрыто ночью. Первобытное знание сводится к поиску в фактах реальности охотника, правил охоты и жертвы. Из жизненного опыта ищутся аналогии, объясняющие поведение охотников и жертв» [1.13]. Стремление продемонстрировать свою силу в процессе охоты имеет своей целью пробуждение в жертве чувства страха, облегчение тем самым её поражения и её легкой захват. В интенции общения говорящий также наряду с другими средствами языка используется орудием эвфемизации.

«Приукрашивание» определённого явления объективной действительности предполагает использование различных эвфемистических средств. Эвфемизация данного типа своеобразно проявляется в условиях любого общественного строя. Эвфемизация последующего периода служит для превращения настроения недовольства предыдущего периода в положительное и тёплое отношение к новому периоду. В частности, в идеологической среде, построенной на основе прикрытия обмана, в целях «маскировки» античеловеческих деяний вне границ допустимого использовались образцы подобной эвфемизации. «Чрезвычайная идеологизация советского общества, преследование любой мысли, идеи и взглядов, не соответствующих догмам марксизма-ленинизма, открытое использование на протяжении без малого сорока лет первого периода советского строя политического давления в виде репрессий в качестве составной части метода руководства (что не было ликвидировано и в последующие 34 года) внушило населению чувство социального страха.

Творческие возможности мышления, инициативность были крепко обузданы. Люди опасались свободно мыслить, высказывать собственное мнение. Управление было чрезвычайно централизовано. К демократии и правовым нормам подходили только с точки зрения соответствия политическим целям» [4.371]. Все признаки, действия и цели строя замкнулись в эвфемистической скорлупе. К примеру, понятие *тоталитаризм* заменялось эвфемистическим средством *демократический централизм*. Понятие *борец за независимость* приняло вид выражения *враг народа*, вместо термина *репрессия* использовалось понятие *чистка*. В 30–50-е годы вместо термина *лагерь* (тюрьма) в административно-деловых документах использовалось понятие *учреждение*, для молодёжи, ради коммунистических идей не отступавших даже от истребления своих родителей и родственников, использовалось «эвфемистическое платье» *Павлик Морозов*, функцию слова *расстрел* выполняло понятие *смертная казнь*. «Так же как изменения в общественной жизни привели к появлению новых речевых единиц, попытки не упоминать напрямую политических лиц в аспекте общественном и культурном приводили к появлению новых речевых единиц или к появлению новых значений и функций имеющихся единиц именованию. Слово *благодетель* в произведениях писателя Абдуллы Кадыри используется в двух разных значениях: в значении иронически-эвфемистическом и значении табуированном эвфемистическом. оба значения в тексте проявляются на основе контекста: *Хватит, мы с вами рабоче-крестьянские работники, почему же будем служить ногами нашего благодетеля* («Крикун», ДБ — 253). Будет неверным утверждать, что данное выражение, использованное вместо имени *Сталин*, служит в качестве эвфемизма для выражения почёта. Данное слово следует рассматривать в качестве эвфемизма на основе иронии» [5.56–57]. «Даже любое должностное лицо или творческий деятель были бесправны перед «Центром» (на примере ЦК КПСС). В советское время человек рассматривался как простой «винтик», «строительный кирпич» в возведении величавого здания социализма. Человек обезличился, обезиндивидуализировался (*коллективизм* — Р.Д.), был лишён своей личности. Он, с одной стороны, превратился в простую вещь, материал общественного строительства. С другой стороны, ему безостановочно твердили о том, что он проводимое «великое строительство» велось для человека, что он хозяин всех производимых богатств общества. Однако человек на каждом шагу, каждую минуту чувствовал свою безысходность, своё естество средства «великого строительства», но то, что он «хозяин страны», он не чувствовал». [5.372]. И так, активно употреблявшиеся в эпоху деспотизма термины и эпитеты *великое строительство, свободные края, свободная родина, отец народов, «дружба народов», дружная семья, великий брат, спутник, щедрый, воля народов* на самом деле являлись фальшивыми выражениями, используемыми для прикрытия деяний этого пагубного

стройка, их следует расценить как своеобразный вид эвфемизации. «Камуфлирующими являются эвфемизмы, которые в недавнем прошлом использовались для обозначения действий и параметров представителей партийного и русского аппарата (хоть какого уровня). Жизнь внутри партийной верхушки, внутри структур власти обязана была скрываться от непосвященных, и поэтому сообщения о тех либо других событиях в этих сферах изобиловали очень расплывчатыми оборотами типа: для служебного использования — о секретных документах, рассмотрен организационный вопрос (это означало, что какой-либо партийный либо русский начальник выведен из состава руководящего органа, понижен в должности и т.п.), были сделаны оргвыводы (обозначение репрессивных мер, примененных к какому-нибудь функционеру либо вообще работнику), вести себя нескромно (о партийном хапуге, коррупционере и т.п.). Также полшутливое — но от этого не меняющее собственной эвфемистической сути — жизнелюб применительно к какому-нибудь чиновнику пьянице либо развратнику. Кое в чем такое словоупотребление сохраняется и в наши дни, ср.: *Была отмечена нескромность главы администрации, который употреблял свое служебное положение в корыстных целях* [то есть «брал взятки», «торговал государственным имуществом» и т.п.]» [2.]

Эвфемизмы общественно-политического употребления в большинстве своём выполняют функцию манипулятивного воздействия. «Особенно примечательным

случаем манипулятивного воздействия на реципиента является столкновение противоречащих компонентов (оксюморон). Оксюморонное словосочетание содержит наряду с отрицательно коннотированным словом еще и положительно коннотированное, за счет которого и создается эвфемистический эффект. В текстах СМИ активно функционируют оксюморонные выражения «спад экономического роста» и «отрицательные темпы роста», которые, сообщая о некотором снижении темпов роста, все-таки не отрицают его наличие: в пресуппозицию этих выражений входит утверждение, что «рост происходит», хотя на самом деле это не так» [3.]

Эвфемизмы, используемые в манипулятивных целях, образуются на основе иронии. «Политический дискурс характеризуется манипулятивностью (игра слов, речевые уловки, «принцип матрёшки»). Манипулятивность в определённых дискурсах считается необходимым условием для достижения цели и выполнения задания. Её использование обеспечивает технологию выражения, технология выражения же связывается с манипулятивностью. Ирония — один из видов манипулятивной речи» [5.121].

Как мы видим, использование эвфемизмов характеризуется их общественно-политической спецификой. В каждом общественном строе явление эвфемизации проявляется в связи с идеологической картиной эпохи, общественно-политическими процессами. Культура общения для обеспечения тактического и стратегического возрождения требует использования специфических эвфемизмов.

Литература:

1. Анисимов, А.А. Компьютерная лингвистика для всех: Мифы. Алгоритмы. Язык. — Киев: Наук. думка, 1991. — 207 с.
2. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной российской речи.
3. Муртазаева, И.О. Эвфемизмы в современной русской речи на примере материалов печатных и электронных российских СМИ. — Самара, 2008 г.
4. Эркаев, А. Духовность и развитие. — Ташкент: Маънавият, 2009. — 490 с.
5. Кодирова, Х.Б. Искусство Абдулы Кадыри в использовании эвфемизмов и дисфемизмов: Автореф. диссертации... канд. филол. наук. — Ташкент, 2012. — стр. 56–57.

Семантическая деривация номинативных единиц

Сулаймонов Бобир Нодир угли, студент
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Высшим уровнем семантической деривации является семантический прогресс номинативных единиц. Семантическая деривация, в отличие от словообразовательной, характеризуется появлением номинативных омонимичных единиц без образующих средств.

«Семантическая деривация представляет собой процесс, приводящий к разрушению категориально — семантической группы, образования новых лексических единиц, входящих в другие лексико-семан-

тические группы, установлению новых системных отношений» [1].

Ряд единиц, представленных в Толковых словарях узбекского языка с указывающими пометами на их омонимичность, является деривационным выражением, изменившим свою семантическую сущность (значимость) на субстанциональных основах.

По специализации значений такие выражения можно разделить на две разновидности:

1) выражения с общеупотребительными значениями (неспециализированные по значению)

2) выражения с терминологическими значениями (специализированные по семантике)

Выражения с общеупотребительными значениями неспециализированного характера, в основном, образуются путем метафоризации основного значения в результате разрыва связи между основным и производным значениями, слово с приобретенным новым значением вступает в новые парадигматические отношения, иначе говоря, синонимические, градуонимические, паронимические и основные отношения качественно отличаются от парадигмы единицы с основным значением.

Рассмотрим слова узбекского языка НОВЧА, представленных в толковых словарях следующим образом:

НОВЧА I — ВЫСОКИЙ I. Бўйи баланд, дароз, узун. — Высокого роста, длинный, высокий, рослый, долговязый. *Новча йигит. — Юноша высокого роста. Бўйи новча одам. — Человек высокого роста. Хокимнинг НОВЧА, ҳайбатли қомати олдидан ... Тешабой ҳам одамлар назарида четда эмас. — Около Хокима высокого роста с величавым станом... Тешабой также был в центре внимания людей. М. Исмоили. Фергана до рассвета.*

Новча тераклар учидан ойнинг кумуш парчаси сузади.

Саид Ахмад. Қадрдон далалар. —

На вершинах высоких тополей плывет серебряный кусок луны.

Саид Ахмад. Родные поля.

НОВЧА II тар. Карол, хизматкор. — НОВЧА II ист. Наемный работник, батрак, слуга.

Улар қишлоқдан чиқиб улгурмасданок, қариндош бойнинг новчалар кетмон кўтариб келиб, сотиб олинган уйларнинг том тупроғини кўкка совуриб буза бошладилар. П. Турсун. Ўқитувчи. — Не успели они еще выйти из кишлака, как наемные работники родственника — бая (богача) начали сносить крышу купленного дома, все развеяв в прах. П. Турсун. Учитель.

Қанча бойникида новча булиб ишладим—у ... Ҳамма ерда тўғри ишладим. Ш. Тошматов. Эрк қуши. [2] —

Сколько я работал батраком у бая ... Всюду работал исправно.

Ш. Тошматов. Вольная птица.

Вторая лингвистическая единица возникла на основе специализации значения первой лексемы. Не требуется особых доказательств, чтобы убедить в том, что наемные работники и слуги, в основном, были высокого роста. Но не каждый высокий человек был батраком. В этом случае значение первого слова характеризуется более широким охватом семантической значимости по сравнению со значением второй лексемы. Возникновение же узкого значения из широкого является одним из признаков специализации семы.

На такой метафорической основе возникло производное значение лексемы узбекского языка шўр (соленый,

пересоленный), которое может быть отнесено к явлению омонимии.

Можно дифференцировать следующие значения лексемы шўр:

ШУР I. 1. Ме'ёрдан ортиқ туз солинган, тами уткир. — 1. Посолено больше нормы, острый на вкус.

2. Тупроқ таркибидан тузнинг куплигидан ер бетидан ҳосил булган туз моддаси. — 2. Образовавшееся солевое вещество на поверхности земли, появившееся от избытка соли.

3. Тернинг уст — бошига тешидан кийимда ҳосил буладиган туз, оқ доғ. — 3. Соль, белое пятно на одежде от высохшего пота.

Единица шўр, образованная на основе сравнения равна двум значениям:

ШУР II фольк. 1. Толеи паст, бахтсиз, бечора; шурлик. — 1. Неудачливый, несчастный, бедный, бедняга, беспомощный.

2. Азоб — укубат, кулфат, бахтсизлик [3]. — 2. Мучение, страдание, невзгода, беда; несчастье.

Каждая из двух лексем вступает в парадигматические отношения со словом аччиқ (горький, горько).

Обратимся к объяснению понятийного содержания данной единицы, представленной в Толковом словаре узбекского языка:

Аччиқ (горький, горько) 1. Тами оғиз-тилни ачитадиган, ловиллатадиган. — 1. Жгущий, щиплющий вкус во рту, языке. Аччиқ гармдори. — Горький перец. Фаргона водийсидан бошқа жойларга экиладиган турп негадир аччиқ таъм, тахир мазага эга булади.

К. Махмудов. Қизиқарли пазандалик. —

Почему-то редька, выращиваемая за пределами ферганской долины, обладает горьким терпким вкусом.

К. Махмудов. Интересная кулинария.

Аччиқ чой. — Крепко заваренный чай. Густо заваренный чай.

... чол майингина кулиб қуйди ва хизмат қилаётганларга битта аччиқ чой олиб келишни буюрди. Газетадан. — ... старик мягко улыбнулся и велел принести крепко заваренный чай работающим. Из газеты.

2. Нордон, тишни қамаштирадиган. — 2. Кислый, набивающий оскомину. Аччиқ (донали) анор. — (букв.:) Гранат с кислыми зернами или же кислый гранат. Отаси аччиқ олма еса, уелининг тиши камашади. Мақол. — (букв.:) Если отец ест кислое яблоко, то сын набивает оскомину. Пословица.

3. Сезги аъзоларга қаттиқ та'сир қиладиган, ўювчи. — Сильно действующий на органы чувств, едкий. Аччиқ газ. — Едкий газ. Аччиқ тамаки. — Едкий табак. Аччиқ хид. — Едкий запах. Жиққа ҳул утин елгиз «пирс — пирс» қилиб аччиқ заҳар тутун буриқтиради. Ойбек. Танланган асарлар. — Совершенно сырые дрова, издавая редкий «пирс-пирс» чадят едкий ядовитый дым. Айбек. Избранные сочинения.

4. *Жизиллатадиган, жонни ачитадиган. — Жгуций, жгуций душу.*

Далаларда кеч кузнинг аччиқ шамоли эса бошлади. С. Ахмад. Кадрон далалар.

В полях начал вять пронзительный ветер поздней осени.

С. Ахмад. Родные поля.

Ташқарида шамол увулар, аччиқ совуқ нақ баданни кесиб кетгудай эди. Газетадан. — Наружу выл ветер, жгуций холод проморозил до костей.

Из газеты.

Тўғирини эгарлади. Ўзини эгар устига олар — олмас, отга аччиқ қамчи босди. С. Анорбоев. Оқсой. — Оседлал гнедого. Едва садясь на седло, взмахнул на лошадь жгучим кнутом. С. Анорбоев. Аксай.

5. перен. Кишига каттиқ тегадиган, кунгилга озор берадиган; каттиқ, нохуш. — Сильно действующий на кого-л., причиняющий боль, неприятный, суровый, жестокий, резкий. Аччиқ истеҳзо. — Горькая насмешка (сарказм).

Аччиқ танқид. — Резкая критика. Хақ сўз — аччиқ сўз. Мақол — Истинное слово — горько. Пословица.

У ҳатто бу аччиқ та'наларни эшитмагандай сур бўлиб турарди.

Мирмухсин. Умид. —

Он как — будто бы не слышал этих горьких упреков... бесстыжий.

Мирмухсин Умид [4].

В единице ШУР I и I-м значении слова аччиқ содержатся общие семантические элементы. Единица же ШУР II парадигматически связывается с 5-м значением слова аччиқ (причиняющий боль — т.е. мучение, страдание...).

Следовательно, в этой связи парадигматических отношений ШУР II происходит из ШУР I. Каждое из двух значений ШУР II, основанных на всех значениях шур, возникая в результате суживания основного значения, специализации, качественно отличающегося своей самостоятельностью на современном этапе, явилось причиной возникновения омонимии. Здесь терминологический «приток» характеризуется отдаленностью, т.к. семантическая специализация ушла из другого «руса».

Следовательно, можно заявить, что семантическая деривация, являясь высшим уровнем прогресса значения слова, становится внутренним сверхпродуктивным фактором обогащения языка новыми единицами, внутренних возможностей обогащения языка, возникновения омонимов в языке.

Литература:

1. Косова, М. В. Терминологизация как лексико-семантический процесс. // Вестник ОГУ, 2004, № 2. — с. 45 (-с.42–47)
2. Узбек тилининг изоҳли лугати. — Толковый словарь узбекского языка. Ташкент, 2007, т. 3, с. 47
3. Узбек тилининг изоҳли лугати. — Толковый словарь узбекского языка. Ташкент, 2008, т. 5, с. 12
4. Узбек тилининг изоҳли лугати. — Толковый словарь узбекского языка. Ташкент, 2006, 1 том, с. 122

Микросистемы номинативных единиц, выражающих понятия национальной идеи в узбекском языке (лексемы центра и периферии)

Таджиева Гульбахор Номозовна, преподаватель;

Ортикова Этиъбор Шухратовна, студент

Каршинский государственный университет (Узбекистан)

В статье выявлены и освещены на примерах микросистемы (лексемы центра и окружения) номинативных единиц, выражающих понятие национальной идеи в узбекском языке.

Одно из семантических полей, формирующихся в лексическом ярусе узбекского языка — система номинативных единиц, выражающих понятие национальной идеи; данная система объединяет в себе сотни единиц. Состав «Семантического поля национальной идеи» также как и другие лексические единицы, имеет своеобразную системную структуру и составляющие её части. В частности, данное поле как отдельная система состоит из ядра, центра, окружения и периферии. В ядре исследуемого

нами «Семантического поля национальной идеи» лежит номинативная единица *озод ва обод Ватан, эркин ва фаровон ҳаёт* (независимая и благоустроенная Родина, свободная и благоустроенная жизнь), центральную часть которого занимают единицы *Ватан равнақи* (процветание родины), *юрт тинчлиги* (мир народа), *халқ фаровонлиги* (благоустройство народа), *комил инсон* (гармонично развитый человек), *ижтимоий ҳамкорлик* (социальное партнёрство), *миллатлараро ҳам-*

жиҳатлик (межнациональное сотрудничество) и *диний бағрикенглик* (религиозная толерантность). В то же время центральные единицы поля непосредственно или посредственно связаны с лексическими единицами окружения, периферийными единицами, занимающими места за окружениями.

Известно, что в научных литературах утверждается, что системность образуется на гипо-гиперонимической основе [1]. Когда речь идёт о данном семантическом поле и его составе, следует обратить особое внимание на гипо-гиперонимические отношения, имеющие важное место среди структур микросистем, языковых отношений между номинативными единицами. Если номинативная единица *озод ва обод Ватан, эркин ва фаровон ҳаёт* (Самостоятельная и благоустроенная Родина, свободная и благоустроенная жизнь), составляющая ядро «Семантического поля национальной идеи», имеет гиперонимический статус, то единицы *Ватан равнақи, юрт тинчлиги, халқ фаровонлиги, комил инсон, ижтимоий ҳамкорлик, миллатлараро ҳамжиҳатлик* и *диний бағрикенглик* размещаются как гипонимы. При этом, безусловно, в силу того, что номинативные единицы, выражающие соответствующие понятия, являются особым явлением между лексическими единицами и свободными сочетаниями, связаны языковым отношением вид-род, отличающимся от лексических гипо-гиперонимических отношений. Поэтому проблемы статуса ядерности номинативной единицы *озод ва обод ватан, эркин ва фаровон ҳаёт*, являющегося гиперонимической единицей и гипонимичности единиц *ватан равнақи, юрт тинчлиги, халқ фаровонлиги, комил инсон, ижтимоий ҳамкорлик, миллатлараро ҳамжиҳатлик* ва *диний бағрикенглик*, по отношению к ядру микросистемы имеет условный характер. Номинативная единица *озод ва обод Ватан*, имея статус гиперонимичности по отношению к составляющим данной системы, и включая их в состав системы, иерархически стоящей выше, отдаляется от статуса единицы центра, и действует как гипонимическая единица. В свою очередь, единицы *Ватан равнақи, юрт тинчлиги, халқ фаровонлиги, комил инсон, ижтимоий ҳамкорлик, миллатлараро ҳамжиҳатлик* и *диний бағрикенглик*, являющихся окружениями поля, объединяет вокруг себя десятки номинативных единиц, и образует отдельные микросистемы, а также, выполняет функцию элемента, связывающего сосоставляющих парадигму с центром поля. Здесь необходимо подчеркнуть, что лексемы *озод, обод, ватан, эркин, фаровон, ҳаёт* могут стать полноценными членами данного семантического поля и занять незыблемое место в этой системе только в том случае, когда они будут служить выражению не отдельных понятий, а цельного, единого общего понятия. Для того, чтобы увидеть своеобразную семантическую природу в совокупном действии данной системы и выражении единого понятия благодаря этому, требуется, чтобы они выражали понятие национальной идеи. Только в случае выполнения ими этих функций, они в совокуп-

ности в ядре «семантического поля национальной идеи» занимают статус гиперонимической единицы. Каждый из номинативных единиц *ватан равнақи, юрт тинчлиги, халқ фаровонлиги, комил инсон, ижтимоий ҳамкорлик, миллатлараро ҳамжиҳатлик, диний бағрикенглик*, являющихся центральными единицами данного поля, также как и в ядровой единице, с точки зрения взаимосвязанности с понятиями национальной идеи, занимают место в составе семантического поля и каждый из них по отдельности выполняет роль гипонима по отношению к ядерной единице. Из этого выясняется, что в семантической структуре номинативных единиц в статусе единицы ядра и центральных единиц существует общность, взаимосвязанность. Если доминантная единица микросистем имеет статус гипонима по отношению к единице, занимающей ядро поля, то по отношению к другим составляющим систему имеет статус гиперонимической единицы. Особенности и признаки семантической природы номинативной единицы *озод ва обод Ватан, эркин ва фаровон ҳаёт* наблюдаются и в семантическом составе центральных единиц *Ватан равнақи, юрт тинчлиги, халқ фаровонлиги, комил инсон, ижтимоий ҳамкорлик, миллатлараро ҳамжиҳатлик* и *диний бағрикенглик*. В частности, философское понятие, выражаемое единицей *ватан равнақи* непосредственно связано с понятием, выражаемом номинативной единицей *озод ва обод Ватан*. Также, единица *диний бағрикенглик*, выражая понятие национальной идеи, созвучные понятиям *эркин ва фаровон ҳаёт*, может относиться к данной системе. Другие члены центра с точки зрения наличия точно таких особенностей и задач имеют своё место в составе поля. В ядре данного семантического поля одна номинативная единица (*озод ва обод Ватан, эркин ва фаровон ҳаёт*), а семь номинативных единиц (1) *Ватан равнақи*, 2) *юрт тинчлиги*, 3) *халқ фаровонлиги*, 4) *комил инсон*, 5) *ижтимоий ҳамкорлик*, 6) *миллатлараро ҳамжиҳатлик*, 7) *диний бағрикенглик*) занимая устойчивое место в центре, связывает элементы окружения и периферии с системой.

Окружение «Семантического поля национальной идеи» образуют номинативные единицы *ватан* (родина), *ватан учун қайгуриш ҳисси* (чувство переживания за родню), *қонун устуворлиги* (приоритет закона), *ижтимоий сиёсий барқарорлик* (социально-политическая стабильность), *ватанпарварлик* (патриотизм), *фуқаролар осойишталиги* (спокойствие граждан), *сарҳадлар дахлсизлиги* (неприкосновенность границ), *миллий армия* (национальная армия), *фаровон турмуш* (благоустроенная жизнь), *кучли ижтимоий ҳимоя* (сильная социальная защита), *жисмоний баркамоллик* (физическое совершенство), *маънавий баркамоллик* (духовное совершенство), *тинчлик ва тотувлик* (мир спокойствие), *умумий мақсад йўлидаги ҳамжиҳатлик* (сотрудничество на пути к единой цели), *миллатларнинг ўзаро тенг ҳуқуқлилиги* (равноправие национальностей), *бошқа миллатларга ҳурмат билан қараиш*

(уважение к другим национальностям), *диний эътиқод эркинлиги* (свобода религиозной веры), *диний қадриятларни ҳурматлаш* (уважение к религиозным ценностям), *виждон эркинлиги* (свобода религии), *турли конфессияларга ҳурмат билан қараш* (уважение к различным конфессиям). Каждый из этих единиц, расположенных в окружении поля, связаны вместе с соответствующими ему центральными единицами к составу ситемы. В частности, номинативные единицы *ватан учун қайгуриш ҳисси* (чувство переживания за родину), *қонун устуворлиги* (приоритет закона), *миллий давлатчилик* (национальная государственность), *ижтимоий сиёсий барқарорлик* (социально-политическая стабильность), *барқарорлик шартлари* (условия стабильности), *тараққиёт кафолатлари* (гаранти развития) являются окружением центральной единицы номинативной единицы *Ватан равнақи*; единицы *фуқаролар осойишталиги*, *сарҳадлар дахлсизлиги*, *миллий армия*, *бунёдкор гоя* (созидательная идея), *вайронкор гоя* (разрушительная идея) окружением *юрт тинчлиги*; единицы *фаровон турмуш*, *кучли ижтимоий ҳимоя* окружением *халқ фаровонлиги*; а номинативные единицы *жисмоний баркамоллик*, *маънавий баркамоллик* окружением центра *комил инсон*; единицы *тинчлик ва тотувлик*, *умумий мақсад йўлидаги ҳамжиҳатлик*, *муроса фалсафаси* (философия примирения) окружением *ижтимоий ҳамкорлик*; номинативные единицы *миллатлар-*

нинг ўзаро тенг ҳуқуқлилиги, *бошқа миллатларга ҳурмат билан қараш*, *миллий тараққиёт* окружением центра *миллатлараро ҳамжиҳатлик* (международное сотрудничество), *миллий-маънавий, маърифий тараққиёт* (национально-духовный, просветительский прогресс), *ўзаро тенг ҳуқуқлилик* (равноправие); единицы *диний эътиқод эркинлиги*, *диний қадриятларни ҳурматлаш*, *виждон эркинлиги*, *турли конфессияларга ҳурмат билан қараш* окружения *диний бағрикенглик* (религиозная толерантность). Как выясняется, каждый из центральных единиц имеет своё окружение. Известно, что в природе и требовании семантического поля иерархическое строение является всем известным явлением, это требование и потребность обеспечиваются отношением между центральной единицей и единицами его окружения. На следующем этапе или ступени вырисовывается точно такая же картина, то есть, элементы, образующие окружение окружения, создавая связь с единицами в статусе окружения, служат образованию иерархичности.

Состав семантического поля национальной идеи, также как и другие языковые поля, имеют сложное строение, периферийные элементы занимают периферийные места поля. Каждая центральная единица, тесно связанная с ядром поля, характеризуется наличием собственного окружения, а отдельные окружения — относящиеся к нему периферийными элементами.

Литература:

1. Юнусова, З. Қ. Ўзбек тилида луғавий микросистеманинг таркиби ва ривожланиши (самовий ёритгичлар луғавий гуруҳи асосида). Филол. фанлари номзоди ... дисс. автореф. — Т., 2005. — Б. 22.
2. Сафарова, Р. Ўзбек тилида лексик-семантик муносабат турлари. — Т.: Ўқитувчи, 1996. — 48 б.
3. Сайфуллаева, Р., Менглиев Б. ва бошқ. Ҳозирги ўзбек адабий тили. — Т.: ФТМ, 2010. — Б.
4. Нейматов, Х., Расулов Р. Ўзбек тили систем лексикологияси асослари. — Т.: Ўқитувчи, 1995. — 127 б.

Статистические исследования распределения компонентов ЛСП «Чувственное восприятие» в романах авторов-мужчин

Тулюлюк Екатерина Васильевна, аспирант
Черновицкий национальный университет (Украина)

Представленная статья освещает специфику употребления сенсорных единиц в мужском нарративе на примерах англоязычной прозы начала XX в. Установлены гендерные особенности в сфере использования слов с признаком чувственного восприятия в художественных произведениях авторов-мужчин и проанализирована частотность употребления сенсорных единиц в произведениях по критерию хи-квадрат.

Ключевые слова: сенсорная лексика (сенсоризмы), хи-квадрат (χ^2), коэффициент взаимной сопряженности.

Язык, как многогранная структура, элементы которой взаимосвязаны и взаимообусловлены, представляет собой ментальную модель реально существующего мира. Контакт между внешним и внутренним миром

происходит на грани чувственного восприятия человеком окружающего мира. Вербализация чувственного восприятия в языке происходит путем создания определенной замкнутой системы сенсорной лексики, образу-

ющей лексико-семантическое поле. Совокупность слов и выражений в языке в области чувственного восприятия выражается понятием «сенсоризмы». «Согласно 5 видам чувственного восприятия (sense perception) лексико-семантическое поле сенсоризмов можно разделить на 5 микрополей: качества, которое воспринимается зрением, слухом, прикосновением, обонянием, вкусом (sight, hearing, touch, odour, taste). В ходе такого процесса максимально абстрактное понятие сменяется более конкретными частями поля.

Языковые единицы, составляющие конкретную языковую основу микрополей, обозначаются следующими терминами: обозначение света, цвета, звука, вкуса, тактильная лексика и одоризмы» [1, с.9].

В современной лингвистике все языковые структуры можно рассматривать сквозь призму гендера. На протяжении последних десятилетий наблюдается разделение языковой личности автора на языковую личность мужчины и на языковую личность женщины [2, с. 100] (иными словами, гендерное деление), процессы мышления мужчин и женщин отражаются в особенностях их речи. Гендерный анализ был создан в 70-е годы XX века в британской (М. Адлер, Р. Макаулей, С. Ромейн) и американской лингвистике (Д. Камерон, Р. Лакофф). На протяжении последнего десятилетия гендерная проблема активно исследуется в украинском (О.Л. Бессонова, О.Л. Козачишина, А.П. Мартынюк, К.В. Пищикова, О.М. Холод и др.) и в русском (Е.И. Горошко, А.В. Кирилина, В.В. Потапов и др.) языкознании. Однако исследуемая проблема не исчерпана в современной лингвистической парадигме. Гендерный фактор играет важную роль в терминах языковой картины мира. Гендерные особенности современной англоязычной прозы уже насчитывают определенное число работ, имеются попытки выявления общелингвистических особенностей мужских и женских персонажных характеристик в произведениях писателей-мужчин и писателей-женщин. Но особенный интерес для исследования представляет специфика употребления сенсорной лексики в речи самих писателей-мужчин и писателей-женщин. Актуальность исследования в представленной статье состоит в определении гендерных особенностей в сфере использования слов с признаком чувственного восприятия в художественных произведениях авторов-мужчин. Целью исследования является выявление специфики употребления сенсорных единиц в мужском нарративе на примере англоязычной прозы начала XX в. Для достижения поставленной цели в статье решаются конкретные задачи:

— определить роль сенсорной лексики в отображении авторской языковой картины мира;

— проследить специфику функционирования сенсоризмов сквозь призму гендера (в частности, произвести в репрезентированной статье анализ сенсорной лексики, присущей мужчинам-авторам).

Системный характер языка предполагает возможность его исследования с помощью статистических методов, ко-

торые дают возможность получить наиболее объективные данные. Это, в свою очередь, обуславливает системность лексики, то есть вероятность применения разнообразных распределений характеристик объектов языка. Основные статистические приемы и понятия и их применение в лингвистике детально рассматриваются в работах В.А. Московича, Х. Муллера, И.А. Носенко, В.В. Левицкого, В.И. Перебейнос и др.

Одним из самых распространенных методов проверки статистических гипотез является критерий χ^2 (хи-квадрат). С его помощью можно определить наличие соответствий или расхождений между распределениями частот наблюдаемых величин [3, с. 120–125]. Критерий χ^2 можно вычислить с помощью формулы:

где O — фактически наблюдаемые величины,
 E — теоретически ожидаемые [3, с. 120].

$$\chi^2 = \sum \frac{(O - E)^2}{E},$$

Сумма χ^2 тем выше, чем больше эмпирические величины отклоняются от теоретических. Для интерпретации полученного результата необходимо установить значимость полученной суммы χ^2 . Число степеней свободы d_f для многопольных таблиц определяется по формуле:

$$d_f = (r - 1)(c - 1),$$

где r — количество строк в таблице,
 c — количество столбцов.

Критические значения сумм χ^2 при определенных степенях свободы подаются в специальных таблицах [4, с. 151–152]. Когда полученные величины сумм χ^2 при определенных степенях свободы превышают критические, то в статистике отклоняют так называемую нулевую гипотезу.

В статистических исследованиях удобно подавать данные для анализа в виде так называемого альтернативного распределения, то есть в виде четырехпольных таблиц, образованных двумя строками и двумя столбцами. Такие таблицы могут быть составлены путем объединения строк и столбцов в многопольной таблице. Сумма χ^2 для альтернативных таблиц рассчитывается по формуле:

$$\chi^2 = \frac{(ad - bc)^2 N}{(a + c)(b + d)(a + b)(c + d)},$$

где a, b, c, d — эмпирические величины в четырехпольных таблицах,

N — общее количество наблюдений [3, с. 123].

Сумма χ^2 дает возможность установить лишь наличие/отсутствие связи между исследуемыми величинами, а не ее степень. Последняя определяется с помощью коэффициента взаимной сопряженности Чупрова K для многопольных таблиц по формуле:

$$K = \sqrt{\frac{\chi^2}{N\sqrt{(r-1)(c-1)}}},$$

где N — общее количество наблюдений,
 g — количество строк в таблице,
 c — количество столбцов.

Для альтернативных четырехпольных таблиц эта формула приобретает вид:

$$K = \sqrt{\frac{\chi^2}{N}}$$

Величины коэффициента взаимной сопряженности могут получить значения от 0 до 1, а значимость устанавливается по величине c^2 [5, с. 153].

На основании полученных данных при исследовании пяти микрополей лексико-семантического поля сенсоризмов в англоязычной прозе мужчин-авторов XX в. осуществлен анализ частотности употребления сенсорных единиц в данных произведениях по критерию хи-квадрат и определена степень связи между данными единицами по параметру интенсивности сочетаемости, которая определяется с помощью коэффициента взаимной сопряженности K (Таб.1).

Анализ результатов расчета критерия χ^2 и коэффициента взаимной сопряженности K для ЛСП сенсоризмов в таблице № 1 дает возможность на основе полученных данных определить интенсивность связи между сенсорными единицами пяти микрополей ЛСП с признаком чувственного восприятия, проанализировав величины коэффициента взаимной совместимости K . Учитывая то, что величины K имеют разную степень связи, следует различать величины K по интенсивности. Поскольку сила связи колеблется от 0,01 до 0,29, то считаем, что величины K можно разделить по степени отклонения на три группы: существенные, средние и низкие отклонения. Деление по данным группам производим с учетом разницы между двумя K и поделив условно на 3 (учитывая

существование трех групп). Иными словами, $K(0,29)$ — $K(0,01) = 0,28: 3 = [9]$. Для существенных отклонений характерно отклонение в пределах приблизительно 9 условных шагов: **0,19–0,29**; средние отклонения включают в себя показатели **0,10–0,18**; низкие: **0,01–0,09**. Анализируя полученные данные на основании величины χ^2 и критерия K , можем констатировать, что наиболее существенными отклонениями стали употребления сенсорных единиц для микрополя sighty в романе *Women in Love* by H. D. Lawrence ($\chi^2=4614,4$ $K=0,29$) и для микрополя touchy в романе *Tender is the Night* by F. Scott Fitzgerald.

Восприятие окружающего мира с помощью зрения играет определяющую роль в развитии и формировании понятийной сферы и, соответственно, языковой семантики. Для изображения состояния окружающей среды, которая часто является отражением эмоционального состояния лирического героя, для воспроизведения самого характера героя писатели используют понятийные зрительные лексические единицы. Они характеризуются емкой семантической структурой. В романе *Women in Love* by H. D. Lawrence автор уделяет большое внимание ярким средствам передачи особенностей авторского мировосприятия — цветообозначениям. В представленном художественном тексте они приобретают значительную стилевую активность. Интересным авторским решением является описание одежды героев в цвете, что подсознательно демонстрирует специфику характера героев романа. *The little Italian Contessa wore a dress of tissue, of orange and gold and black velvet in soft wide stripes, Gudrun was emerald green with strange net-work, Ursula was in yellow with dull silver veiling, Miss Bradley was of grey, crimson and jet, Fraulein Marz wore pale blue* [6]. Урсула — проста и откровенна. Желтый цвет в описании ее одежды символизирует эти черты ее характера, несет в себе яркость и откровенность ее эмоций. Се-

Таблица 1. Статистические параметры распределения компонентов ЛСП «Чувственное восприятие» в романах авторов-мужчин

Novel	Sight	Hearing	Touch	Taste	Smell
<i>The Great Gatsby</i> by F. Scott Fitzgerald		$\chi^2=129,2$ $K=0,05$			
<i>The Ivory Child</i> by H. Rider Haggard		$\chi^2=23,9$ $K=0,02$	$\chi^2=91,2$ $K=0,04$	$\chi^2=16,5$ $K=0,01$	
<i>The Wanderer's Necklace</i> by H. Rider Haggard		$\chi^2=927,9$ $K=0,13$	$\chi^2=20,8$ $K=0,02$		
<i>Women in Love</i> by H. D. Lawrence	$\chi^2=4614,4$ $K=0,29$			$\chi^2=6,3$ $K=0,01$	
<i>The Hound of Baskervilles</i> by Conan-Doyle		$\chi^2=19,1$ $K=0,02$			
<i>The Tragedy of Birlstone</i> by Conan Doyle		$\chi^2=174,7$ $K=0,06$			
<i>The Rainbow</i> by H. D. Lawrence	$\chi^2=84,7$ $K=0,04$	$\chi^2=27,3$ $K=0,02$			$\chi^2=170,6$ $K=0,06$
<i>Tender is the Night</i> by F. Scott Fitzgerald			$\chi^2=2106,5$ $K=0,19$		$\chi^2=15$ $K=0,01$

ребяный цвет символизирует покой, что характеризует Урсулу как человека с более приземленными взглядами. В отличие от нее Гудрун, как художница, человек искусства, постоянно ищет новых впечатлений и не задерживается долго на одном месте. Ее привлекают мрак и опасность. Зеленый цвет ее одежды символизирует демоническое проявление внутренней дикой силы.

Тактильная лексика в романе *Tender is the Night* by F. Scott Fitzgerald несет большие экспрессивные возможности. Исходя из контекста она может приобретать разнообразные приращения к смыслу и благодаря этому ее роль в создании подтекстовой информации возрастает. Тактильная лексика воссоздает полную картину общения людей друг с другом, человека с природой, с окружающей его средой. *Out there the hot light clipped close her shadow and she retreated — it was too bright to see* [7];

Deferential palms cooled its flushed façade, and before it stretched a short darling beach [7].

При дальнейшем анализе данных таблицы можем констатировать, что средний коэффициент K колеблется от 0,10 до 0,18. К средним отклонениям относится лексика чувственного восприятия микрополя *hearing* в романе *The Wanderer's Neck lace* by H. Rider Haggard. Самый низкий показатель зафиксирован для сенсоризмов микрополей *taste* и *smell* ($K=0,01$).

Таким образом, мы можем утверждать, что те лексические микрополя, которые имеют наибольшие показатели K , указывают на наиболее вероятную тенденцию авторов-мужчин к использованию лексических единиц данных микрополей с целью выражения авторского замысла в раскрытии содержания художественного произведения, а также изображения основных черт характеров главных персонажей.

Литература:

1. Волошина, О.В. Роль сенсорной лексики у створенні художньої образності (на матеріалі англійської прози): автор. дис.канд.філол.наук: спец 10.02.04 — германські мови / Оксана Володимирівна Волошина.— К., 1994.— 24с.
2. Горошко, Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Елена Игоревна Горошко. — Москва-Харьков: ПД «ИНЖЕК», 2003. — 437с.
3. Левицкий, В. В. Семасиология / Левицкий В. В. — Винница: Нова Книга, 2006. — 512 с.
4. Носенко, И. А. Начала статистики для лингвистов /И. А. Носенко. — М.: Высшая школа, 1981. — 157 с.
5. Тулдава, Ю. А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики / Ю. А. Тулдава. — Таллин: Валгус, 1987. — 204 с.
6. H. D. Lawrence. Women in Love. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ebooks.adelaide.edu.au/l/lawrence/dh/l41w/chapter31.html>
7. F. Scott Fitzgerald Tender is the Night [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ebooks.adelaide.edu.au/f/fitzgerald/f_scott/tender/index.html.

Соотношение терминов «конверсия» — «морфолого-синтаксический способ деривации» — «категориальный переход (переход единицы из одной части речи в другую)»

Цой Екатерина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В ходе изучения морфологических способов словообразования в русском языке (префиксального, суффиксального, префиксально-суффиксального т.п.) лингвисты столкнулись с производными словами, образованными без использования каких-либо аффиксов. Исследование безаффиксальных производных слов отечественными лингвистами привело к появлению нескольких разных терминов для обозначения процессов перехода слов и словоформ из одной части речи в другую без использования словообразовательных аффиксов.

Термин «конверсия» как обозначение особого способа образования языковых единиц появляется в отече-

ственной лингвистической литературе начиная с работ А. И. Смирницкого.

Заслуга А. И. Смирницкого состоит в том, что он определяет конверсию именно как способ словообразования, а не как чисто речевое явление — употребление одного и того же слова в функциях разных частей речи, как она понималась ранее, и впервые ставит вопрос о смене парадигмы, включающей в себя вновь произведенное слово, как формально выраженном словообразовательном средстве конверсии.

А. И. Смирницкий отмечает словообразовательную роль парадигмы производящей и производной единиц

в процедурах и результатах конверсии: «Конверсия есть такой способ словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова» [1, с. 24]. А.И. Смирницкий дает такое определение конверсии как способа словообразования с учетом словообразовательных отношений между существительными и глаголами в английском языке (типа *to love любить, a love любовь*).

Следует отметить, что именно работы А.И. Смирницкого послужили отправным пунктом для различного рода дискуссий о конверсии как особом, отдельном от других способах словообразования не только на материале английского языка (Ю.А. Жлуктенко, А.Я. Загоруйко, П.А. Соболевой и др.), но и на материале других языков: молдавского (Н.Г. Корлэтяну), русского (Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, К.А. Левковская, В.М. Никитевич, И.В. Никиенко). В большинстве работ о конверсии, появившихся после работ А.И. Смирницкого, осуществляется дальнейшая интерпретация этого способа словообразования применительно к фактам разных языков и дальнейшее развитие его взглядов.

Так, если А.И. Смирницкий рассматривал конверсию в английском языке как морфологический способ словообразования, при котором смена парадигмы играет основную роль в оформлении нового частеречного статуса производного слова, то Ю.А. Жлуктенко относил ее к морфолого-синтаксическим способам словообразования: «Слова относятся к определенным грамматическим типам не только в соответствии с системой их форм, но в зависимости от грамматических связей между словами» [2, с. 54]. Он говорит также о том, что помимо новой парадигматической включенности производного слова, нужно учитывать роль различий в грамматической сочетаемости (дистрибуции) производящей и производной единиц, которые неизбежно обнаруживаются при использовании нового слова в рамках предложения. Такой фактор, как изменение дистрибуции нового (производного) слова, становится единственным средством различения слов при конверсии в тех случаях, когда 1) исходное и производное слова имеют одинаковую парадигму: *late* «поздно» (наречие) *later* «позже» (форма сравнительной степени наречия) *latest* «позже всего / всех» (форма превосходной степени наречия) и *late* «поздний» (прилагательное) *later* «позже» (форма сравнительной степени прилагательного) *latest* «самый поздний» (форма превосходной степени прилагательного); 2) парадигма отсутствует как у исходного, так и у производного слова (т.е. состоит из одной формы), например: *must* (глагол) — «должен»; *must* (сущ.) — «то, что должно быть сделано, прочитано»; *must* (прилаг.) — «необходимый, обязательный».

Таким образом, исследование самого словообразовательного процесса свидетельствует об особой роли синтаксического фактора (сочетаемости с другими языковыми единицами в контексте предложения) в образовании слов способом конверсии. Определяя конверсию в ан-

глийском языке как морфолого-синтаксический способ словообразования, Ю.А. Жлуктенко в качестве словообразовательных средств называет грамматическую сочетаемость и грамматическую форму слова.

Конверсию как именно морфолого-синтаксический способ словообразования в английском языке определяет и А.Я. Загоруйко: «Конверсия — морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором слово одной части речи образуется от основы или словоформы другой, причем единственными средствами является парадигма (или нулевая парадигма) слова или его сочетаемость с другими словами» [3, с. 12].

Уже в данном определении можно выявить два типа конверсии как способа словообразования: во-первых, конверсия *основы* производящего слова, когда производящая основа слова одной части речи порождает производное слово другой части речи; и, во-вторых, конверсия грамматической *словоформы*, когда происходит категориальное переосмысление грамматической формы слова (словоформы).

В русской дериватологической традиции термин «конверсия» также употребляется в ряде исследований в значении особого способа словообразования без использования словообразовательных аффиксов. Такое понимание конверсии как перехода основы производящего слова в другую часть речи встречается в работах Е.С. Кубряковой, К.А. Левковской: «Конверсия может быть определена как процесс морфологической транспозиции основы и, следовательно, как процесс полной смены парадигмы у исходной единицы или как результат полного изменения у нее» [4, с. 75], «Наиболее тесно соприкасается словообразование (словопроизводство) с грамматикой в т.н. конверсии, когда образование нового слова осуществляется посредством перевода его основы в другую часть речи и приобретения данной основой грамматических форм этой последней части речи» [5, с. 166].

Е.А. Земская рассматривает конверсию как способ деривации, при котором происходит категориальное переосмысление грамматической *формы* слова (словоформы), считая, что на материале русского языка конверсивные процессы представлены в основном субстантивацией: «В словообразовании особое место занимает способ, при котором деривационное значение в производном выражается с помощью специфического преобразования парадигмы словоизменения производящего. Этот способ принято называть конверсией. В русском языке конверсия действует при образовании имен существительных, мотивированных и по форме, и по смыслу прилагательными и причастиями. Данный способ словообразования называется субстантивацией» [6, с. 180–181].

Отнесение к конверсии фактов субстантивации прилагательных и причастий в русском языке обусловлено особым способом проявления парадигмы словоизменения ее преобразованием: «Это изменение, считает А.А. Лопатин, заключается в том, что парадигма преобразуется не полностью, не качественно, а лишь количественно; со-

храняется часть парадигмы прилагательного (система флексий только одного рода) с одновременным приобретением морфологических и синтаксических свойств другой части речи — существительного» [7, с. 78].

Несмотря на различия в морфологическом строе английского и русского языков, в русском языке также выделяется два вида конверсии: *конверсия основы* и *конверсия формы* [8, с. 26].

Исследование разными лингвистами наречий, образованных из падежных и предложно-падежных форм существительных, привело к появлению следующих терминов для обозначения способа их образования:

1) переход из одной части речи в другую, адвербиализация как один из видов категориального перехода: «Процессы перехода одной части речи в другую мы будем называть латинскими терминами, как субстантивация, адъективация, вербализация, прономинализация, адвербиализация, конъюнкционализация» [9, с. 427], «Наиболее резко выражена и часто встречается переходность в области наречий» [10, с. 153];

2) морфолого-синтаксический способ образования (термин принадлежит В. В. Виноградову): «К морфолого-синтаксическим способам словообразования относятся переходы слов из одной части речи в другую, например, субстантивация прилагательных, адвербиализация (переход в наречия) падежных форм имени существительного» [11, с. 158], «Адвербиализация как один из видов морфолого-синтаксического словообразования стоит в одном ряду с субстантивацией, адъективацией и другими разновидностями этого типа, поскольку все эти процессы имеют признаки, существенно отличающие морфолого-синтаксическое словообразование от морфологического» [12, с. 45];

3) конверсия: «Переход слов из одной части речи в другую относится к морфолого-синтаксическим способам словообразования. Имеется, однако, и общий термин, который применяется тогда, когда речь идет вообще об этом особом виде словообразования, т.е. когда лексические единицы формируются без использования морфологических словообразовательных элементов в виде суффиксов и префиксов. Таким термином следует считать конверсию» [13, с. 85], «В терминах конверсии удается естественным образом описывать различные типы т.н. «морфолого-синтаксического» и «безаффиксального словообразования» в русском языке» [14, с. 509], «Конверсия — такой способ деривации, при котором на основании конфликта между категориальной семантикой и синтаксической функцией осуществляется переход данной формы из одной части речи в другую» [8, с. 26].

Следовательно, понятия категориального перехода (перехода из одной части речи в другую), морфолого-синтаксического способа словообразования и конверсии (точнее, конверсии формы, актуальной для русского языка) являются терминами-дублетами, обозначающими один и тот же способ деривации, но ставящие разные акценты на составных элементах его механизма.

Если в первом случае в центре внимания находится понятие переходности с акцентом на указание той грамматической категории, в которую переходит та или иная языковая единица, то во втором случае в центре исследовательского внимания находится сам способ образования новых слов, который заключается в изменении морфологических и синтаксических характеристик производной единицы.

Роль синтаксического окружения производной (в частности, адвербиальной) единицы в рамках предложения проявляется в двух аспектах: с одной стороны, семантика адвербиала формируется в обстоятельственной (в основном прилагательной) позиции, с другой стороны, для опознания его категориальной принадлежности требуется участие контекста.

В рамках разрабатываемой в данной работе концепции конверсии существенно мнение А. Н. Тихонова о том, что при переходе слов из одной части речи в другую семантика является определяющим фактором: «Роль синтаксических моментов сводится к тому, что они благоприятствуют преобразованию слов или, наоборот, тормозят его. Что касается морфологических факторов, то они закрепляют сдвиги в семантическом развитии слова» [15, с. 225]. Следовательно, термин «морфолого-синтаксический способ словообразования» не совсем точно отражает смысл этого процесса, так как он не содержит указания на семантические сдвиги, происходящие при переходе слов из одной части речи в другую.

В продолжение лингвистической традиции по изучению образования наречных единиц из падежных и предложно-падежных форм существительного способ образования наречных (адвербиальных) единиц как словного, так и сверхсловного типов определяется как «адвербиальная конверсия» — способ деривации, при котором на основании взаимодействия между категориальной (субстанциональной) семантикой и синтаксической (обстоятельственной) функцией осуществляется переход падежной или предложно-падежной формы субстантива / именного словосочетания в категорию единиц с адвербиальной категориальной (частеречной) семантикой.

Понимание конверсии как способа деривации, при котором происходит семантико-функциональное преобразование в пределах сохраняющей внешнее тождество формы слова или словосочетания, позволяет рассматривать в рамках одной системы и однословные (орфографически цельнооформленные и орфографически раздельнооформленные) наречия как результат конверсии словоформы существительного и сверхсловные адвербиальные единицы, являющиеся результатом конверсии именных сочетаний.

Неоднословные, или сверхсловные, адвербиалы образуются в результате конверсии целого именного словосочетания, ср.: *Я доволен большей частью своей работы* (творительный падеж именного словосочетания в роли дополнения) — *Мы развернули строительство промышленных объектов большей частью за*

городом (конверсив, адвербиальный синлекс; конвертируемой формой по отношению к нему выступает именное словосочетание *большая часть* в творительном падеже); *Мы не можем включить эти два часа в рабочее время* (именное словосочетание в винительном падеже в роли дополнения) *В рабочее время запрещено заниматься посторонними делами* (конверсив, адвербиальный синлекс; конвертируемой основой для него послужило именное словосочетание *рабочее время* в винительном падеже с предлогом *в*).

Причиной преобразования падежной или предложно-падежной формы именного словосочетания в сверхсловный адвербиал (синлекс) является уже упоминаемый ранее конфликт субстантивной семантики грамматически опорного слова словосочетания и его синтаксической функции обстоятельства в предложении. В результате конверсии именных словосочетаний происходит переосмысление всего их лексико-грамматического состава.

Однако семантически цельными, несмотря на факт грамматической раздельнооформленности, адвербиальные конверсивы становятся после сопровождающей конверсию лексикализации, семантическим механизмом которой являются семантические изменения (сдвиги), происходящие в конвертированной единице.

Лексикализация любого нового обозначения в языке зависит от актуальности обозначаемого понятия для большого круга говорящих.

Лексикализация конвертированных образований типа *в ближайшем будущем*, *крупным планом* и т.п. способствует слиянию значений отдельных лексических элементов исходного словосочетания в единое семантическое целое.

Д. Н. Шмелев характеризует создание составных наименований, основанных на устойчивом употреблении сочетаний слов, как один из исконных способов номинации и отмечает обусловленность увеличения количества такого рода наименований стремительно возрастающими потребностями номинации в настоящее время [16, с. 34].

Следовательно, именно конверсия конкретных падежных и падежно-числовых форм словосочетаний является способом образования т.н. адвербиальных син-

лексов. Термин «**синлекс**», введенный в научный обиход Г. И. Климовской, обозначает такую номинативную единицу: композитивную (составную) по грамматической структуре, стилистически нейтральную, с закрепленным лексным составом и порядком следования грамматически раздельнооформленных элементов, выполняющую «чисто» номинативную функцию [17, с. 4].

Адвербиальные синлексы — это лексически составные, устойчивые по составу, номинативные по функции и стилистически нейтральные наименования разного рода обстоятельств, в которых протекает действие, обозначенное глаголом-сказуемым: *разговаривать / звонить* когда? **в рабочее время**, *заниматься спортом / вязать* (когда?) **в свободное время**, *решить какую-либо проблему* (как?) **в первую очередь / в последнюю очередь**.

Адвербиальный синлекс — это функциональный аналог собственно наречия в синлексическом пласте адвербиального фонда номинативного состава языка.

Доказательством номинативной и функциональной равнозначности однословных и неоднословных номинативных единиц может послужить следующий ряд адвербиалов, образованных от одной мотивирующей основы «очередь»: *поочередно*, *по очереди*, *в порядке очереди*. В данном случае одно значение (с некоторыми — в основном функционально-стилевыми — различиями) выражается несколькими материальными формами разной морфологической структуры. Кроме того, адвербиальные синлексы входят в те же лексико-грамматические ряды, что и собственно наречия: собственно характеризующие (образа действия, меры и степени) и обстоятельственные (времени, места, цели, причины), причем отнесенность каждого синлекса к тому или иному ряду определяется с помощью тех же грамматических вопросов, которые применимы и к словным наречиям.

Таким образом, выбор термина конверсия для обозначения способа образования адвербиальных номинативных единиц разных структурных типов (как она определена выше) позволяет представить словные и сверхсловные адвербиальные единицы как единую систему.

Литература:

1. Смирницкий, А. И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностр. яз. в шк. — 1953. — № 5. — с. 21–31.
2. Жлуктенко, Ю. А. Конверсия в современном английском языке как морфолого-синтаксический способ словообразования // Вопр. языкознания. — 1958. — № 5. — с. 53–64.
3. Загоруйко, А. Я. Конверсия — морфолого — синтаксический способ словообразования: (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Я. Загоруйко. — М., 1961. — 27 с.
4. Кубрякова, Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопр. языкознания. — 1974. — № 5. — с. 64–76.
5. Левковская, К. А. О словообразовании и его отношении к грамматике // Вопросы теории и истории языка. — М., 1952. — с. 153–182.
6. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. — М.: Просвещение, 1973. — 304 с.
7. Лопатин, В. В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопр. языкознания. — 1966. — № 1. — с. 76–87.

8. Никиенко, И. В. Адъективные конверсивы в современном русском языке: (на материале отыменных образований): дис. ... канд. филол. наук / И. В. Никиенко. — Томск, 2003. — 310 с.
9. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — 2-е изд. — Л.: Учпедгиз, 1941. — 620 с.
10. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — 7-е изд. — М.: Учпедгиз, 1956. — 512 с.
11. Виноградов, В. В. Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике: избр. тр. / В. В. Виноградов. — М., 1975. — с. 155–166.
12. Ермакова, О. П. О некоторых общих вопросах словообразования наречий // Развитие словообразования современного русского языка. — М., 1966. — с. 45–54.
13. Корлэтяну, Н. Г. Конверсия в современном молдавском языке // Вопр. языкознания. — 1956. — № 3. — с. 84–93.
14. Мельчук, И. А. Словообразование и конверсия // Русский язык в модели «смысл-текст» / И. А. Мельчук. — М.; Вена, 1995. — с. 505–512.
15. Тихонов, А. Н. Части речи — лексико — грамматические разряды слов // Вопросы теории частей речи: (на материале языков различных типов). — Л., 1968. — с. 219–228.
16. Способы номинации в современном русском языке. — М.: Наука, 1982. — 294 с.
17. Климовская, Г. И. Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка: система, границы, функционирование. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978б. — 200 с.
18. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. — Минск: Вышэйш. шк., 1985. — 157 с.

ФИЛОСОФИЯ

К проблеме философского осмысления феномена будущего

Багнюк Валерия Александровна, студент;
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: феномен будущего, социальная утопия, утопическое видение будущего, раннесоветская фантастика.

Человека как живое мыслящее существо крайне интересует будущее. Будущее расположено на базовой оси координат, на основании которых человек может ориентироваться в мире. Оно «неизбежно включено в индивидуальное и социальное время» [6, с. 172].

Динамика мира находит отражение в том, что «время для человека не просто длительность, недифференцируемый поток, сплошная последовательность изменений. Мы способны не только различать единицы времени, отсчитывая минуты и часы, мы рассматриваем время как единство трех частей, состояний или модусов — прошлого, настоящего и будущего» [5]. В обосновании своей точки зрения на то, что человеческую сущность более всего раскрывает не прошлое или настоящее, а будущее, С. В. Пирожкова ссылается на рассуждения М. Хайдеггера, акцентировавшего внимание на конечности индивидуального бытия, и на Х. Ортегу-и-Гассета, напротив, утверждавшего побудительный характер будущего: «... Человек это не прошлое, не тело, полученное от родителей, не воспитание и знания, приобретенные в детстве и юности, и даже не опыт жизни, а прежде всего те самые грезы и мечты — будущее, которого еще нет. Поэтому здравомыслящий и практичный человек, в той мере в какой он является человеком, т.е. деятельным, волящим и свободным существом, обращен не к прошлому, а к будущему» [5].

Обратимся к собственно работе испанского философа, который отмечает: «... Перед нами удивительное существо, чье бытие состоит не в том, что уже есть, а в том, чего еще нет; иначе — сущее в том, чего еще не существует [12, с. 187]. Это стремление не может быть одинаковым для всех людей с основания мира: «каждая эпоха, и каждый народ, и даже каждый индивид по-разному формируют такое общечеловеческое стремление» [12, с. 187]. Человек не выбирает эпоху, он не равен другим, у него, соответственно, собственная программа будущего, свой выбор. Право-

мерно было бы, опираясь на наш исходный тезис о взаимосвязанности прошлого, настоящего и будущего, дать определение последнему. С. В. Пирожкова считает по этому поводу, что «будущее корректно определить как совокупность объектов будущего опыта, это не абстрактное будущее мира, но всегда будущее для нас. Когда говорят о предвидении как о знании будущего, неявно предполагают, что прошлое и настоящее нам известны. Однако в действительности в пространство будущего — будущего для нас, будущего опыта — попадают объекты, уже существующие или существовавшие. Поэтому предвидение — это знание о возможных объектах будущего опыта, а также о таких объектах, которые не могут быть включены в наш опыт» [5]. Оставив за рамками нашей работы проблему предвидения, представляется возможным получить вполне объективистское определение, опирающееся на наличие опыта, присутствующего в будущем, и опыта предполагаемого.

Не отрицая опытной составляющей будущего, немецкий экзистенциалист К. Ясперс не столь радикален в своих выводах. Задаваясь вопросом: «Не является ли существенным смыслом нашего труда жизнь ради будущего? — он отвечает, — Думаю, что нет. Ибо и будущему мы служим лишь в той мере, в какой мы достигаем осуществления в настоящем. Не следует ждать подлинного лишь от будущего» [8, с. 496]. Тем не менее, в специальной части своего труда «Истоки истории и ее цель» К. Ясперс пишет целую главу «Проблема будущего». В ней мы видим солидарное с целым рядом мыслителей мнение о том, что «видение настоящего в такой же степени зависит от восприятия прошлого, как и от прогнозирования будущего. Наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее» [7, с. 155]. Несмотря на то, что дальнейшие рассуждения Ясперса связаны лишь с проблемой прогнозирования, о чем в нашей работе речь пойдет далее, важно в данном случае то, что

он не просто вписал будущее в свою концепцию истории, но и отвел ему важное место в качестве главного критерия оценки настоящего и прошлого, что роднит его точку зрения с оценкой данного феномена Х. Ортегой-и-Гаскетом.

Целое направление, связанное с изучением социальных утопий, направленных в будущее, примыкает к философскому осмыслению данного феномена. Для нас в данном случае важны те характеристики, которые позволяют подтвердить или расширить теоретическое понимание объекта нашего исследования. Более того, предметное поле исследования ориентирует нас на утопии, возникающие в недрах идеологий. К. Мангейм, показавший различие данных дефиниций в своей одноименной работе, тем не менее, выделил наряду с исторически ушедшей формой утопического сознания — хилиастической утопией анабаптистов, три современные, как Мангейму, так и нам: либерально-гуманистическую, консервативную, социалистическо-коммунистическую.

Либерально-гуманистическое сознание, в понимании данного автора — нормативно. Оно «презирает как дурную действительность все то, что завершило свое историческое становление, и все настоящее ... Здесь полное осуществление идеала перемещается в далекое будущее» [2, с. 140]. Консервативное видение утопично потому, что прошлое в нем присутствует как постоянный компонент, где были заложены бытийные в целом и ценностные основы. Оно присутствует в настоящем и непосредственно переживается [2, с. 148]. При этом «будущее оставалось для него совершенно недифференцированным» [2, с. 156]. Социалистическо-коммунистическая утопия характеризуется тем, что царство равенства и свободы проецируется на далекое будущее, в чем Мангейм обнаруживает сходство с либеральной утопией [2, с. 151–152]. Завершается анализ авторским выводом о том, что будущее предстает перед нами в форме возможности. Что же касается сферы познания, оно скрыто непроницаемой стеной, преодоление которой поднимает вопрос о существующих, в том числе и утопических, возможностях. Когда же автор поднимает важнейший вопрос о том, кто должен сделать этот выбор, и отвечает на него: каждый человек [2, с. 168], то мы можем заключить, что идеологии, проекты, партийные программы призваны помочь ему этот выбор сделать.

Поскольку идея будущего связана с мечтой или ожиданиями, то нередко они воплощаются в образы. Мечта, «в отличие от большинства политических проектов, уже работает — как обретшее свой образ прекрасное» [1, с. 65]. В массовом обществе проводником такого прекрасного будущего является реклама, в том числе и политическая. Она снимает противоречие между прекрасным образом и малопривлекательными для обывателя политическими проектами. Г. Маркузе отмечал, что «если язык политики проявляет тенденцию к тому, чтобы стать языком рекламы, тем самым преодолевая расстояния между двумя далеко отстоящими друг от друга обще-

ственными сферами, то такая тенденция, по-видимому, выражает степень слияния в технологическом обществе господства и администрирования, ранее бывших отдельными и независимыми функциями» [3, с. 135]. То, что Маркузе, вполне оправданно, видит как расширение форм контроля правящим классом всех сфер от труда до торговли и отдыха, нас интересует лишь в том плане, что будущее в партийных программах предстает как товар, а его продвижение как «уникального торгового предложения» упаковывается в рекламу, преподносящую через сферу прекрасного «преимущества единственно правильного выбора» и убытки от альтернативных предложений.

Между тем сама действительность способна стать рекламой будущего, даже в случае с утопией. С такой новизной воплощенной коммунистической утопии столкнулась наша страна. Причем, дважды в советской истории — в первые послереволюционные годы и в начале шестидесятых. Ричард Стайтс, описывая утопический менталитет, ссылаясь на русскую исследовательницу В. Ф. Захарину, предлагает разделять «образы будущего идеального общества» и «программы» [9, с. 13]. В работе Стайтса большее внимание уделяется утопическому видению будущего, но одновременно показано, как программы начинают воплощаться в элементы будущего: новые праздники, призывающие будущее, архитектурные сооружения, новые формы объединения людей — коммуны, организации труда и т.п. Особое внимание Стайтс уделил раннесоветской фантастике, и тому есть ряд причин, с которыми можно согласиться. Во-первых, «фантастика была способом политического дискурса в непарламентском обществе» [9, с. 189]. Во-вторых, «авторы научной фантастики были посредниками между амбициями властей и доступными для народа концепциями, и представляемый ими объемный образ объединенного мира открывал слой надежды, скрытый под наружным слоем языка политики» [9, с. 180]. Здесь надо обратить особое внимание как на образное представление о будущем, свойственное человеческому восприятию, так и на скудость языка политических программ, идеологических текстов «классиков»: «идеология» в любом случае не фиксированный набор идей, к которым накрепко привязаны лидеры. Научная фантастика ранних лет была разработкой и популяризацией неясных и схематичных намеков на будущее, которые присутствовали в марксистских текстах» [9, с. 179]. Еще на одно обстоятельство хотелось бы обратить внимание: картины будущего были прямой противоположностью тем обстоятельствам, в которых жили люди двадцатых годов XX века [9, с. 171]. Интересен своего рода «экспертный опрос» относительно дальнего будущего, проведенный в конце двадцатых годов и опубликованный в 1929 году. Это своего рода «попытка построить футурологическую проекцию через опросный лист, опубликованный в конце 1920-х в периодическом издании «Тридцать дней». Писатели и публицисты опрашивались по поводу их видения России «сто лет спустя». Ответы были лаконичными, но содержательными. Эконо-

мист Юрий Ларин говорил о мире свободном от государства, без разделения на классы и эксплуатации, подъеме технологии и «счастливым будущем» [9, с. 169].

Суммируя результаты опроса, Р. Стайтс пишет: «Объемный труд, опубликованный в 1929 г., представляет более технологичный подход: различные представления мира будущего глазами видных научных деятелей в области от физиологии и астрономии до землепользования, антропологии и психологии. В очерках, касающихся науки, технологии и общества, предсказываются коммуны-города, индивидуальные полеты, небоскребы огромных размеров, соединенные мостами и авиастанциями, более здоровая и длительная жизнь. Арон Залкинд, очень влиятельный психоневролог того времени, собрал некоторые из этих образов в нечеткую картину приближающегося мира-коммуны, населенного людьми с новыми органами, новым

мышлением и новыми эмоциональными возможностями. Это мир, в котором основной проблемой человечества будут не отношения между людьми, а скорее отношения между человечеством и природой — прямое заимствование у Богданова...» [9, с. 169]. Мотиваторами подобного видения будущего научной и управленческой элитой были победа в революции и гражданской войне, попытка справиться с окружающим пространством (авиация, полеты в космос) и временем (в том числе и победа над смертью в соответствии с учением Федотова). Это миллениаристское видение победы коммунистического строя над капиталистическим адом в результате глобальной войны. Постепенная деполитизация общества и переход от управления людьми к управлению вещами (природой) в духе марксистских постулатов о коммунизме венчают утопическую проекцию.

Литература:

1. Блох, Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. — М., 1991. — с. 49–79.
2. Мангейм, К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит. — М., 1991. — с. 113–169.
3. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. — М.: Ref-book, 1994. — 368 с.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Размышления о технике // Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. — М., 1997. — с. 187–188.
5. Пирожкова, С. В. Предвидение и его эпистемологические основания [Электронный ресурс] // Вопр. философии. 2011. № 11. Электрон. версия печат. публ. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=421&Itemid=52 (дата обращения: 19.02.2015).
6. Сенцов, А. Э. Особенности представления концепта будущего в программных документах партии «Единая Россия» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. — с. 172–174.
7. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М., 1991. — с. 28–287.
8. Ясперс, К. Философская вера // Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М., 1991б. — с. 420–508.
9. Stites, R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution / R. Stites. — N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1989. — 307 p.

Л. Фейербах о диалектике религии и атеизма

Исаков Алексей Александрович, кандидат философских наук, доцент;
Кузьмина Ангелина Игоревна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Статья посвящена проблеме взаимоотношения религии и атеизма. Опираясь на идеи Фейербаха, авторы показывают, что религия и атеизм находятся в тесной диалектической связи. Религия является источником атеизма, атеизм несет в себе отличительные черты породившей его религии. Атеизм может рассматриваться как средство самопознания религии.

Ключевые слова: религия, атеизм, диалектика, немецкая классическая философия, Фейербах.

L. Feuerbach of the dialectic of religion and atheism

Isakov A. A., PhD in Philosophy, associate professor;
Kuzmina A. I., student.

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arsamass Branch

The article is devoted to the problem of relations between religion and atheism. Based on ideas of Feuerbach, the authors show that religion and atheism are in close dialectical relationship. Religion is the source of atheism, atheism carries the distinctive features of its parent religion. Atheism can be considered as a means of self-knowledge religion.

Keywords: religion, atheism, dialectics, German classical philosophy, Feuerbach.

Ценностный плюрализм современного общества, мирное, хотя и напряженное, сосуществование секулярного и религиозного, разных исторических типов религиозного сознания — объективный факт и серьезная научная проблема. Его можно было бы объяснить факкультативностью религии в современном мире, но дело здесь не только в характеристиках постиндустриального общества, но и в особенностях исторического развития ценностных систем, оказавшихся способными к мирному сосуществованию. Наш подход основан на том, что религия и атеизм представляют собой не взаимоисключающие явления, напротив, они находятся в диалектической связи. Доказательство тому — неклассический период развития философии, когда очевидной становится тенденция к удержанию и религией, и атеизмом значимых результатов развития друг друга. К сожалению, такое положение вещей не осознается современным обществом адекватно. Публичная дискуссия носит упрощенный характер, и это при том, что философское сообщество стремится донести до спорящих реальное положение дел, популяризовать диалектический подход [1]. Задача нашей статьи — продемонстрировать диалектику атеизма и религии на примере конкретного, причем атеистического, мировоззрения.

«Сущность христианства» Людвиг Фейербаха остается одним из наиболее выдающихся памятников философского атеизма, проникнутого гуманистическим пафосом, она, как никакой другой труд, демонстрирует взаимозависимость религии и атеизма. Это изначально было одной из задач автора. В предисловии ко второму

изданию Фейербах писал: «Если даже моя книга носит отрицательный, безбожный, атеистический характер, то ведь не надо забывать, что атеизм — по крайней мере в смысле моей книги — есть тайна самой религии...» [4, с. 20]. Отчасти это было вызвано ориентацией на диалектический метод Гегеля, но к тому имелись и более глубокие предпосылки, которые, на наш взгляд, носят ценностный характер. Постараемся продемонстрировать их, учитывая, что сам Фейербах еще не применяет категории «ценность», но фактически постоянно отсылает к явлениям такого порядка, которые мы маркируем как ценности.

Атеизм Фейербаха «конфессионален», пропитан христианскими, в наибольшей степени протестантскими, интенциями. Мыслитель практически не прибегает к опыту атеизма в античной и индийской философии, поскольку древний атеизм основан на совершенно другой мировоззренческой установке, нежели атеизм Фейербаха. Это не гуманистический атеизм, в нем даже не ставится проблема соразмерности человека миру, и поэтому для европейца он однокбок. В нем заключена лишь половина истины — способность к теоретической точке зрения, благодаря которой человек рассматривает себя как часть мира. Из этого вырастают наука и искусство, эстетическое и созерцательное отношение к действительности, но человеческая сущность отходит на второй план [4, с. 144, 183].

Истина христианства в том, что оно обращается к человеческой сущности. Но провозгласив конечного человека бесконечным существом, а бесконечный

мир — конечным, оно пошло на подмену реальности фантазией, мысли — чувством. Пока христианство было близко к своим историческим корням, это было достойное уважения, плодотворное заблуждение, даже несмотря на часто отмечаемую Фейербахом несовместимость с теоретической культурой. Христианство для него — это практическая и даже эгоистическая мировоззренческая установка, безразличная к бытию ничтожного тварного мира [Там же]. Как покажет уже в наши дни Линн Таунсенд Уайт, из такой установки вырос характерный для запада активизм в отношении природы [3]. Поэтому историческая необходимость религиозной стадии в развитии человечества сомнению не подвергается.

Более того, Фейербах вслед за Гегелем признает христианство высшей фазой в развитии религии и на этом основании полагает, что сущность христианства и есть в наиболее полном виде осуществившаяся сущность религии вообще. У Гегеля такая роль христианства выводится из уже субстанциального понятия религии. Для Фейербаха исключительная роль христианства объясняется тем, что он не признает реального существования религии вообще, реально для него существование исторической религии, религии во плоти и крови, т.к. нет смысла воображать объективно не существующую систему религиозных взглядов и практик.

И вот здесь как раз находится тот ценностный узел, который определяет взаимоотношения религии и атеизма в мировоззрении Фейербаха. Он ступает внутрь герменевтического круга. Выведя из христианства сущность религии, он провозглашает христианство абсолютной религией постольку, поскольку оно этой сущности соответствует [4, с. 178]. Вообще, Фейербах постоянно подчеркивает условность понятий «религии вообще» и «абсолютной религии», которые он вынужден применять, поскольку находится в рамках рационалистического эссенциалистского дискурса. Методологическое требование рассматривать религию «не только по восходящей линии», но и «во всю ширь ее существования» соблюдается им редко, хотя Фейербах понимает, что в целом анализ христианства недостаточен сам по себе — многие черты религии находят более осязаемое выражение в первобытной религии [4, с. 213]. Однако поставить христианство и религию «дикарей» рядом Фейербах не желает — и хотя он, специально того не оговаривая, отказывается от традиционного для своего времени богословского представления о том, что первобытная религия является результатом регресса ветхозаветной, христианство по-прежнему связано в его сознании с идеей прогресса.

Само христианство в изложении Фейербаха довольно своеобразно: Мартин Лютер, предреформационные по своему характеру немецкие мистики, Фома Аквинский, апологеты и Августин, апостол Павел. Здесь заметна тенденция, которую не так легко уловить, если не понимать, что она схвачена диалектически. Фома именно потому

уживается с Лютером, что знаменует антитезис в триаде, которую можно начать с апологетов и Августина. Именно потому так много Лютера, что для Фейербаха протестантизм — синтез, итог развития западной христианской традиции. В ней переплетаются воля и разум, любовь и вера, доктрина свободной воли и доктрина предопределения. Интересно, что католицизм для Фейербаха часто наивнее и в этой наивности ближе к исторической правде религии, чем протестантизм, как, например, в отношении к таинству причащения [4, с. 281]. Восточное христианство почти игнорируется, даже монашество рассматривается как явление, коренное для религиозной жизни Запада.

Поэтому и атеизм Фейербаха — это особый, северо-европейский атеизм, вырастающий из внутренних противоречий христианства, а не напрямую из науки и практики. Вообще, атеизм не возникает из религии сразу в готовой, зрелой форме. По Фейербаху ему предшествует «неверие», то есть такая форма религиозности, которая отказалась от многих важных атрибутов «религии вообще», в первую очередь, от веры в чудо. Результатом такого отказа становится характерное для т.н. «либеральной теологии» стремление сочетать христианские «субъективные», потусторонние ценности с «объективными», посюсторонними. Первые возможны лишь при условии, что между богом и человеком не стоит никакой посредствующей причины, каковая просто упраздняет бога, делая его лишним звеном в объяснении события [4, с. 223–224]. Это с точки зрения онтологии, а с точки зрения этики «неверие» — попытка совместить потусторонние и посюсторонние цели человеческой жизни, которую Фейербах горячо отвергает вместе со всеми теми, кто ни холоден, ни горяч.

Мыслитель искренне полагает, что из «неверия» есть лишь один путь — к атеизму, все остальное он расценивает как ложь и софистику. Однако в историко-философской перспективе атеизм Фейербаха сыграл двойственную роль. С одной стороны, он проложил путь марксизму, но с другой стороны его критика была воспринята более чем полвека спустя протестантским фундаментализмом, который провозгласил целью возврат к истине первоначального христианства. Вообще, такой вывод из своих идей Фейербах не допускает: история не имеет обратного течения, результаты диалектического синтеза неотменимы. Однако прибегая к отвлеченной критике противоречий христианства (наиболее яркой в диалектике веры и любви) он создает предпосылки для богословского прочтения своих идей, которое, впрочем, заставило себя ждать.

«Сущность христианства» — не просто памятник атеистической мысли, это еще и акт самосознания западно-европейского христианства, которым воспользовалось следующее поколение богословов и верующих. В данном случае ценность атеизма для религии гораздо выше ценности агностицизма, уклоняющегося от спора с религией по существу. Именно в этом смысле следует понимать известный тезис Александра Кожева, что атеисту «дан ход

к Богу» [2, с. 83]. Причина такого положения дел лежит в общности целой системы фундаментальных ценностей западноевропейского христианства и атеизма, эксплицированной Фейербахом.

Литература:

1. Жижек, С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Европа, 2009. 336 с.
2. Кожев, А. Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А. М. Руткевича и др. М.: Праксис, 2006. 512 с.
3. Уайт, Л. Т. Исторические корни нашего экологического кризиса // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2010. Т. 19. № 1. с. 184–193.
4. Фейербах, Л. Сущность христианства. М.: Мысль, 1965. 414 с.

Особенности проявления и становления феномена общего дела в период античности

Радчук Яна Владимировна, аспирант
Запорожский национальный университет (Украина)

Исследуются особенности проявления и становления форм общего дела в период античности. Механизм функционирования форм общего дела, обусловлен системой моральных и религиозных норм, которая позволяет гармонизовать и согласовать потребности личности и общества.

Ключевые слова: общее дело, потребности, интересы.

Прежде чем начинать рассмотрение особенностей проявления и становления феномена общего дела в период античности, следует обратить внимание на первобытное общество, где поиск пищи и тепла был общим делом родового сообщества. Один человек был беззащитен и слаб перед силами природы, а тяжелые условия жизни толкали людей на поиск новых, более доступных средств и предметов удовлетворения их насущных потребностей, которые и формировали возникновение первых форм общего дела.

Насущные потребности имели исключительное, доминирующее значение в первобытном обществе. Эта особая роль простейших, в основном биологических по своей природе потребностей, была обусловлена двумя причинами. Во-первых, удовлетворение насущных потребностей представляло собой сложную задачу и требовало большого напряжения сил. Во-вторых, сложные социальные нужды были развиты слабее, и поэтому поведение людей в большей мере зависело именно от биологических потребностей.

В то же время у первобытного человека начинает формироваться вся современная структура потребностей, которая, оказываясь, очень отличается от структуры потребностей животных. Поскольку человек поддерживает свою жизнь с помощью продуктов труда, сама трудовая деятельность становится важнейшей потребностью общества [8]. В первобытном обществе возникает сложное взаимодействие между индивидуальными и общественными потребностями.

Потом человек осознает потребность в коллективе, его значимость не как простого скопления себе по-

добных, а как единственную силу, способную противостоять внешнему миру благодаря осуществлению элементарных, однонаправленных действий, например: защищаться от зверей и охотиться вместе. Следствием этого становится возникновение у людей первых интересов, которые непосредственно связаны с сохранением коллективности. Эти интересы, несмотря на то что есть у каждого конкретного члена первобытного объединения отдельно, присущи всем его членам, то есть носят общий характер, а значит, являются общими интересами [4]. Необходимо подчеркнуть то, что общественный интерес в данном случае не является простой суммой личных интересов, а представляет собой сложно организованную целостность, причем главным фактором интегрирующим личные интересы в общественные, выступает совместная практическая деятельность как потребность, присущая каждому отдельно взятому человеку.

В момент изменения исключительно биологической потребности в социальную меняется сама сущность человеческой коллективности, которая от отношений стада пралюдей, основанных на общности потребностей, переходит к общественным отношениям, развивающимся на базе общности интересов.

Следующим шагом в истории развития общего дела становится осознание человеком не просто потребности в принадлежности к родовому объединению и его безусловной ценности, а выделение тех социальных отношений и их особенностей, которые способствуют наиболее полному удовлетворению его потребностей.

Итогом такого процесса стало появление у человека личных интересов.

А в результате борьбы интересов в объединении начинают складываться и развиваются элементарные формы общественного разделения труда [4]. Его закономерное следствие — социальное неравенство, основанное на способности членов объединения отвечать на требования, предъявляемые к ним со стороны коллектива и выполнять в нем определенные функции.

В процессе оценки результатов совместной деятельности появляются знания об организации труда, объединения как способе удовлетворения потребностей людей и реализации интересов, которые принадлежат обществу, то есть эти знания становятся собственностью объединения, которыми оно может свободно распоряжаться. Формируются социальные нормы, а затем обычаи и традиции, регулирующие отношения между членами объединения в их совместной жизнедеятельности.

Впервые в истории человечества возникает проблема гармоничного согласования общественных потребностей и личных интересов в проводимых на их основании действиях. Оценка результатов этого процесса ведется всеми членами объединения с позиций справедливости, которая начинает пониматься двойственно: 1) справедливость как равенство в учете личных интересов и распределение предметов удовлетворения потребностей; 2) справедливость как обоснованная личными заслугами и общепринятая привилегия первоочередного учета интересов одних людей перед другими.

Появление первобытных форм общего дела побудило к формированию религиозных норм, что давало возможность освобождения индивидуального сознания от выбора альтернативных решений в кризисных ситуациях, но исключало возможность нарушения существующих запретов. Первобытные формы религии предоставляли возможность сплочения всех индивидов в единое целое для поддержания их основной функции — выживания [6, с. 29.].

Далее происходит изменение экономических отношений с «присваивающих» на «производящие», что привело и к изменению общества. В земледельческих племенах основным типом поселения стало село, в котором проживала одна община, из родовой превращаясь в соседскую.

Сначала соседние роды и племена обменивались тем, что давала им природа: солью, редким камнями и т.п. Дарами обменивались как целые общины, так и отдельные люди. Затем выделились племена земледельцев, скотоводов и тех, кто вел земледельческо-скотоводческое хозяйство. Так между племенами с разной хозяйственной ориентацией, а впоследствии и внутри племен, развивался обмен продуктами их труда.

Прирост населения земледельцев и скотоводов, как правило, был выше, чем у охотников-собирателей, вследствие большей производительности производственного хозяйства. Соответственно, та же территория могла прокормить значительно больше людей.

Поэтому возникает противоречие между равенством в потребностях, имеющихся у членов родового объединения, и разницей имеющихся у них возможностей в их удовлетворении. Как неизбежное следствие этого в объединении появляется объективная основа для возникновения социальных и межличностных конфликтов, начинает складываться конфликтная ситуация, которая уже самим фактом своего существования создает угрозу целостности и жизнеспособности коллектива. Нарастает потребность в создании специального социального института, который способствует согласованию интересов и разрешению возникающих конфликтов, а вместе с тем обеспечивает поддержание существующего в обществе уровня разделения труда и тесно связанных с ним социальных отношений и системы ценностей [1, с. 270–272].

Поскольку противоречия между интересами личности и человеческого сообщества действительно существуют и могут достигать огромной остроты, то объединение выработало ряд механизмов, позволяющих решать такие конфликты. Древнейший из этих механизмов является мораль. Мораль возникла у первобытных людей для согласования интересов личности и общества. Главный смысл всех моральных норм, традиций, предписаний состоял в одном: они требовали от человека действовать в первую очередь в интересах группы, коллектива, удовлетворять сначала общественные, и только потом — личные потребности. Такая форма общего дела как забота каждого о благе всего племени — пусть даже в ущерб личным интересам — делала это племя жизнеспособным. Мораль закреплялась через воспитание в обычаях и традициях. Следовательно, общее дело стало первым мощным социальным регулятором человеческих потребностей, который руководит распределением жизненных благ. Моральные нормы предписывали распределять материальные блага в соответствии с обычаями, которые сформировались [8]. Выполнение этих норм путем приобретенного опыта формирует и механизм их передачи будущим поколениям.

Далее с развитием человеческого сообщества стихийно начинают формироваться и различные варианты совместной жизни людей. Параллельно с ними формируются их словесно-знаковые отображения, которые обеспечивали эффективное функционирование сообщества, его стабильность и дальнейшее развитие. Эти формы стали нормами сообществ, которые фиксировались в словесной форме, передавались от поколения к поколению как заповеди предков и базировались на их авторитете. Авторитетом же в первобытном обществе пользовались старейшины, то есть те люди, которые доживали до преклонного возраста и поэтому становились хранителями обычаев и традиций, носителями информации, особенно нормативной, которая производилась сообществом [6, с. 102–103].

В эволюции общественного бытия первобытных людей доминировала потребность удовлетворить интересы отдельного человека, которая подтолкнула инди-

вида к коллективным действиям. В первооснову политических отношений заложено формирование чувства долга и ответственности перед родом и группой родственников.

Таким образом, уже на уровне первобытного строя система общего дела выработала способность удовлетворять общественные потребности, которые не всегда совпадали с личными интересами каждого индивида.

Далее объединения, которые сформировались на основе родов, представляли собой полисный строй страны, то есть сосуществование десятков независимых городов-государств базировалось на территориальных общинах.

Полис как исторический тип объединения определяет общность, тем самым подчеркивая два элемента: общинный характер данного социального организма и своеобразие этой общины, что отличается от других типов общин (родовой, семейно-территориальной и т.д.). Чертами такой исторической формы есть, прежде всего, совпадение в принципе политического коллектива и коллектива земельных собственников, взаимозависимость гражданского статуса и права собственности на землю.

В полисе действовали различные органы управления, но верховным органом всегда оставались народные собрания как форма общего дела, которым принадлежало право окончательного решения всех важных вопросов. Еще одной важной особенностью полиса было совпадение политической и военной организации. Военные силы гражданской общины — ополчения граждан, то есть гражданин-собственник одновременно является и воином. Основным экономическим принципом полиса есть идея автаркии, то есть самостоятельности, в соответствии с которой производилась и полисная система ценностей, важнейшим элементом которой является твердая уверенность в том, что полис — высшее благо, и благополучие его членов зависят от него [5]. Полис представлял собой как бы единство в трех ипостасях: государство, город и община.

Мыслители Древней Греции обозначили основные мировоззренческие проблемы, возникающие при формировании потребностей. Они считали, что материальные потребности менее важны, чем духовные. Поэтому и удовлетворение потребностей не должно нарушать некую гармонию между природой, человеком и социальным миром. Это касалось и материальной, и трудовой деятельности [5].

Важнейшими общинными чертами являются стремление к однородности, сродству и взаимопомощи. В античном обществе они проявляются в различных формах. Уже к концу архаической эпохи в греческих полисах и в Риме сложилась система взаимных обязательств между гражданами и коллективом в целом как формы общего дела, следовательно, граждане, вне зависимости от своего имущественного положения, были обязаны подчиняться для пользы общества.

Поэтому учет имущественных возможностей граждан выступал в форме цензов, который периодически проводился и был очень важен в античных государствах.

Следующий шаг в рассмотрении интересов личности и потребностей социальных организмов в формировании общего дела был сделан Демокритом. В его трудах мы встречаем понятие полиса как «общего дела всех граждан», их «опоры», а это фактически означает, что объединение впервые рассматривается как форма выражения общественного интереса или, говоря по-другому, общественный интерес перестает существовать в сознании как некая неуловимая абстракция, а приобретает конкретные формы и очертания. Решение проблемы справедливого согласования общественных потребностей и личных интересов, которая существовала до этого момента только в плоскости поиска способа уравнивания всего многообразия личных интересов, дополняется и начинается постепенно перемещаться в плоскость поисков возможностей учета личных интересов в рамках общего дела.

В своих трудах Демокрит рассматривает вопрос о согласовании общественных потребностей и личных интересов как меры свободы, реализации своих интересов частными лицами и ограничения их вмешательства в государство. При решении этого вопроса он указывает: «То, что считается справедливым, не есть справедливое; несправедливо же то, что противно природе» [7, с.152].

В качестве критерия справедливого ограничения Демокрит, как и его предшественники, использовал материально-чувственные основания, которые, по его мнению, определяют интересы «общего дела» и ограничивают личные интересы членов полиса, выходящие за эти рамки.

Большой поворот в понимании человека совершили софисты. По выражению Протагора, «человек есть мера всех вещей». Софисты впервые в истории науки объявили главным, стержневым вопросом не учение о мире, а проблему человека. Как следствие, это привело к кардинальной переориентации всего мировоззрения. Человек с его проблемами, интересами и потребностями становится главным объектом их философии. Софисты учили граждан полиса приемам отстаивания своих интересов, удовлетворения своих потребностей не смотря ни на что [8].

Но в самом обществе усиливается социальная дифференциация, которая означала дифференциацию в возможностях удовлетворения потребностей. Позже, с появлением общественных классов, эта дифференциация достигает огромных масштабов: рабы и свободные крестьяне часто оказываются на грани выживания из-за неудовлетворения даже простых насущных потребностей, а рабовладельцы и жрецы приобретают возможность удовлетворять их в максимальном объеме. Удовлетворение потребностей все сильнее зависит не только от производства материальных и духовных благ, но и от места человека в общественной системе. В зависимости от при-

надлежности к той или иной социальной группе люди имеют разные возможности реализации потребностей. Более того, у людей из разных социальных слоев в процессе воспитания потребности формируются несколько по-разному [8].

В рабовладельческом обществе духовная деятельность и управление были привилегией господствующего класса, физический же труд — уделом рабов и бедноты. Поэтому физический труд попирался, а достойной свободного человека считалась лишь духовная деятельность. Поскольку труд рабов освобождал рабовладельцев от тяжелой повседневной производственной работы, это позволяло представителям господствующего класса уделять много внимания развитию искусства, литературы, живописи, философии, науки и т.д. Господствующая идеология оправдывала рабство.

Рабы и беднейшие слои населения не раз восставали против своих угнетателей. Эти восстания жестоко подавлялись. Но даже в тех редких случаях, когда они завершались победой рабов, это не означало конца рабства. Победители сами становились господами, превращая своих противников в рабов. Другой возможности при тогдашнем уровне развития и характера производительных сил просто не было.

Положение о всеобщем равенстве по природе выдвинул софист Антифонт. При этом он ссылался на то, что у всех людей: эллинов и варваров, благородных и простых — одни и те же естественные потребности. А неравенство людей проистекает из человеческих законов, а не через природу. «По природе, — говорит Антифонт, — мы во всех отношениях равны, притом и варвары, и эллины. Здесь уместно обратить внимание на то, что у всех людей нужды от природы одинаковы» [2, с.320–321].

Таким образом, идея естественного правового равенства всех людей, включая рабов, появилась еще в античности. В то время она базировалась на признании единства материально-чувственного происхождения всех людей и, как следствие, равном праве на реализацию интересов, основанных на естественных потребностях. Итак, в античности делается первая попытка определить предметом интереса общего дела обеспечение равенства людей в реализации их естественных прав.

Философ Древней Греции Сократ говорил о необходимости соблюдения всеми разумных и справедливых законов полиса, а также утверждал, что только на этом пути достижима свобода — прекрасное и величественное достояние как для человека, так и для государства. Идеи Сократа были развиты его учеником Платоном. Согласно Платону, каждый человек имеет базовые потребности, которые возможно удовлетворить, лишь вступая в контакт с другими людьми. Именно процесс удовлетворения потребностей и порождает социальные отношения и общество, формирует общее дело. Следовательно, любое государство, по Платону, возникло из потребностей людей. Прежде всего, из потребности преодоления хаоса и определенной организации жизни общества, ибо только это

могло обеспечить необходимые условия существования людей и реализацию их разнообразных интересов. Другая фундаментальная потребность, которая обусловила возникновение государства, заключалась в необходимости установления социальной справедливости между людьми. Таким образом, Платон рассматривает государство как форму выражения общего дела, общего для всех людей интереса.

Справедливость в идеальном государстве, по Платону, предполагает определенное равенство. При этом он различает два вида равенства: первый — это «геометрическое равенство», по мнению Платона, «именно настоящее и лучшее равенство», поскольку учитывает достоинства и добродетели каждого человека и соответственно к ним «большому оно уделяет больше, меньшему — меньше, каждому дая то, что соразмерно его природе» [9, с.349–350]. Второй — это «арифметическое равенство», которое имеет в своей основе равенство меры, веса и числа [9, с.349–350].

Следовательно, общее дело, по Платону, — это объединение, в котором вопрос о гармоничном сочетании общественных и частных интересов решается разделением труда и распределением доли «в общем процветании соответственно их природным данным» [8, с.349–350].

Кроме всего прочего, Платон считал, что сила государства заключается в силе его законов. При этом он подчеркивал, что закон выражает интересы большинства людей данного общества, и ему должны подчиняться все: от рядовых граждан до правителей.

Также свой вклад в решение вопроса о согласовании интересов и потребностей в формировании общего дела внес Аристотель, который продолжил исследование государства как формы выражения общественного интереса. Он считал, что сущность государства заключается в политическом общении между людьми. Поскольку человек по своей природе есть существо, которое общается и живет в обществе, поэтому он выступает как «политическое существо» [3, с.401]. Аристотель считал, что государство как общее дело «существует ради достижения благой жизни».

В основу любого государственного устройства, по его мнению, должен быть положен принцип справедливости. Аристотель говорит о двух видах справедливости: уравнивающей справедливости и справедливости распределяющей. Справедливость, которая распределяет, — это проявление справедливости при распределении всего того (власти, почести, выплаты и т.п.), что может быть разделено между членами общества. Принцип уравнивающей справедливости, по Аристотелю, выступает в распределении общих для всех граждан благ по достоинству, то есть пропорционально их вкладу в общее дело.

В эпоху эллинизма представление о возможности согласования общественных потребностей и личных интересов в формировании общего дела с помощью государственного устройства развивал Эпикур. Главная

цель заключается в обеспечении взаимной безопасности людей, преодолении их взаимного страха, непричинении ими друг другу вреда. С таким пониманием характера и цели общего дела связана и его трактовка государства и права как договора людей между собой об их общей пользе и взаимной безопасности [4].

Идеи древнегреческих мыслителей о гармоничном согласовании общественных потребностей и личных интересов в формировании общего дела получили дальнейшее развитие в Древнем Риме. С позиций естественного права как выражения материально-чувственной природы человека философское учение о государстве, законе и правах людей разрабатывал М. Т. Цицерон.

В основе права, согласно М. Т. Цицерону, лежит присущая природе справедливость. Причем справедливость эта трактуется им как вечное, неизменное и неотъемлемое свойство природы в целом, включая и человеческую. Следовательно, под «природой» как источником справедливости и права он понимает весь космос, весь окружающий нас физический и социальный мир, формы человеческого общения, именно человеческое бытие.

Речь при этом идет именно о естественно-правовом равенстве, а не об уравнивании имущественного состояния. Государство как «общий правопорядок» — это по сути естественное право самих людей. Оно есть «достоинство народа», объединенного общими интересами, и возникает из потребности людей жить вместе, что, по его мнению, глубоко соответствует природе человека как общественного существа [10, с. 20–21]. В идеях Цицерона задача общего дела заключается в гармонизации отношений между отдельными людьми, а также между различными слоями общества.

Идеи равноправия всех людей в реализации их интересов, вытекающих из общечеловеческой природы, как идеи общего дела нашли свое выражение в произведении Марка Аврелия «К самому себе», который, отталкиваясь от общего для всех людей духовного начала, делал вывод, что все люди — разумные существа. «Если так, то и разум, который указывает, что делать и чего не делать, тоже будет общим; если так, то мы граждане» [2, с.520]. Итак, Марк Аврелий развивал представление «о государ-

стве с равным для всех законом, которое управляется согласно равенству и равноправию всех».

В античности формируются формы общего дела, субъекты которого состоят из многообразия личностей, обладающих неодинаковым набором потребностей. Во многих греческих полисах человек получает право самостоятельно выбирать для себя род занятий, развивать и контролировать свои потребности. В древних цивилизациях продолжали создаваться формы общего дела как система норм, позволяющих гармонизировать, согласовывать потребности общества и личности, не допускать их столкновения. Если в первобытном строе это были моральные, а затем и связанные с ними религиозные формы, то после возникновения государства они регулируют человеческое поведение и нормы права. Правовые нормы устанавливаются государственной властью, которая следит за их выполнением, при необходимости используя принуждение.

В эпоху первых цивилизаций осложнились отношения между личными интересами и общественными потребностями. Появились потребности различных социальных групп, классов, слоев теперь уже неоднородного населения. Неудовлетворенность потребностей ряда социальных групп (прежде всего класса рабов) становится мощным стимулом социальных конфликтов. Развитие и удовлетворение потребностей человека остается противоречивым процессом.

Итак, подводя итог, можно отметить, что вопрос о согласовании общественных потребностей и личных интересов в становлении форм общего дела рассматривался в античной философии, там были не только заложены, но и концептуально разработаны идеи справедливости, была создана самобытная концепция меры вмешательства в личные дела человека.

Перспективы дальнейших исследований в этом направлении — продолжение анализа взаимосвязи интересов личности и потребностей социальных организмов в формировании общего дела на различных этапах развития общества, в частности, специфики проявления соответствующей взаимосвязи в эпохи Средневековья и Возрождения.

Литература:

1. Алексеев, В. П. Першиц А. И. История первобытного общества, Учеб. Для вузов по спец. «История». / В. П. Алексеев, А. И. Першиц — М.: «Высшая школа», 1990. — 351с.
2. Антология мировой философии: в 4 т. / В. В. Соколов. — М.: Мысль, 1969. — Т. 1. Ч.1.: Философия древности и средневековья. — 576с.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. / Ред. З. Н. Микеладзе. — М.: «Мысль», 1978. — 687 с.
4. Гончарова, А. Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества: Моногр. [Электронный ресурс] / А. Н. Гончарова — Красноярск: Краснояр. гос. ун-т., 2001. — 151 с — Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p0/instrum4247/item4250.html>
5. Коптев, А. В. Античное гражданское общество [Электронный ресурс] / Ю. К. Некрасова. — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261777086>
6. Крохмаль, Н. Историчні форми саморегуляції соціального процесу. / Н. Крохмаль — Запоріжжя: «Просвіта», 2004. — 144 с.

7. Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. / М. А. Дынник. — М.: Политиздат, 1955. — 239 с.
8. Орлов, С. В., Дмитренко Н. А. Человек и его потребности. Учебное пособие [Электронный ресурс] / С. В. Орлов, Н. А. Дмитренко. — Санкт-Петербург: 2005. — Режим доступа: <http://refitrend.ru/631411.html>
9. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. Ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи — М.: Мысль, 1994. — 654 с.
10. Цицерон, М. Т. Диалоги. О государстве. О законах. / Утченко С. Л. — М.: Наука, 1966. — 226 с.

ПРОЧЕЕ

Исследование пассажиропотоков на участках дорожной сети г. Волгограда на примере «Аэропорт — Центральный район»

Гудков Дмитрий Владиславович, кандидат технических наук, доцент;

Гусев Дмитрий Александрович, магистрант;

Илясов Федор Сергеевич, магистрант;

Саяпин Василий Владимирович, магистрант

Волгоградский государственный технический университет

Одной из ключевых проблем пассажирских перевозок в крупных городах является увеличение количества легковых автомобилей населения. Нарастающие темпы автомобилизации влекут за собой увеличение интенсивности движения на городских дорогах. Количество заторов на дорожной сети с каждым годом растет. В Волгоградской области за последние 10 лет увеличение количества автомобилей на тысячу жителей произошло на 61 % (см. рисунок 1). Как правило, основное увеличение происходит областном и районных центрах области.

Увеличение количества автомобилей обосновано желанием населения использовать собственный автомобильный транспорт, как наиболее комфортный вид передвижения, кроме этого выявлена неудовлетворенность услугами пассажирских перевозок с точки зрения регулярности движения на маршрутах общественного транспорта.

Для удовлетворения спроса населения в перевозках и минимизации загрузки транспортной сети необходимо провести расчеты количества и вместимости транспортных средств на маршруте в зависимости от времени года, дня недели, времени суток, а также от характера самого маршрута.

В настоящее время в городе Волгограде существует множество проблем, связанных с пассажирскими перевозками, в частности с общественным автомобильным транспортом. Наиболее выраженной является проблема дублирующих регулярных маршрутов перевозки пассажиров, обслуживаемых муниципальными и частными предприятиями транспорта.

Для проведения расчетов необходимого количества и пассажироместимости автобусов, обслуживающих участок дорожной сети необходимо обследование пассажиропотока. В наших исследованиях был взят участок до-

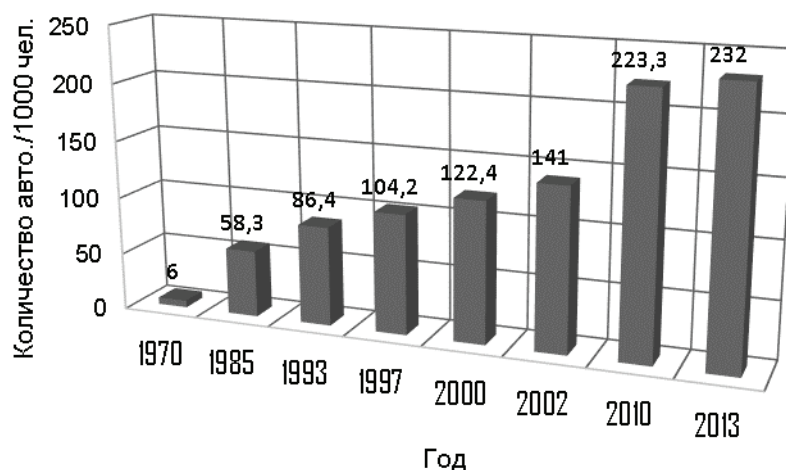

Рис. 1. Уровень автомобилизации в Волгоградской обл

рожной сети «Аэропорт — Центр города». На данном участке работает регулярный маршрут № 6э.

Конечные остановки маршрута № 6э — это ост. Агентство и ост. Аэропорт. Особенностью данного маршрута является доставка пассажиров к аэропорту, и перевозка прилетевших в Волгоград пассажиров до центра города, где они могут разместиться в отелях. Также, этот маршрут проходит через микрорайон Гумрак Дзержинского района, что является еще одной его важной особенностью, поскольку маршрут № 6э обслуживает жителей

этого микрорайона. Протяженность данного маршрута составляет 18 км. Транспорт работает на маршруте с 6 часов утра до 22 часов ночи. На пути следования имеется один ж/д переезд. Данный маршрут нами был взят за основу нашего обследования пассажиропотока.

В результате обследования получены следующие данные о распределении пассажиропотока (рисунок 2) и количества пассажирского транспорта (рисунок 3).

На исследуемом муниципальном маршруте № 6э наблюдается дублирование его маршрутами № 6к и № 6.

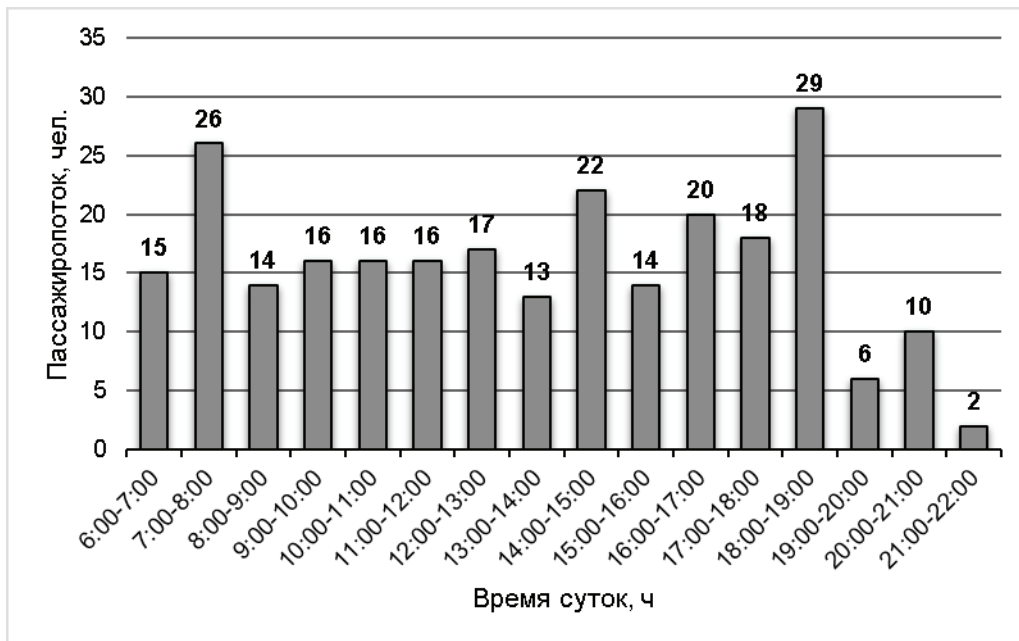

Рис. 2. Гистограмма изменения пассажиропотока от времени суток

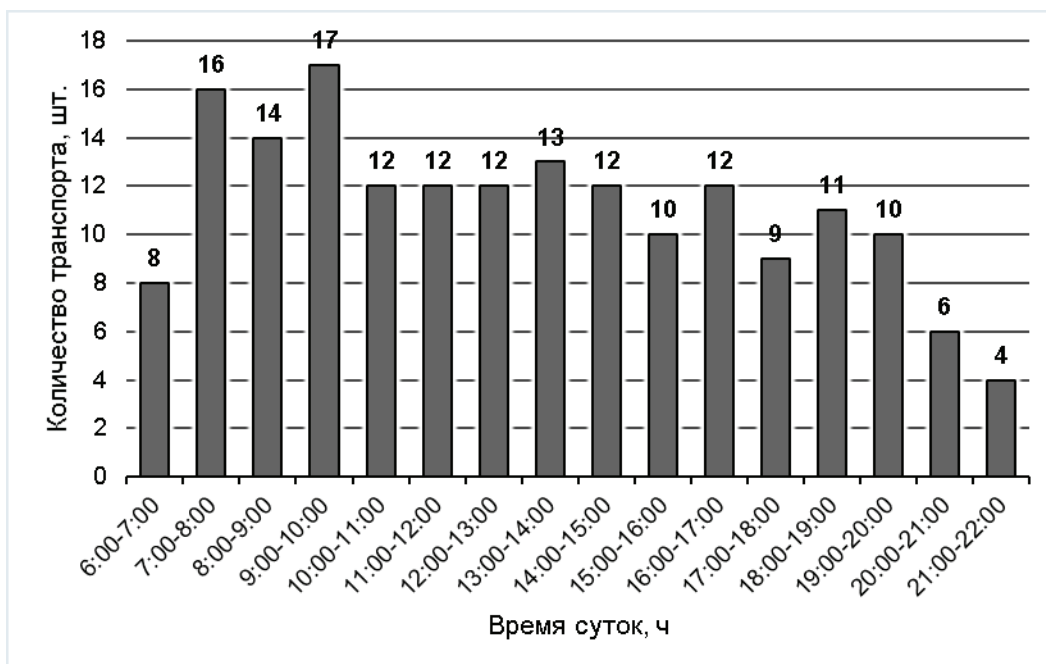

Рис. 3. Гистограмма изменения количества транспорта от времени суток

Маршрут № 6 дублирует маршрут № 6э от ост. Агентство до ост. Аэропорт, на всем его протяжении. Маршрут № 6к дублирует маршрут № 6э от ост. Технологический колледж до ост. Аэропорт, на протяжении 14,3 км, что составляет около 3/4 маршрута.

Маршрут № 6э обслуживает 6 автобусов марки ЛиАЗ-5256, которые работают с 6:50 до 21:00. Маршрут № 6к обслуживает 8 микроавтобусов ГАЗ-322132, которые работают с 6:00 до 22:00. Маршрут № 6 обслуживает 9 микроавтобусов, 6 из которых это ГАЗ-322132, 1 — Citroen Jumper, 1 — Ford Transit, 1 — FIAT Ducato, которые работают с 6:00 до 22:00.

На каждом маршруте установлено расписание, которое в основном соблюдается автобусами, работающими на конкретном маршруте. Однако согласование расписания с дублирующими маршрутами не проведено.

В связи с этим наблюдается высокая неравномерность движения. Ниже приведен расчет коэффициента неравномерности движения пассажирского транспорта по часам суток:

$$\eta'_{\text{нi}} = Q'_{\text{нimax}} / Q'_{\text{нi}}$$

где $Q'_{\text{нi}}$ — количества пассажирского транспорта по часам суток, пасс;

$Q'_{\text{нimax}}$ — максимальное значение количества пассажирского транспорта по часам суток, пасс.

Результаты расчета приведены в таблице 1.

Для повышения качества обслуживания пассажиров рекомендуется объединить маршруты в единый и скор-

Таблица 1
Результаты расчета коэффициента неравномерности пассажиропотока $\eta'_{\text{нi}}$

t	6:00–7:00	7:00–8:00	8:00–9:00	9:00–10:00	10:00–11:00	11:00–12:00	12:00–13:00	13:00–14:00	14:00–15:00	15:00–16:00	16:00–17:00	17:00–18:00	18:00–19:00	19:00–20:00	20:00–21:00	21:00–22:00
$Q'_{\text{нi}}$	8	16	14	17	12	12	12	13	12	10	12	9	11	10	6	4
$\eta'_{\text{нi}}$	2,1	1,1	1,2	1,0	1,4	1,4	1,4	1,3	1,4	1,7	1,4	1,9	1,5	1,7	2,8	4,3

ректировать интервалы движения маршрутных транспортных средств с учетом реального пассажиропотока.

Также необходимо взять под контроль частных перевозчиков, для наиболее эффективного взаимодействия их с муниципальным предприятием, обеспечив согласованность расписания движения автобусов на маршруте.

Для качественного обслуживания населения и гостей, прибывающих в аэропорт города Волгограда можно ре-

комендовать заменить подвижной состав на автобусы малого класса, а в часы пик (с 7:00 до 10:00 и с 17:00 до 19:00) на автобусы среднего и большого классов. Данные меры должны повысить качество пассажирских перевозок, на имеющем большое значение для имиджа города Волгограда направлении и повысить рентабельность перевозок пассажиров.

Литература:

1. Гудков, В. А. Технология, организация и управление пассажирскими автомобильными перевозками / В. А. Гудков, Л. Б. Миротин. — М.: Транспорт, 1997. — 255 с.
2. Володин, Е. П. Организация и планирование перевозок пассажиров автомобильным транспортом / Е.П Володин, И. И. Громов. — М.: Транспорт, 1982. — 198 с.
3. Ефремов, И. С. Теория городских пассажирских перевозок / И. С. Ефремов, В. М. Кобозев, В. А. Юдин. — М.: Высшая школа, 1980. — 587 с.
4. Пассажирские автомобильные перевозки / В. А. Гудков [и др.]; под ред. В. А. Гудкова. — М.: Горячая линия — Телеком, 2006. — 447 с.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 5 (85) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4